

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ШКОЛ I и II СТУПЕНИ

М. Н. КОВАЛЕНСКИЙ

ВЧЕРА и ЗАВТРА

КАК И ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ
НОВАЯ КРАСНАЯ РОССИЯ

ИЗДАНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

НАУЧНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕНОГО СОВЕТА
ДОПУЩЕНО ДЛЯ ШКОЛ I СТУПЕНИ

611 — 685 ТЫСЯЧА

М. Н. Коваленский

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 14554. Главлит № 43345. Напеч. 75.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата Москва, Пятницкая, 71.

I. Как богата наша страна и почему бедствовал наш народ.

1. Как богата наша страна.

Велика и обильна наша страна. По пространству ей почти нет равной в мире. Она занимает одну шестую часть всей суши. Если накроить на всей земле таких же больших стран, как наша, то их выйдет еще пять. Главные страны мира — Франция, Англия (без колоний) — много раз улягутся в нашей стране; у нас есть губернии больше Франции и Англии. В наших северных губерниях улеглись бы 4 Франции.

Наша страна не только велика, она и обильна, богата всякими благами, всякими дарами природы. На юге в ней — в черноморских степях — лучший в мире чернозем, дающий хорошие урожаи вовсе без удобрения; чернозем этот местами лежит пластом в 2 метра толщиной; чернозем занимает площадь до 90 миллионов десятин. На черноземе великолепно родится пшеница, из которой пекут белый хлеб. В других областях, где нет чернозема, можно сеять рожь для черного хлеба, лен, коноплю — для холстов и канатов, свекловицу — для сахара; на теплом юге родится виноград, из которого делаются вина, а на юго-востоке — хлопок, из которого ткется ситцы и другие бумажные ткани. Одна наша страна могла бы кормить и одевать всю Европу. Для пашни, где нет чернозема, нужны удобрения. Лучшие удобрения — не навоз, а химические вещества — фосфориты; этих фосфоритов у нас очень много. Лесов у нас тоже громадное количество: до 700 миллионов десятин занято лесом, а в Сибири сплошная тайга идет на тысячи километров; одна эта тайга тянется на 250 миллионов десятин. Среди этих лесов есть много прекрасного строевого леса.

Соли у нас тоже сколько угодно. В одной Екатеринославской губернии соль лежит пластом в 150 метров толщины. Этой соли хватит на многие тысячи лет.

Все орудия, инструменты, машины, все оружие, каким защищается человек, делаются из металлов: из железа, стали и чугуна. Железо, сталь и чугун выделываются из железной руды. Этой руды в земельных недрах нашей страны тоже не мало: она есть и на Урале, и в Донбассе, и в Сибири, и под Москвой. На Урале есть две гро-

мадных горы, которые целиком состоят из лучшей железной руды. В Донецком бассейне больше полмиллиарда тонн этой руды в земле. Столько же и в Сибири, в Кузнецком бассейне. Только что сделано новое открытие: громадные залежи железа найдены в Курской губернии.

Для фабрик и заводов, для железных дорог и пароходов нужно много топлива — каменного угля и нефти. Нефть нужна и для освещения. Где больше угля и нефти, там больше может быть фабрик, заводов и всяческих предприятий. Каменного угля у нас несметные залежи: в Донецком бассейне свыше 58 миллиардов тонн. И притом там имеется лучший сорт угля — антрацит. Этих угольных залежей хватит нам на 2.000 лет. В Сибири, в Кузнецком бассейне, открыты новые залежи угля, и, как утверждают ученые, там угля еще в 5 раз больше, чем в Донбассе. Есть уголь и на Урале, и под Москвой. Нефти много в Бакинском районе на Кавказе; есть нефть на Волге, на острове Сахалине и других местах. Недавно забил новый нефтяной фонтан под Майкопом, в Кубанской области; он дает $3\frac{1}{2}$ тысячи тонн нефти в сутки.

Есть в стране и другие богатства: торф и лучшая глина, медь и платина, золото и серебро. Всех этих богатств так много, что если бы все их мы могли извлечь и как следует использовать, так богаче нас и народа не было бы на свете. Сытый были бы мы народ, не знали бы никогда ни холода, ни голода, ни бедности, ни нищеты.

2. До чего бедствовал наш народ.

Что же мы видели вместо того на самом деле? Не страдали ли трудящиеся массы в нашей стране от холода, от голода, не знали ли они бедности, нищеты? Да, они знали хорошо все бедствия и голод, и холод, и подавляющее большинство трудящихся плохо питалось, плохо одевалось, жило в тесных, сырых, темных помещениях, и при этом несло тяжелый непосильный труд на фабриках, заводах, в шахтах, в рудниках, на земле.

Чудный у нас чернозем, а неурожаи были часты. На каждые 20 лет в среднем в России бывало по 4 больших голода, да сколько мелких голодовок! Громадный голод был в 1891—92 г.г. Люди мерли, как мухи. Но и без голода в обычные годы умирало у нас сотни тысяч народа: из каждой тысячи умирало около 30 человек. Малые дети вымирали того больше: из детей до 5-летнего возраста умирало 50 %, то-есть ровно половина. А все от чего? Взрослое население от нищеты и непосильной работы, а дети от плохого питания и плохих условий жизни.

И среди этой бедности, голода, нищеты красовались роскошные дворцы богачей, помещиков и банкиров, царей и министров. Тут совсем иначе шла жизнь, здесь денег не считали, деньги лились рекой, никаких трат не жалели. «На наш век богатства хватит», думали богачи. Правда, их было очень немного,—несколько тысяч на всю страну,—но все богатства страны были только

в их руках, все они только на них одних служили, только им одним принадлежали. Среди ужасающей бедности, было неслыханное богатство.

3. Отчего же это так вышло.

Отчего же это так вышло?

Отчего в стране, где так много всяких богатств, что на всех бы хватило, и все были бы сыты, голодных и нищих куда было больше, чем богатых и сытых?

Отчего в почве скрыто столько и золота и серебра, а крестьянину не на что было купить себе пищи?

Отчего в стране столько всяких искусственных удобрений, а крестьянин до последнего времени вывозит в поля навоз от домашней скотины?

Отчего так много лучшего в мире чернозема, и так часто вымирало население от голода и неурожая? Отчего так мало приносили пользы все эти богатства страны трудящемуся народу? Отчего посреди такой богатой страны был такой бедный народ?

«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет», говорили издавна. Вернее, порядок в ней был, но такой, при котором трудящемуся ничего из всех этих богатств не доставалось, а доставалось все паразитам-помещикам и капиталистам да их приспешникам — царям и чиновникам. А им всем какое дело до того, сыто ли и богато ли живет трудящийся народ, все ли богатства страны использованы для трудящихся, или нет. Им важно было самим быть сытыми, а до других не было им никакого дела. Вся наша история прошла в том, что помещики и капиталисты старались побольше отнять всего у крестьян и рабочих, побольше захватить богатства и барышей в свои руки и удержат в своих руках эти богатства. Они воевали больше всего с трудящимися, а завоевания богатств и сил природы — им было мало дела. Только с тех пор, как кончилась эта власть паразитов, как возникла после революции из старой царской России новая красная Россия, великая Советская республика труда, стало возможным самим трудящимся думать о своей пользе, взять на себя борьбу с природой, ее завоевание для всего трудящегося народа.

А как жилось трудящимся в нашей стране до революции, как приходилось им бороться с помещиками и капиталистами за свою жизнь, за свои права, — это видно из всей истории нашей страны.

II. Как жилось крестьянам.

4. Как жилось барщинным крестьянам.

Сто, сто пятьдесят лет тому назад, вся русская жизнь была совсем не такая, какова она теперь. Городов в России было тогда совсем мало; большая часть народа жила по деревням да усадьбам.

В селах и деревнях жили крестьяне, в усадьбах — дворяне-помещики со своими семьями и прислугой. Большая часть крестьян была помещичьими людьми, их крепостными; крестьяне работали на помещиков, ходили к ним на пригон или на барщину — пахать, сеять и собирать жатву; крестьяне несли помещикам разные изделия своего хозяйства: холсты, снопы хлеба, мясо скота, кур и яйца, и т. п., или платили деньгами: это был оброк. Крестьяне служили помещикам в их домах и усадьбах — составляли их дворню. У помещиков были десятки и сотни таких крепостных людей, рабов, а у некоторых их были и тысячи. Это было время крепостной неволи, а для помещиков — крепостного права (права на крепостных).

Как же жилось крестьянам тогда, во времена крепостного права? Об этом сами крестьяне рассказывают в своих песнях:

«О! Горе нам, холопам, за господами жить!
И не знаем, как их свирепству служить?!
Не выходит из головы господский страх:
Будто некакий сидит за плечами враг!
Сколько нам, братцы, ни рваться, —
Знать, по смерть нам их бояться!
Нет холопам никакой надежды...»

Тяжела была работа крестьян на барина, — барщина или панщина, — каждый день почти стогнали на нее крестьян. Где три дня в неделю, а где и все шесть и даже семь дней в неделю, приходилось ходить на барщину.

Крепостные рассказывали о барщине:

«Все мы в большой нужде жили, Панам пригон служили, По 3 дня в неделю с души. Хлеб ели с одной мякины Мучили нас хуже скотины: Не было березки, С которой бы не ломали розги, На нашу-то грешну спину	Ломали лозу и осину. Эконома, старосты и войта (при- казчика) Мы боялись хуже чорта. Напомнить теперь-- аж дивно! Они, бывало, непрерывно Бичами на нас махали; Никогда мы не отдыхали».
--	---

Кроме барщины, — работы на барском поле, — были еще другие работы:

«Кроме тяжелого пригону, — Усадьбу стеречь ходили, И всю ночь дрова рубили На кухню и барские печи; Спать нельзя было прилечи».	С голоду болевши, Рубищи надевши, Водицы напись, На пригон торопись. До солнца притти, Цепом крути».
---	---

Утром -- снова на барщину:

В день субботний все скребет
И под розгами ревет;
В воскресенье Савка пан —
Целый день, как стелька, пьян!»

У мелких помещиков дворовых бывало немного, — два, три человека. С Чичиковым (у Гоголя) всюду ездили двое — кучер Селифан да лакей Петрушка. С Хлестаковым в пути был один Осип. У Подколесина служил Степан. У господ побогаче дворовых считали десятками, а иногда и сотнями.

Много дворовой прислуги было у вельможи, богатого графа Разумовского. У него было много имений в разных губерниях, и в одном только из этих имений было дворовых 261 человек, в том числе: 10 лакеев, 7 белошвеек, 17 прачек, 14 музыкантов, 18 певчих, 13 охотников, 40 конюхов. Были свои повара, кузнецы, портные, переплетчики, лекаря, квартирмейстеры, живописцы. Все они работали на одну графскую семью.

Дворовым жилось всего тяжелее. Они всегда были на виду, на глазах у барина или барыни, никогда не могли забыть, что они — рабы. Чаще всего подвергывались они под барскую брань, под кулак и под оплеуху, под розги и плети. Были помещики, у которых дворовым совсем житья не было: такова была помещица Дарья Салтыкова, под Москвой. Она била своих дворовых смертным боем, била скалкой, поленом, батогами, била за всякую малость: за плохо вымытое белье, за недостаточно чисто вымытый пол. Говорили, что она замучила свыше ста человек своей дворни. Крестьяне двадцать один раз подавали жалобы на свою помещицу, но всякий раз дело кончалось тем, что наказывали за такую дерзость их же самих. Только двадцать вторая жалоба каким-то путем дошла до императрицы (тогда царствовала Екатерина II), и императрица пришла в ужас. Велено было нарядить следствие, проверить, неужели в жалобе говорится правда, а когда жалоба подтвердилась, — Салтыкову отдали под суд. На суде оказалось, что она своими побоями отправила на тот свет 38 человек своих крестьян, — это было доказано всеми собранными уликами, — об остальных ее жертвах улик всех собрать не удалось. Салтыкову приговорили к тяжелому наказанью. Ее выставили на одной из московских площадей, прикованную к позорному столбу, и на шею ей привязали лист с надписью: «мучительница и душегубица»; после этого поругания ее заточили навсегда в подземелье Ивановского женского монастыря, в Москве, близ Солянки. Там она и кончила свои дни. В народе долго помнили и рассказывали о замучившей столько душ помещице Салтычихе.

6. Как жилось оброчным.

Кроме барщины и дворовой службы, были еще оброки. Крестьяне должны были приносить барину хлеба, мяса, плодов, молочных продуктов, холста, яиц, домашней птицы и т. п., или платить деньгами.

Оброк собирали с целой деревни и, если помещик жил далеко, везли к нему целыми возами. Обозы с оброком шли обычно зимой, но снежному пути:

Покажется декабрь, — и тысяча обозов
Несут к столицам ненасытным,
Что целый год росло, а люди в день съедят.
Гречихи, ржи, овса и мерзлых поросят,
Соленые грибы, наливки, пастила.

«Возы, возы приехали! — вдруг начинали кричать братья и сестры, — рассказывала одна помещица о своем детстве. При этих криках мы, детишки, стремглав бросались к окнам, и нам было видно, что узенькая улочка, на которой стоял наш дом, вся запружена нашими деревенскими возами.

«Шумно и торжественно вносили крестьяне в дом кадки, бочки и боченки с квашеной капустой, с солониной, маслом, творогом, сметаной, с замороженными сливками. Наконец, все расставлено по полу во всех комнатах, которые принимают вид беспорядочного базара самой разнообразной снеди. Выходные двери закрывают, — и начинается распаковка: ящики взламывают, узлы и мешки развязывают, рогожи разрезают и оттуда извлекают банки с вареньем, горшки с маринадами, мочеными яблоками, соленою рыбкою, с медовыми сотами, с солеными и маринованными грибами и огурцами, выгаскивают мороженых кур, поросят, индеек, гусей и всякую дичину. Затем, постепенно начинают все это сортировать, — что относят в погреб, что в кладовушки и боковушки...

«Если бы наша семья не могла получать из деревни провизии, а также холста и кож, если бы крепостные не обшивали нас с ног до головы, — мы не могли бы существовать, а тем более жить на барскую ногу...»

После приема мерзлой живности и других продуктов, помещик посылал узнавать на рынок существующие цены и сбывал часть оброка лавочникам, для перепродажи. Хлеб, лен, коноплю, лес помещик отправлял обыкновенно за море, за границу, — эта торговля приносила ему большую прибыль, много денег, на эти деньги он мог купить себе и своей семье все, что тогда продавалось в лавках и магазинах. Помещик сам был наполовину купцом. Продавал и молочные продукты и находил это очень выгодным: содержать молочный скот было дешево, а при продаже молока денег выручали много. «Рогатый скот сам всегда платит — и хорошо платит — за свое содержание», говорил помещик.

Оброчным жилось легче, чем барщинным и дворовым. Правда, оброки росли год от года, нужно было все больше и больше платить помещику и деньгами, и натурой, и хлебом, и мясом, холстами и курами, маслом и яйцами, но кроме уплаты оброка не требовалось ничего: крестьянин мог жить совсем в другом селе или городе, рабо-

тать где и как угодно, извозничать и торговать в разнос, наняться ж купцу на фабрику, — и сам держать фабрику, — барину было все равно: был бы в срок уплачен оброк. Оброчные крестьяне целый год могли не знать барина, жить далеко от него, — им не грозили ежечасные окрики и побои, ежедневные розги и плети, — от платежа до платежа они были как бы вольные люди. Барщинным крестьянам приходилось постоянно ходить на барщину, работать под надзором барина и его приказчиков; барские розги и плети грозили им каждый день. Дворовым было еще тяжелее; они целые сутки были при барине, на его глазах. Им чаще всего доставались и штрафы, и окрики, и кулачная барская расправа, и плети, и розги на барской конюшне. Оброчные знать не знали барской конюшни.

7. Как судили крестьян помещики.

Крестьяне были в полной власти и подчинении у своих помещиков. Они сами принадлежали господам и все их мужичье добро принадлежало господам. Своего у мужика ничего не было. Что бы ни приобрел крестьянин, — барин всегда мог отнять для себя.

«О горе нам, холопам, от господ и бедств!
А когда прогневишь их, — так отнимут и отцовское наследство.
Что в свете человеку хуже сей напасти?
Что мы сами наживем, — и в том нам нет власти», —

так поется в народной песне.

И судился крестьянин почти по всем делам своим же помещиком. Царские суды и судьи не смели вмешиваться в этот помещичий суд; больше того: какой бы приговор ни вынес помещик для своих крестьян, царские чиновники обязаны были выполнять этот приговор, как если бы это был царский приговор. Только казнить смертью помещики своих крестьян не могли по закону, но другие наказания могли на них налагать: пороть розгами и плетью, сдавать не в очередь в рекруты, ссылать в Сибирь на поселение и даже на каторжные работы. За какие вины и проступки как наказывать — это тоже зависело вполне от помещика. Помещики творили суды сами или поручали своим приказчикам. Иные помещики вели особые списки, журналы, куда заносили все такие дела, все приговоры. В одном таком журнале читаем:

«№ 407. Нашим людям, — Алексею Крысину за несбирание кушать на стол, Матвею Павлову за уход из комнаты во время дежурства, не давать им мясной провизии по неделе...»

«№ 477. Ключнице Домне Фроловой, за подавание к столу худых сливок, не давать хлеба семь дней».

«№ 518. Впредь, ежели когда во время езды нашей в гости, не положится в карман гребенка, да для чищенья платья не возьмется

щетка, то того, кто нас будет одевать да дежурного лакея сечь розгами, давая по пяти тысяч раз нещадно».

Всем крепостным велено было ежегодно говеть, быть у исповеди и у причастия «всем без пропуска». «А ежели кто который год не будет говеть, того плетьюми, а которые не причастятся, тех сечь розгами, давая по пяти тысяч раз нещадно».

В случае, если приказчик, которому велено исполнить такой приказ, его не исполнит, пожалеет крестьянина, не даст ему положенного числа плетей или розог, сечь нещадно приказывалось самого приказчика: «а ежели по сему сделано не будет, то у кого сей наш журнал, того сечь плетьюми на дровнях, давая по сто ударов нещадно».

Вместо плетей могли высечь розгами. В таком случае вместо ста плетей давали 17.000 ударов розгами.

Тот, кого высекли, часто заболел от этого, ему разрешалось хворать неделю. Если же он хворал и пропускал работу дольше недели, его лишали за эти лишние дни всяких харчей, да еще вычитали деньгами, брали штраф в пользу барина.

У богатых помещиков были свои домашние театры, на них разыгрывались пьесы; играли свои, крепостные, актеры и актрисы. Беда, если такой актер или актриса в чем-нибудь ошибутся на сцене или в пении сфальшивят, возьмут не ту ноту: в перерыве между двумя действиями, их отправляли на барскую конюшню, и там кучера всыпали им 25 горячих, а потом актеры и актрисы возвращались опять на сцену и должны были снова играть королей и королев, знатных вельмож и дам, как ни в чем не бывало.

Были помещики более других жестокие или вспыльчивые: у них крепостным доставалось и чаще и хуже. У таких помещиков провинившихся крепостных секли солеными розгами, сдавливали пальцы тисками, кололи тело булавками и т. п. Были случаи, что заколачивали совсем на-смерть, а труп убитого приказывали завернуть в рогожу, свезти и кинуть в болото. Были помещики, секшие своих людей и совсем безо всякой вины, — так одна помещица, потеряв аппетит, приказала во время обеда приводить к ней кухарку и пороть ее перед барыней: это помогало барыне кушать обед с большим аппетитом. И все это сходило помещикам с рук: на помещиков крестьянам управы нигде не было. Жаловаться куда-либо и кому-либо на помещиков крестьянам было строго запрещено. Если кто осмеливался подать жалобу, — виновных били палками и ссылали в Сибирь па каторгу. Так делалось по царскому указу.

8. Как крестьяне венчались.

Крестьянская семья целиком зависела от того же барина. Женился ли парень, выдавали ли замуж девку, — необходимо было согласие барина, без этого согласия и поп не мог венчать. Часто барин сам устраивал свадьбы, назначал десятки женихов и невест и приказывал попу обкрутить их всех, по списку, — послушаться было

невозможно. Хотят или не хотят сами молодые люди и их родные этих браков, об этом их не спрашивали. За всякое ослушание в этом деле виновных ссылали в другие деревни, на скотный двор или на девичью, за прялку или за пяльцы.

О крестьянской свадьбе говорит в своей книге писатель Радищев.

«Проезжала тут свадьба, — рассказывает Радищев. — Но вместо радости, на лице жениха и невесты видны были печаль и уныние. Они друг друга ненавидят, и властью господина своего влекутся на казнь (т.-е. на брак), к божьему алтарю. И служитель божий утвердит этот брак. И этот брак назовется союзом божественным, и священным».

Часто помещик приказывал попу венчать парней с девками, кого с кем прикажет. Нередко, напротив, помещик запрещал браки, запрещал попу их венчать без разрешения. Об этом рассказывается у поэта Некрасова:

«Словно, как омут, усадьбу
Каждый мужик объезжал.
Помню ужасную свадьбу:
Поп уже кольца менял,

Да, на беду, помолиться
В церковь помещик зашел:
«Кто им позволил жениться?
Стой!» — и к попу подошел...

Остановилось венчанье.
С барином шутка плоха —
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,

В девичью — бедную Грушу,
И не перечил никто...
Кто же, имеющий душу,
Мог это вынести?... Кто?..»

9. Как шла торговля крестьянами.

Вся жизнь крепостного, вся его семья, весь его труд, все его добро были не его, а барские. Дети, внуки крепостных людей принадлежали тому же барину, как и их родители и деды. Крепостных покупали и продавали открыто, на рынках и базарах, ярмарках; их пригоняли туда целыми толпами, связанных или в оковах, выставляли на площади на продажу, и покупатели ходили, смотрели, ощупывали живой товар. Цены на крепостных, как на всякий товар, были разные. Часто за крепостного платили дешевле, чем за рысистого жеребца или за породистого щенка. Один помещик приобрел крестьянскую девку за 25 рублей и борзого щенка за 3.000 рублей. В газетах открыто печаталось объявление о продаже крепостных людей.

«Продаются дворовые мастеровые, люди хорошего поведения: 2 портных, сапожник, часовщик, повар, каретчик и 2 кучера; тут же продаются 3 беговые молодые лошади, один жеребец и 2 мерина, и стая гончих собак, числом 50».

«Продается девка, умеющая белье шить, гладить, крахмалить, кушанье готовить. Тут же продаются бриллиантовые вещи и цветные камни, да бык и корова, хорошей породы, за сходную цену».

Люди продавались наравне с вещами, собаками, коровами, лошадьми.

«Нами, как скотом привыкли обладать», — сами про себя говорили крестьяне в своих песнях:

«Все они были панами,
Начальниками над нами,
Они были и за судей,
Нас не считали за людей.
Крепостными нас имели, —
Сами смачно пили, ели,
Роскошничали, гуляли,
Нас на скотину меняли,
Генигровский Булгаку (один по-
мешик другому)
Три души дал за собаку».

10. Как велика была крестьянская бедность.

Скудна была крестьянская жизнь в неволе. Писатель того времени, Радищев, так описывает крестьянскую избу.

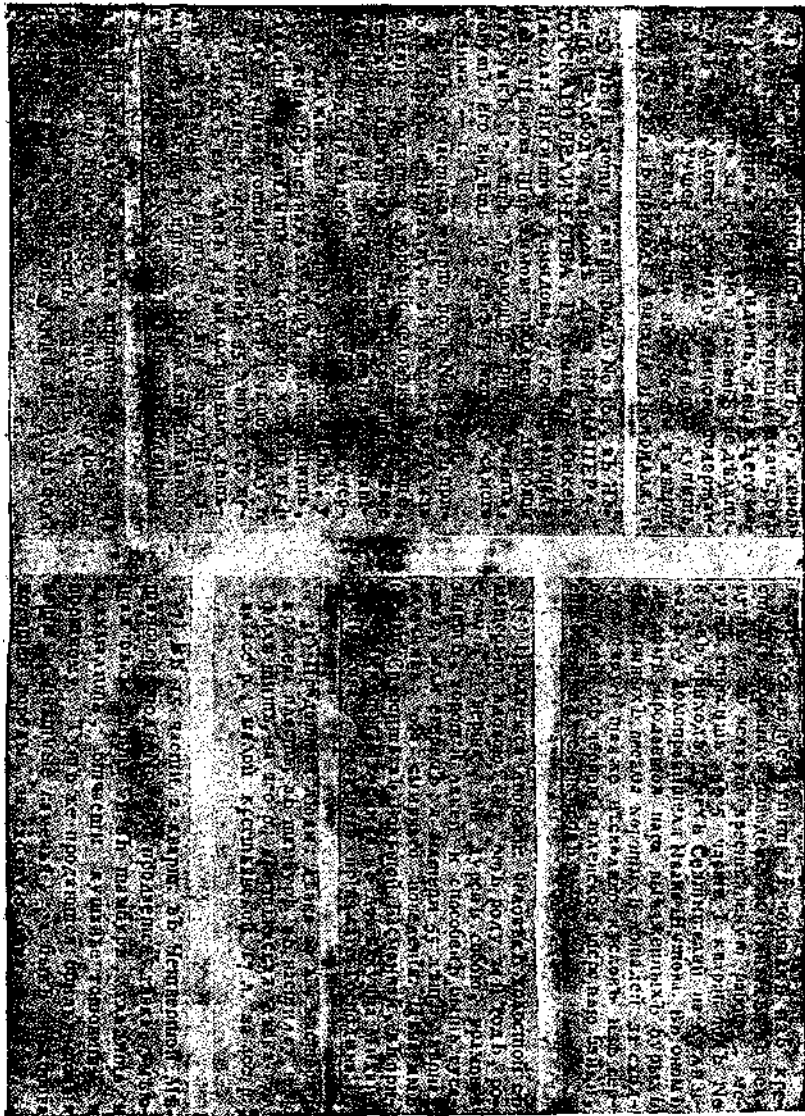
«Четыре стены, до половины покрытые, как и весь потолок, сажею. Пол в щелях, на вершок поросший грязью. Печь без трубы, и дым всякое утро наполняет избу. Окна, затянутые пузырем, едва пропускают свет. Горшка два или три, — счастливая изба, коли в одном из них всякий день есть пустые щи! — деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором рубленный, который скоблят скребком по праздникам; корыто кормить свиней или телят; спят с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча кажется как бы за занавеской...»

«Что мы крестьянину оставляем? — восклицал Радищев, изобразив эту избу. — То, чего отнять не можем — воздух! Да, один воздух! ...Закон воспрещает отнять у него жизнь, — да, убить крестьянина нельзя. Но сколько способов сократить ему жизнь прямо, не убивая! И таков жребий русского крестьянина. Это жребий раба в оковах, узника в смрадной темнице, вола в яре!..»

Сто лет спустя после Радищева поэт Некрасов написал две крестьянских песни, где поется про крепостную неволю, про тяжелую долю раба. Сам поэт назвал эти песни «горькими».

— Кушай торю, Яша!
Молочка-то нет.
Где ж коровка наша?
— Увели, мой свет!
Барин для приплоду
Взял ее домой.
Славно жить народу
На Руси святой!
— Где же наши куры? —
Девочки орут.

— Не орите, дуры,
Съел их земский суд
Взял еще подводу
Да сулил постой...
Славно жить народу
На Руси святой!
Разломило спину,
А квашня не ждет,
Баба Катерину
Вспомнила — ревет.

Объявление в газетах о продаже крепостных людей.

В дворе больше году,
Дочка... — нет родной.
Славно жить народу
На Руси святой!
Чуть из ребятишек, —
Глядь — и нет детей:

Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей.
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!

В этой песне крестьянская баба-мать угощает своего сына.

У поэта Некрасова, в одном его произведении выведен помещик, вспоминающий старое свое житье-бытье, вспоминающий, как ему, помещику, жилось во времена крепостного права. Вот как он описывает эту жизнь:

«Жили мы
Как у Христа за пазушкой
И знали мы почет.
Не только люди, русские, —
Сама природа русская
Покорствовалась нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе;
Твои — деревни скромные,
Твои — леса дремучие,
Твои — поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне в ноги валяются;
Пойдешь лесными дачами —
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою, —
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
Там рыба в речке плещется:
«Жирей, жирей до времени!».
Там заяц лугом крадется:
«Гуляй, гуляй до осени!».
Все веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «я твоя!».
Краса и гордость русская,
Белели церкви божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.

Вспоминает помещик и о том, как крестьяне являлись к нему с оброком:

«Скажу, не хвастая, —
Любил меня мужик!
В моей Сурминской вотчине
Крестьяне все подрядчики:
Бывало, дома скучно им, —
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны...
Ждешь, не дождешься осени,

Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл.
Играл, манил приветливо,
Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не привидится
Во сне, — какие праздники,
Не день, не два — по месяцу
Мы задавали тут!
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка;
Прислуги — целый полк!

Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантов,
И двадцать два охотника
Держал я... боже мой!
Летело время соколом,
Дышала грудь помещичья
Свободно и легко. —
Ни в ком противоречия:
Кого хочу — помилюю,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар-скуловорот!»

Жена, детишки малые
И те гадают, ссорятся:
Какого им гостинчику
Крестьяне принесут?..
И точно: поверх барщины.
Холста, яиц и живности,
Всего, что на помещика
Сбиралось искони, —

Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли.
Из Киева — с вареньями,
Из Астрахани — с рыбою,
А тот, что подостаточней, —
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает.
Детям — игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику —
Из Питера вина.
Тут с ними разгуляешься,

По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной
По чарке им нальет,
А детки тут же малые
Посасывают прянички,
Да слушают досужие
Рассказы мужиков, —
Про трудные их промыслы,
Про чужедальни стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань...»

12. Какова была дворянская Москва.

Столицей дворян была старинная Москва. Поэт Пушкин описывает эту дворянскую столицу: «Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое из всех провинций съезжалось и все на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда же из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале благородного собрания (ныне Дом Союзов); два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками. Московские обеды вошли в пословицу. Москвичи жили по-своему, забавлялись, как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, молодой чудак выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину рошу (на гулянье) в карете из кованого серебра 84-й пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит чело-век пять арапов, егерей и скороходов, — и цугом тащится по летней мостовой...».

В разных частях Москвы сохранились до сих пор многие барские дома, в которых проживали когда-то богатые помещики и вельможи века Екатерины. На Знаменке, близ Арбата, стоит громадное здание — в нем помещается теперь целый Румянцевский музей со всею своей библиотекой; тогда это было жилище дворянина Пашкова с его семьей и дворней. На Воздвиженке, где теперь Военная Академия Красной армии, — жил тогда гетман Малороссии, граф Разумовский. Он принимал у себя в гости всю Москву, и под старость выходил к гостям в ночном колпаке и халате, с нашитой на нем андреевской лентой. На Разгуляе, где позднее была целая 2-я гимназия, с несколькими сотнями учащихся, жил граф Мусин-Пушкин; у него было 50 тысяч крепостных в разных имениях, он был страшно богат: своих индеек он кормил трюфелями; другие птицы на птичьем дворе питались орехами, рейнским вином и сливками. На Басманной, в огромном здании жил богатч Демидов, пожертвовавший сотни тысяч

рублей на Воспитательный дом; нередко он выезжал в город на паре; «левая коренная с верблюда, а правая с собаку; на запятках — трехаршинный гайдук и карлица».

У многих вельмож были в домах свои театры, играли в этих театрах крепостные актеры и актрисы. Такие барские театры были у графа Шереметева в Кускове, под Москвой, у гр. Апраксина на Знаменке (где теперь Реввоенсовет), у Позднякова на улице Герцена (где теперь театр Революции), и другие. Кругом Москвы находились подмосковные имения вельмож, где они проводили лето и жили в полное удовольствие и веселье, принимая десятки и сотни гостей. В Нескучном под самой Москвой было имение графа Орлова, в Кускове, в Останкине — графа Шереметева; в Архангельском — графа Юсупова. Здесь жилось весело и роскошно, и гостей угощали на славу. Но гостями здесь могли быть только дворяне.

13. Какой силой были тогда помещики.

Помещик не только мог жить безбедно, — он по всей своей жизни отличался от остальных людей. У дворян были свои права, каких не было у других людей. Права эти были записаны в особом законе, в грамоте, которую дала дворянам царица Екатерина II. По этой грамоте господа благородные дворяне имели все права и никаких обязанностей. Только одни дворяне могли владеть землями и крестьянами, — другим это запрещалось; кормились они трудами своих крепостных рабов и имели над ними всю власть: это была их привилегия. А податей в казну они не платили, в солдаты их не брали, — они могли служить по своей воле. Наказывать их без суда не полагалось, а судить их могли только такие же дворяне» Сечь и пороть дворян совсем было невозможно: «телесное наказание да не коснется до благородного». И назывались-то благородными одни дворяне: все другие сословия назывались подлыми сословиями; подлыми называли тогда весь остальной народ.

И на суде, когда приходилось людям тягаться друг о другом, спорить о земле, о деньгах, или судили кого за преступление, — простые люди не были наравне с дворянами. Крепостной мужик не мог вовсе судиться со своим помещиком; а помещик мог судить его чуть не по всем делам. Мещанин, купец не могли судиться в одном суде с помещиком, — каждый судился в своем суде. Свидетелем по делу против помещика не мог быть его крестьянин, хотя бы он был единственный свидетель. Если было несколько свидетелей по тому же делу, и показания их расходились, то по закону и тут нельзя было верить купцу или мещанину, если они говорили не то, что Показывал помещик.

На суде полагалось верить:

мужчине, а не женщине,
ученому, а не неученому,

духовному, а не светскому,
и знатному, а не простому.

И наказания были для них разные: одних помещиков да разве еще купцов первых двух гильдий нельзя было наказывать телесно. Все другие подлежали порке.

Вся власть в стране была в дворянских руках. Царские советники и министры, губернаторы и прокуроры, городничие и исправники, — все были люди дворянского звания, «белой кости». Исправники даже выбирались самими дворянами. Все эти дворянские власти распоряжались в губерниях и уездах всем населением, держали его в своих руках, и чуть что — расправлялись с «подлым народом» по-свойски. В комедии Гоголя «Ревизор» купцы жалуются, как с ними обращается городничий:

«Такого городничего никогда еще не было. Не по поступкам поступает. Схватит (купца) за бороду, говорит: «Ах, ты татарин!». Ей-богу! Если бы, то-есть, чем-нибудь не уважили его, — а то мы уже порядок всегда исполняем: что следует на платье супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало, — ей, ей! Придет в лавку, и что ни попадетя, — все берет. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконце; снеси-ка ко мне!». Ну, и несешь, а в штуке будет без малого аршин пятьдесят. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь... Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, — ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины! Что делать, — и на Онуфрия несешь. А попробуй прекословить!..».

Такою силой были тогда помещики. Им было все возможно. Они могли все себе позволить. Они были сильнее всех в стране.

14. Как вертели помещики царями.

Не только крестьяне, но купцы и мещане должны были подчиняться дворянам, — и цари и царицы должны были им подчиняться. И законы писались тогда, нужные господам-дворянам, и войны велись такие, какие им были нужны. Для дворян воевала Россия с турками, отняла у них Крым и Черное море, — и в южных степях, отнятых у турок, на лучшей черноземной почве стали хозяйничать дворяне, стали помещики наживать. Нужны были дворянам-помещикам новые земли под пашню, новые мужики для барщины и оброка, — и цари раздавали дворянам обеими руками тысячи десятин земли, тысячи крепостных крестьян. Одна царица Екатерина в три года своего царствования роздала помещикам 800 тысяч душ мужского пола, не считая женщин, а ее сын Павел роздал в четыре года 600 тысяч.

В руках у дворян-помещиков была и большая военная сила. В армии и во флоте все военные начальники были дворяне; солдаты, матросы должны были им подчиняться беспрекословно, выполнять все их приказания. В столице стояли гвардейские полки, где служили самые знатные дворяне. Дворянская гвардия не один раз решала судьбы царей. Если какой царь ей не нравился, был ей

неугоден, она живо устраивала заговор, с оружием в руках являлась к нему во дворец и требовала, чтобы он уходил с престола. Если царь этому противился, его просто свергали, сажали в крепость, иногда убивали. Так было с малолетним царем Иваном VI, Петром III, с Павлом I. Ивана VI, совсем младенца, — он был еще на руках у нянек, и за него правила его мать, — лишили власти и вместе с родителями сослали на Белое море, потом заперли в Шлиссельбург, в крепость; много лет он высидел здесь, в каменных казематах, совсем одичал за это время, почти разучился говорить по-человечески. А когда ему минуло 24 года, его убили. Петр III был большой чудак и совсем не мог царствовать, обижал дворян, оскорблял придворных, оскорблял при всех даже свою жену императрицу. Дворянская гвардия подняла восстание, провозгласила императрицей его жену Екатерину (это и была Екатерина II), а самого Петра заставила отречься от власти; его заточили в замок Ропшу, под Петербургом, и там через несколько дней убили. Павел I был совсем большой рассудком, сумасшедший царь, он ничего не хотел знать, ни с чем не хотел считаться, огнивал у дворян их права и доходы, смешал без толку генералов, засекал до смерти множество солдат и приказывал сечь даже дворян; собственного сына — наследника престола (Александра) — собирался лишить наследства и посадил его под арест. Против Павла составилась большая заговор. Самые знатные гвардейские офицеры участвовали в этом заговоре; во главе заговорщиков стоял сам петербургский генерал-губернатор. Заговорщики, во всей форме, в трехугольных шляпах и с орденами, явились к Павлу в его дворец ночью, когда он спал, подняли его с постели, потребовали, чтобы он отрекся от власти.

— Что я сделал вам! — закричал Павел.

— Четыре года ты нас тиранил — ответили ему офицеры.

На царя набросились со всех сторон, повалили на пол, топтали ногами, били оружием, душили шарфом, проломил ему череп тяжелой золотой табакеркой. Потом не знали, как показывать его тело народу при погребении, так как он весь был избит и изранен. Так мало стеснялись дворяне со своими царями, раз те им не угодили.

Цари отлично знали и помнили, что им может грозить со стороны дворян, — и изо всех сил старались им угождать, как стараются угождать своим господам их приказчики. Цари русские назывались очень громко: благочестивейшие, самодержавнейшие, великие государи, — а на деле они были всего приказчиками у дворян-помещиков в их хозяйстве, они проводили во всех делах их волю, исполняли их повеления. Если хозяева-дворяне были довольны своим приказчиком, — они всячески его восхваляли, называли всякими почетными именами. Всего больше угодила дворянам царица Екатерина II: ее они называли своею «матушкой», «великой», «премудрой», «матерью отечества», ставили ей памятники, называли города ее именем: Екатеринослав, Екатеринодар. Дворянские поэты воспевали ее в стихах, называли «русской богиней», «Минервой» (Минерва — богиня мудрости у древних римлян). Когда полвека спустя царь Николай I

Во острогах ведь посижено,
 Что в Сибири перебывано,
 Кандалами ноги потерты,
 До мозолей душа ссажена!..
 А теперь за бар мы богу мо-
 лимся:
 Божья церковь — небо ясное,
 Образа ведь — звезды частые,
 А попами — волки серые,
 Что поют про наши душеньки...
 Темный лес — то наши вотчины,
 Тракт проезжий — наша па-
 шенька,
 Пашню пашем мы в глухую ночь,
 Собираем хлеб не сеявши,

Не цепом молотим — слегою,
 По дворянским, по головушкам,
 Да по спинушкам купеческим:
 Свистнет слегушка—кафтан со-
 шьет,
 А вдругоряд — сапоги возьмет,
 Свистнет втретьи — шапка с по-
 ясом,
 А еще раз — золота казна!
 С золотой казной—мы вольные;
 Куда глянешь—своя вотчина,
 От Козлова до Саратова,
 До родимой Волги-матушки,
 До широкого раздолыща —
 Там нам смерти нет, ребятушки!»

Из темного лесу, куда скрывались разбойники, писались письма, помещику, в его усадьбу. В таких письмах, например, писалось:

«Сим письмом, пущенным в люзанском лесу,
 Я моему барину повинную несу
 И всенижайше тебя уведомляю,
 Что я доселе твоих милостей не забываю
 И в скорости сам у тебя в гостях побываю.
 Извини, что чернила у меня в лесу нету,
 Чтоб написать тебе грамотку эту,
 Только я из превеликой к тебе любви
 Не пожалел своей горяченькой крови,
 Кою ты из меня не всю высосал,
 И жилы из меня не все вытянул;
 Что я тебе и на деле докажу,
 Когда тебя на острый нож посажу,
 А дом твой по ветру пушу, —
 Как ты меня без ничего оставил,
 Когда под красную шапку поставил!

(сдал в солдаты).

Остаюсь твой повар Никита,
 В солдаты забритый,
 И хоть лыком шитый,
 Да вышел из меня купец именитый, —
 Месяца и числа, живши в лесу с волками, не знаю,
 Год же сей последним в твоей жизни называю».

Неприятно было помещику получить из соседнего леса такое послание.

Не один раз поднимались большие мятежи; поднимались не одни крестьяне, — и казаки, и другие люди, все, кому тяжело жилось, поднимались на бунт целыми губерниями. С таким мятежом труднее было справиться.

16. Как бунтовали крестьяне при Пугачове.

Большой мятеж поднялся 150 лет назад, при царице Екатерине II. Подняли его казаки и крестьяне. Казаки сами когда-то вышли из крепостных; не стерпев неволи, они бежали от своих господ, ушли за рубеж дворянского государства, на юг, в степи, и там поселились; там они жили вольными станицами, промышляя на вольных землях, отбиваясь с оружием в руках от соседей татар. Во всех мятежах, какие поднимали против помещиков крестьяне, всегда впереди всех шли казаки. Так было и на этот раз. Начали мятеж уральские казаки, — казаки, жившие по реке Уралу. Мятеж охватил скоро весь Урал, почти всю Волгу и целый ряд губерний. Целая половина государства была охвачена мятежом. Казацкие отряды брали царские города, вводили там казачьи порядки; крестьяне жгли барские усадьбы, грабили барское добро, вешали и казнили самих господ. Свыше 700 дворянских семей погибло тогда. Теперь уже многим помещикам пришлось убежать из насиженных гнезд, спастись в чаще лесов.

Во главе мятежа стал донской казак Емельян Пугачов, принявший для большей удачи имя свергнутого дворянами царя Петра III. Под его знамена собралось сперва 300 казаков, потом скоро у него было уже 30.000 человек, а потом и 100.000. Пугачов прошел с победой по Уралу, прошел вверх по Волге. Нигде не могли ему оказать сопротивление. Мятеж разливался шире и шире, опасность грозила самой Москве, где жило много дворян, и где было еще гораздо больше дворовых крестьян. Со дня на день помещики ждали, что мятеж вспыхнет в самой Москве. Но до этого не дошло. Царские полки еще раз одолели восставших, еще раз сумели справиться с народным движением, разбить казаков, усмирить крестьян; народной крови при этом, конечно, не пожалели, — ее пролились целые моря. По Волге были пущены вереницы плотов с виселицами, на которых были повешены пугачовцы.

Во время мятежа Пугачов рассылал по стране свои мятежные грамоты, свои воззвания, призывал народ к восстанию, к открытой войне с помещиками, с царскими чиновниками, с воеводами. Эти воззвания писались от имени, якобы, царя Петра III, составлялись в виде обычных царских манифестов. В них «Император Петр Федорович» (Пугачов) призывал крестьян, казаков и других людей становиться на его сторону, на сторону «законного государя», которому они присягали; призывал крестьян бить и грабить своих помещиков безо всякой пощады, как и они мучили и тиранили своих крестьян. Пугачов обещал народу отменить барщину и оброки, отменить крепостную неволю, обещал крестьянам отдать им безданно-беспощинно отнятые у помещиков земли со всеми угодьями, обещал отменить подушную подать и рекрутчину.

«Жалуем сим именным указом, — писалось в этих манифестах, — вольностью и свободою, вечно казаками, не требуя рекрутских набо-

ров, подушных и прочих денежных податей; во владение землями, лесными, сенокосными угодьями, рыбными ловлями, солеными озерами,— без покупки и без оброку... Повелеваем сим нашим указом: кои дворяне в своих поместьях и вотчинах находятся, оных противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они чинили со своими крестьянами. По истреблении этих противников и злодеев дворян, всякий может почувствовать тишину спокойную жизнь, кои до века продолжаться будут».

Пугачов в занятой им крепости.

Когда мятеж был подавлен, Пугачов был взят в плен, привезен в железной клетке в Москву и здесь казнен всенародно, на Болотной площади, за Москвой-рекой. Ему отрубили голову.

И помещики и помещицы царица очень старались о том, чтобы русские люди скорее совсем забыли о бывшем бунте, о Пугачове. О нем запрещалось что-либо писать и печатать, самое имя его называть считалось преступлением. Собственная семья Пугачова получила другую фамилию. Реку, на которой он начинал когда-то свой бунт, Яик, как тогда называли, — не велено было больше называть Яиком, ее переименовали в Урал, и яицкие казаки стали уже уральскими казаками. Теперь, после революции, имя Пугачова не только не запретное больше имя, — о нем и о его делах пишутся книги, читаются лекции, сочиняются стихи; один из городов на Урале назван именем Пугачова (Пугачовск).

17. Что писал о крестьянской доле поэт Рылеев.

Пугачовщина кончилась неудачей, мятежников усмирили, крестьяне по-прежнему оставались в неволе. Полвека спустя после Пугачова, поэт Рылеев писал о крестьянской доле:

«Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Все в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать!
Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людьми,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?
Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?
По две шкуры с нас дерут;
Мы посеем — они жнут:
И свобода
У народа
Силой бар задушена.
А что силой отнято, —
Силой выручим мы то,
И в приволье,
На раздолье,
Стариною заживем!
А теперь господ
Грабят нас без стыда.
И обманом,
Их карманом
Стала наша мошна.

Баре с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам, по судам.
А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде!
Без синюхи (5 рублей)
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.
Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за все, про все давай,
Там же каждая душа
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель
За одно с секретарем.
Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь.
То дороги,
То налоги,
Разорили нас в конец!»

Песня кончается словами:

«Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!..»

На кого надеяться мужику? Кто ему в этой беде поможет?

«А до бога высоко,
До царя далеко!

Да мы сами
Ведь с усами, —
Так мотай себе на ус!»

Надеяться можно было только на самих себя.

V. Как дали крестьянам волю.

18. Как было отменено крепостное право.

После пугачовщины не было больше таких больших крестьянских бунтов и мятежей, но в разных уездах Российской империи то тут, то там постоянно шли мелкие волнения крестьян. Ни разу больше, до самой русской революции, не связывались они в один всероссийский мятеж, но все время мужики где-нибудь бунтовали. При царе Николае I, за 30 лет, было 556 отдельных мужичьих волнений. В конце того же царствования, во время Крымской войны с Западной Европой, в три года движение охватило 24 губернии. Помещикам и стоявшим за них властям приходилось подумать, что делать, чтобы мятеж не разгорелся на всю Россию.

Чтобы мятеж не разгорелся на всю Россию, чтобы сами помещики не погибли и не погубило все их добро, нужны были большие перемены. Надо было освободить крестьян. Владеть крепостными; для помещиков оказывалось небезопасным. Крепостные, недовольные своей судьбой, всегда готовы были возмутиться, восстать на своих господ, чтобы сбросить с себя ярмо неволи. В таком крестьянском восстании многих помещиков перебили бы, имущества их разграбили бы. Самая мысль об этом для помещиков была ужасной.

«Мы живем, как на огнедышащей горе, у нас под ногами вулкан, — говорили многие из помещиков. — Каждый день может начаться крестьянский мятеж, и тогда мы все погибнем, — погибнем жестокой, ужасной смертью, — крестьяне не пощадят нас тогда, не пожалеют. Жесток будет тогда наш конец, — с этой жестокостью ничто сравниться не может. Что же мешает нам самим развязать этот узел, что мешает нам самим отпустить на волю своих крестьян? Отпустив их на волю, мы и сами себя освободим, сами себя избавим от всех этих страхов и ужасов».

Владеть крепостными казалось теперь помещикам страшным, опасным делом: того гляди начнется пугачовщина, — что тогда?

Лучше самим дать крестьянам волю, дать ее «сверху», чем дожидаться, когда крестьяне придут бунтом и возьмут себе волю «снизу».

Один помещик сто лет назад решил освободить своих крестьян. Об этом он рассказал своему дяде: дядя не принял это всерьез, он подумал, что племянник просто свихнулся, сошел с ума. Потом племянник поехал в свою деревню, собрал крестьян на сход и? объявил им, что хочет отпустить их на волю. «Я собрал их и долго с ними толковал, — рассказывает он сам в своих записках: — они слушали меня со вниманием и наконец спросили: Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет? — Я им отвечал, что земля будет принадлежать мне, но что они могут нанять ее у меня. «Ну, так, батюшка, — отвечали ему крестьяне, — оставайся все по-старому: мы ваши, а земля — наша!» Напрасно старался помещик им объяснить, как для них выгодна свобода:

русский мужик не может понять, как ему быть без клок земли. «Я надеюсь, что они образумятся», — прибавлял помещик: ему казалось безумием, что они отказываются от воли, только чтобы сохранить клочок земли. Крестьянам, конечно, казалась безумной его затея: на что и воля, коли нет земли? Так не могли понять друг друга помещики и крестьяне, — они говорили точно на разных языках.

О том, что нужно отменить крепостное право, толковали уже сто лет назад, при царях Александре I и Николае I; тогда уже были помещики, стоявшие за освобождение крестьян, за отмену крепостного права; таких помещиков называли освободителями, либералами. Но большая часть помещиков долго еще стояла за крепостное право, не соглашалась на освобождение, боялась, что тогда крестьяне отобьются совсем от рук, не станут работать, перестанут слушаться господ. Крепостников было больше, — и либералам долго не удавалось настоять на своем. Наконец, при царе Александре II, когда особенно сильно начали волноваться крестьяне, когда в половине Европейской России шли волнения крестьян, либералы одержали победу. Им удалось и царя убедить, что без освобождения крестьян дальше жить нельзя, что, если их не освободит тотчас, начнется настоящая пугачовщина по всей стране. И крестьяне были наконец, освобождены. 19 февраля 1861 года царь Александр II подписал манифест об освобождении крестьян и Положение о крестьянах, вышедших из крепостной неволи.

19. Что это была за воля.

Волю крестьяне не взяли себе сами, они не добыли ее для себя восстанием, революцией. Волю дали им царь и помещики, и именно для того и дали, чтобы не было революции, чтобы крестьяне не освободились сами. Во всем деле освобождения крестьян в России крестьяне не участвовали вовсе: закон о крестьянской воле составляли одни дворяне в своих дворянских комитетах. Обсуждали проекты дворян другие дворяне, чиновники и министры, советчики царя, и опять-таки крестьян ни о чем не спрашивали, спрашивали одних дворян. Дворяне были хозяева, а царь и его министры были только приказчиками.

Не мудрено, что крестьянская реформа вышла удобнее для помещиков, чем для крестьян. Крестьянам дали волю, но что же это была за воля?

По «Положению 19 февраля» рабству крестьян наступил конец. Крестьяне стали вольными людьми, их больше нельзя было купить и продать, дарить и менять, закладывать и завещать, нельзя было давать их за дочкой в приданое, — никакие сделки на крестьян больше не допускались; крестьяне не были больше живым товаром, они были теперь не рабами, а вольными людьми. Крестьяне могли иметь свое имущество, свою собственность, землю, деньги, капиталы, и этой собственности не мог уже отобрать у них помещик. Они могли жаловаться в суд на прежних своих помещиков,

могли судиться с ними, вести все дела в суде, как и все прочие граждане.

Освободили крестьян с землей, но земли им дали меньше, чем сколько было у них при крепостном праве, а денег с них взяли

Распределение с крестьянами.

больше, чем стоила земля; помещики отрезали себе из крестьянских наделов около шестой части — из 30 миллионов десятин взяли себе 5 миллионов. Эти уменьшенные наделы крестьяне должны были

у помещика выкупить, для этого выкупа нужно было к тому же согласие помещика; если помещик не соглашался на выкуп, крестьянам оставалось брать землю в аренду, за особую плату. Только усадьбную землю (дворовое место с хатой) крестьяне могли выкупить и без согласия помещика. Если крестьяне хотели, то могли получить надел даром, но не в полном объеме, а вчетверо меньше, чем за деньги. Несколько миллионов крестьян получили этот нищенский даровой надел. Дворовые люди вышли на волю совсем без земли, их тоже было несколько миллионов. Деньги за землю помещикам выплатило правительство; крестьяне должны были потом вернуть казне эти деньги, и до 1905 г. (45 лет) вносили в казну эти тяжелые «выкупные» платежи. За землю, отданную крестьянам, помещики получили выкуп, гораздо больший, чем сколько стоила тогда земля,—вдвое и втрое больше. А казне крестьяне выплатили за этот долг того больше: казна заплатила за них помещикам 460 миллионов рублей, а крестьяне внесли в казну 680 миллионов рублей — в полтора раза больше. Так были ограблены и помещиками и казной крестьяне.

Зато были соблюдены все выгоды дворян-помещиков. Помещики избавились от бунтовщиков-крестьян, готовых во всякое время их ограбить, убить, поджечь, и могли теперь спать спокойно, — никакая пугачовщина им не грозила больше. Большую часть земли помещики удержали в своих руках. А за отданную крестьянам землю получили кругленький капиталец, — на эти деньги можно было и вольных крестьян нанять в рабочие, и сельско-хозяйственные машины выписать, и всячески улучшить свое хозяйство. Крестьяне получили земли меньше, чем им было нужно; за эту уменьшенную землю должны были платить больше, чем она стоила; волей-неволей им приходилось идти искать заработков, наниматься к купцу на фабрику и завод, либо к барину на сельские работы. И помещик и фабрикант получили наемных и к тому же дешевых рабочих. Наемные же рабочие и работали лучше крепостных: за плохую работу их сейчас же можно было рассчитать, заменить другими. Все выгоды были для помещика и для фабриканта, меньше всего выгод было для самих крестьян. Но и эта воля началась не сразу. Первые два года после реформы крестьянам приказано было по-прежнему ходить на барщину и платить барину денежный оброк, только несколько меньше прежнего. Целых два года, до 1863, крестьяне должны были еще оставаться крепостными. Помещикам хотелось еще хоть два года пожить по-старому, на шее у крепостных рабов.

20. Как принимали крестьяне такую волю.

Такую волю крестьяне встречали не очень охотно. Почти везде говорили, что такой воли не хотят, что это не подлинная царская воля, что помещики прячут настоящую волю, не хотят объявлять, что на барщину, на оброк на два года еще не согласны.

Пока крестьяне не знали еще, в чем состоит царская воля, — волю эту ждали с нетерпением и восторгом. Когда губернский чиновник ехал по Калужской губернии объявлять волю, ямщики на станциях спешили скорее перепрягать лошадей, чтобы не заставить других крестьян в деревне долго ждать этого объявления, и говорили друг другу: «Береги барина, чувствуешь, какую он благодать везет. Да попроворнее, там, небойсь, заждались». — «Ну, слава тебе, господи, — говорили ямщики: — дождался и мы светлого дня. Теперь и мы станем свои. А то и рождались чужие и умирали чужие. Все ты был чей-то, а теперь дождался, свой стал. Жили целый век как горох при дороге: кто ни пройдет, всяк щипнет, всякая ворона клевала. А теперь!..». Бабы в селе также радовались, что ни масла, ни холстов, ни яиц, ни грибов, ни ягод им больше на барский двор не носить. «И ягоды, и грибы шабаш?» — спрашивали они чиновника. «Шабаш!» — «Да ты не нарочно?» — «Нет взаправду, вот в книге написано». — «И, бабочки милые! Что ж это такое к нам привалило? Вот так ловко! Нас теперь голой рукой не хватай. Я теперь вольная!»

Но так принимали волю лишь в очень немногих местах. Почти везде царской волей оставались недовольны, отказывались верить, чтобы это была истинная воля, говорили, что это господа царскую волю подменили, спрятали, свой манифест прислали; не хотели даже брать самый закон о воле. В 37 губерниях — почти во всей Европейской России — из-за этой воли начались крупные волнения, беспорядки, а где начинались волнения, туда являлись царские генералы с воинскими командами, и там начинались усмирения. За 2 года, 1861—1862, было в 37 губерниях более 1.100 крестьянских волнений. В некоторых местах дело доходило до оружия, войска стреляли, были раненые и убитые, но гораздо чаще дело кончалось поркой: солдаты пороли крестьян десятками, сотнями.

Всего сильнее разыгралось дело в селе Бездне, Казанской губ. Здесь крестьяне, получив «волю», дали грамотному мужику Антону Петрову прочесть закон, чтобы он объяснил им, что там написано, что это за воля. Петров прочел закон; закон был написан книжным языком, непонятным простому человеку, а Петров не очень знал грамоте, то он многого в законе не понял; ему казалось, что в законе дано царем больше воли, чем было на самом деле. Он так и объяснил крестьянам закон. Так, он толковал им, что на барщину больше ходить не надо, что оброков барам платить не надо, что вся барская земля досталась теперь крестьянам и т. п. Крестьяне очень обрадовались такой воле; но окрестные помещики испугались: такой воли они совсем не хотели давать крестьянам. По требованию помещиков, явился в село Бездну царский генерал с командой, занял деревню и потребовал от крестьян, чтобы они выдали бунтовщика Петрова, иначе он будет стрелять. Крестьяне окружили избу, где был Петров, большой толпой и отказались его выдать. Толпа была безоружная; даже палки, у кого они были, старики велели бросать у околицы. Генерал, однако, не посмотрел на то, что

И не твой ли под горою
Сгнил до тла овин,
В запустелом огороде
Повалился тын?
Не твоей ли прокатали
Полосой пустой
Мужики дорогу в город
Летнею порой?
Не твоя ль жена в лохмотьях
Ходит босиком?
Не твои ли это детки
Просят под окном?
Не тебя ль в пиру обносят
Чаркою с вином.
И не ты ль сидишь последним
Гостем за столом?

Не твои ли это слезы
На пиру текут,
Не твои ли это песни
Грустью сердце жгут?
Не твоя ль это могила
Смотрит сиротой?
Крест свалился, вся размыта
Дождевой водой.
По краям ее крапива
Жгучая растет,
А зимой над нею выюга
Плачет и поет.
И звучит в тех песнях горе,
Горе да тоска.
Эх ты, доля! Эх ты, доля!
Доля бедняка!

И. Суриков.

Из деревни, от мужицкой нужды, ходили многие в город, на фабрики, на завод... Крестьяне обращались в пролетариев.

В деревне.

Ну, пошел же, конь мой карий,
Еду в город на завод:
Я крестьянин-пролетарий, —
Гонит с поля недород...
На деревне жмет нас вволю
Благодетель наш — кулак;
Рок судил нам злую долю
Ты — не барин, а батрак...

Изнуренный и бездомный
Надрывается мужик,
Бессознательный и темный,
К жизни лучшей не привык...
Ну, пошел же, конь мой карий,
Еду в город, на завод:
На заводах пролетарий
Долго лучшую кует...

Андрей Свободный.

22. Как началась новая крестьянская борьба за землю.

Первые крестьянские волнения после «воли» были усмирены, и на полтора десятка лет в деревнях водворился «порядок»: помещики вели свое хозяйство и наживались, крестьяне слушались их и не бунтовали.

При Александре III помещики просили даже вернуть назад крепостное право, и, когда этого сделать не удалось, они добились, по крайней мере, чтобы им вернули хотя бы часть прежней власти. По всей стране над крестьянами были поставлены новые земские начальники с большою властью. Земские начальники назначались непременно из дворян-помещиков. Им подчинялись выборные крестьянские власти, старосты, старшины и сами мирские сходы. Земские начальники могли судить и штрафовать крестьян. Без их утвер-

ждения не имело силы ни одно решение крестьянских сходок. Земский начальник — это был тот же помещик-крепостник, только власть его была меньше, чем при крепостном праве. Сели по всей России эти земские начальники и начали всюду усиленно пороть крестьян: наконец-то дорвались опять помещики до плетей и розог! За новый закон о земских начальниках помещики не знали, как им благодарить царя, они засыпали его благодарственными телеграммами.

Помещики думали, что теперь все в порядке, что им можно теперь спать спокойно. Но не так оказалось на самом деле.

Не прошло 15 лет, как волнения начались снова.

Крестьяне жаловались, что у них слишком мало земли для хозяйства, что им не хватает земли для пашни, что у них так мало земли, что даже:

«Куренка, скажем, выпустить некуда».

Крестьянам нужен был новый передел земель, нужны были новые земельные прирезки. Они ждали этих прирезок земли от царя, они думали, что царь смилуется над ними и даст им новую землю. Царь, однако, не хотел обижать дворян, отнимать у них земли, и велел объявить крестьянам, что «нового передела земель не будет, не будет новых земельных прирезок, чтобы их и не ждали. Отнять землю у помещиков и отдать крестьянам невозможно, — для помещиков это будет слишком большой обидой. Помещики владеют этой землей по праву, эта земля — их собственность, а всякая собственность — и мужицкая и дворянская — должна быть неприкосновенна». Так отвечали мужикам на их просьбы земли цари Александр III и Николай II.

Крестьяне, отчаявшись в царя, стали брать свою землю сами. С 1878 г. в разных губерниях крестьяне косили сено на барских лугах, выгоняли на барские пастбища свой скот, рубили барский лес, запахивали барскую землю, свозили к себе хлеб с барского гумна, из барских амбаров. Когда являлись исправники и урядники, их жестоко избивали, так что те не могли показаться на деревне. Еще через 20 лет, с 1898 г., волнения эти стали еще сильнее. «У нас в воздухе висит что-то зловещее, — жаловались помещики: — каждый день на горизонте зарево пожаров, по земле стелется кровавый туман, дышится и живется трудно, точно перед грозой. Мужик угрюмо молчит, а если заговорит иногда, то так, что мороз по коже пробирает». В 1902 г. крестьяне нескольких селений явились с подводами к барским амбарам, забрали себе хлеба, картошки, других продуктов и увезли к себе — и делали это в полном порядке по решению всего сельского мира, по мирскому приговору, с подписями и печатями, с сельскими властями впереди. Так было в Харьковской, Полтавской, Саратовской губерниях. Начальство, однако, скоро явилось с войсками, снова стреляло в толпу, арестовало свыше 1.000 человек, наложило громадный штраф, сослало зачинщиков в ссылку.

Прекратить волнения становилось труднее и труднее. Помещики говорили, что в деревнях русских теперь стоит «непрерывная крестьянская революция», что помещикам остается ждать, когда их повесят крестьяне на их же воротах, или же удирать из имений подальше — в города, в столицы, за границу. «Не городские, не фабричные и даже не столичные беспорядки опасны, — говорили теперь помещики:—опасность грозит из деревни. Многомиллионный крестьянский народ, спавший донныне у наших ног непробудным сном, проснулся: вот он поднимается во весь рост, вот он скажет свое грозное имя: «миллион!» — и крикнет на бар: «Каналья! Ты ешь мой хлеб!». Тогда помещику придется совсем плохо...».

Необходимы были новые меры, новые реформы, чтобы прекратить эти волнения, чтобы справиться с новой пугачовщиной. Нужно было снова давать крестьянам землю. Помещики отдавать земли не хотели, — разве что за деньги. А денег больших у крестьян не было.

Крестьянская революция разгоралась все больше и больше.

VI. Какова была новая городская Русь.

23. Как кипела жизнь в городах.

Во времена крепостного рабства, сто лет тому назад, в России было много сел и деревень, не мало было и барских усадеб, но совсем мало было городов. Села и деревни были разбросаны по всей стране, посреди полей, лугов и лесов: между ними тут и там красовались усадьбы помещиков с парками, службами и садами. Города, где и были, походили на большие деревни: рядом с казенными зданиями, торговыми рядами и базарными площадями, в них стояли те же барские усадьбы с обширными парками, службами и садами; тут жили те же помещики, окруженные своею дворнею. Фабрик, заводов, больших домов, занятых магазинами, конторами, сотнями рабочего люда, было совсем немного.

Прошло сто лет, — и все это совершенно изменилось. Исчезло множество барских усадеб, вырублены роскошные липовые аллеи и вишневые сады, где когда-то гуляли и веселились помещики и их семьи; разрушились их богато украшенные усадьбы, на их местах выросли фабрики и заводы, каменные громады с машинами, трубами, тысячами рабочих. Выросли сотни больших городов, с сплошными рядами больших зданий, без парков и без садов, зато с большими витринами в нижних этажах домов, с богатою выставкой товаров в этих витринах, со многими этажами, заводскими, банкирскими конторами; здесь целый день кипит работа, принимаются и выполняются заказы, наживаются и прожитаются большие деньги. Толпы прохожих и проезжих снуют по улицам городов, движутся по трамвайным линиям в электрических вагонах, несутся на бешено мчащихся

и грохочущих автомобилях. Длинными вереницами тянутся по улицам обозы с товарами, их обгоняют доверху нагруженные грузовики. Каждый вечер — до поздней ночи — улицы освещаются рядами ярких фонарей, от них целое зарево стоит над городом, озаряя ночное небо. По окраинам городов дымят и копят небо высокие трубы фабрик и заводов, а кругом них в жалких лачугах или в громадных грязных казармах ютятся рабочие этих фабрик и заводов. В богатых кварталах красуются роскошные особняки богачей-миллионеров.

И в деревнях, населенных крестьянским людом, свои перемены: рядом с покосившимися, покрякивающимися, крытыми соломой лачугами, бедноты, стоят одинокие дома под железной крышей, — лавки, трактиры, кабаки, жилища разбогатевших сельских кулаков-мироедов. А из деревенской бедноты многие совсем бросили деревню, ушли от своих полей в города, в извозчики, в рабочие — на фабрики и заводы. Обнищавших крестьян тянет в город: там, может быть, найдут и они работу, там, может быть, удастся устроиться. Тяга в город — из деревень большая. За сто лет сильно выросло и число городов и количество городских жителей.

Между городами, селами и деревнями протянулись длинными линиями рельсовые, стальные пути — железные дороги: они связывают теперь все концы страны, связывают внутренние области с окраинами, с дальними морями, с чужими странами. По этим рельсам бегут вереницы груженных людьми и товарами вагонов, и такие же вереницы баржей и пароходов движутся по рекам, тоже с людьми и товарами. Вдоль рек, вдоль рельсовых путей стоят высокие телеграфные столбы, — и по проволокам бегут во все стороны нужные для деловых людей известия, телеграммы. В разных концах страны тотчас становится известным все, что есть важного, интересного во всей стране и в целом мире. Весь мир узнает тотчас же, где вспыхнула война, где началась революция, свергли правительство, убили министра, выбрали депутатов, где какая сегодня цена на различные товары, где больше каких товаров. Все это печатают в газетах, а газеты пачками продают на улицах, — мальчишки-газетчики кричат, предлагая газеты, о всех новостях, о каких напечатано в газетах.

Все это. выросло за последние полвека. Все это было уже так 10 лет назад — до войны, до революции.

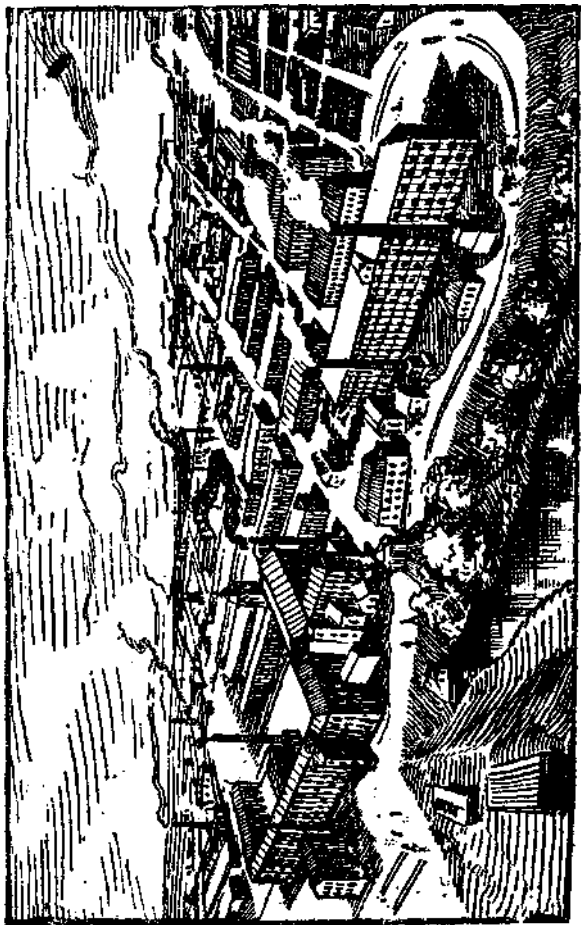
Кто же был тогда главным хозяином всех этих новых городских зданий, новых богатств, собиравшихся в городах? Кому принадлежали лучшие в городе дома, самые богато-отделанные особняки, самые высокие небоскребы? Не дворянам уже, не помещикам, а купцам, фабрикантам, банкирам.

24. Как на фабриках и заводах создавались богатства капиталистов.

Новым хозяином в этих городах, хозяином всех этих несметных богатств была буржуазия. Она жила в этих роскошных зданиях, она пиновала в этих сверкающих огнями трактирах и ресторанах,

она мчалась по улицам в давящих народ автомобилях. Вся городская жизнь была достоянием этой буржуазии. Она была главная сила во всей стране.

Где же создавалась эта новая сила буржуазии? Где выковывалось то, что давало ей мощь? Откуда брались ее доходы? Доходы эти давали ей фабрики и заводы. Сотни и тысячи рабочих трудились

Заводской район большого города.

здесь целыми днями, а кое-где и день и ночь трудились у машин, в громадных каменных корпусах, трудились за гроши, которые им платил хозяин. Этим трудом рабочих создавались те товары, которые после продавали хозяева. Из денег, вырученных от продажи, часть шла в уплату рабочим, остальное хозяева клали спокойно себе в карман; если бы не было хозяев, или хозяевами фабрики были сами рабочие, — и этот излишек шел бы в карман рабочим.

Так создавались хозяйские капиталы, так росло денежное богатство буржуазии.

На окраинах больших городов, в рабочих кварталах, стояли эти каменные громады фабрик. Длинные, кирпичные корпуса, высокие, тонкие трубы высились друг за другом; с раннего утра, как только закричат фабричные гудки, со всех сторон тянулись к ним длинные черные вереницы рабочих, — черными роями выползали они из соседних улиц и переулков; они заливали всю улицу, все тротуары шумом голосов, стуком подошв наполняя пространство. Черные окна фабрик загорались светом, из высоких труб вырывались клубы дыма, грохот машин начинал гудеть внутри фабричных зданий. От движения машин дрожала вся каменная громада. Длинные передаточные ремни, точно желтые змеи, мчались с бешеной быстротой от машины к машине, от колеса к колесу, от вала к валу, — мчались высоко под потолком, они приводили в движение целые сотни частей, машин, колес, валов. Около стен двигались вверх и вниз подъемные машины, — из их клеток то и дело выбрасывались груды сырья, ряды людей и горы товаров. Рабочие в рубахах, замазанных грязью, красками, копотью, с лицами, почерневшими от пыли и копоти, мелькали в этом царстве машин, — и сами люди казались тут машинами, или частями машин.

Там, где плавил чугуны, где выковывали железные рельсы, болты, где машины выдвигали машины, — там была другая картина. Тут стояли огромные домы — печи ростом с трехэтажный дом, с пастью сверху. В эту пасть опораживали громадные кораба с улем и рудой, целые тучи пыли, дыма и искр взлетали кверху, в черным балкам кровли, перехватывая дыхание, слепя глаза рабочим. Огненные языки взлетали из глубины пасти вверх, освещая ярким светом полунагие фигуры рабочих, с телами, покрытыми потом. Длинные ослепительными змеями двигались из громадной печи реки расплавленного металла, вливаясь в приготовленные формы. Громадные паровые молоты, в тысячи пудов веса, ударяли по раскаленным железным полосам, обрушиваясь на них сверху с невероятной силой. Люди двигались между ними в железных фартуках, в железных сапогах, — только так и можно выдержать это пекло.

Здесь посреди таких вечно движущихся колес, валов, ремней в этом царстве огня и пара, работали за гроши люди, нанятые хозяином, — люди, которых гнала сюда их бедность, их нищета, их голод. Здесь своим трудом, трудом своих рук, мышц и нервов, создавали они те богатства, на которые жили хозяева-богачи. В царстве машин и огня создавались миллионы для миллионеров.

Большая часть этих фабрик и заводов выросла в России в XIX и XX веке. В начале XIX века их было около 3.000 на всю Россию, к началу XX века их насчитывали свыше 40 тысяч. Целые армии рабочих работали на этих фабриках и заводах. К концу XX века фабричных рабочих считали несколько миллионов человек, и с семьями, кормившимися на их счет, их были десятки миллионов. Это было целое рабочее царство.

25. Как работал большой завод.

Писатель Куприн в рассказе «Молох» 20 лет назад говорил уже о большом металлургическом заводе:

«Это был настоящий город из красного кирпича, с лесом высоко торчащих в воздухе закопченных труб, — город, весь пропитанный запахом серы и железного угара, оглушающий, вечным, несмолкаемым грохотом. Четыре доменных печи господствовали над заводом своими чудовишными трубами... Вокруг доменных печей разбросались другие здания: ремонтные мастерские, литейный двор, промывочная, паровозная, рельсопрокатная, мартеновские и пудлинговые печи и т. д.

«Во всех направлениях сновали маленькие паровозы. Показываясь на самой нижней ступени, они с пронзительным свистом летели вверх, исчезали на несколько секунд в туннелях, откуда вырывались, окутанные белым паром, гремели по мостам и, наконец, точно по воздуху, неслись по каменным эстокадам, чтобы сбросить руду и кокс в самую трубу доменной печи...»

«Тысячи звуков смешивались здесь в длинный, бесформенный гул: тонкие, частые и твердые звуки каменщицких зубил, звонкие удары клепальщиков, чеканящих заклепы на котлах, тяжелый грохот паровых молотов, могучие вздохи и свист паровых труб покрывались то и дело глухими подземными взрывами, заставлявшими дрожать землю».

Куприн описывает дальше, как пускали в ход новую доменную печь: «Горновый мастер поплевал на руки, то же сделали четверо его подручных. Потом они подняли с земли очень длинный стальной лом, долго раскачивали его и, одновременно крикнув, ударили им в самый низ печи. Лом звонко стукнулся в глиняную втулку. Рабочие ударили в другой раз; потом в третий, в четвертый... и вдруг, из-под острия лома брызнул фонтан нестерпимо яркого, жидкого металла... Чугун медленно полился по песчаной бороздке, принимая оттенок огненной охры. Целые снопы блестящих крупных звезд летели во все стороны из отверстия печи, громко треща и исчезая в воздухе».

«Вот рельсопрокатный цех: огромный брусок раскаленного металла проходит через ряд станков, катясь от одного к другому по валикам... Брусок втискивался в отверстие, образуемое двумя стальными вертевшимися в разные стороны цилиндрами, и пролезал между ними, заставляя их раздаваться и дрожать от напряжения. Дальше его ждал станок с еще меньшим отверстием между цилиндрами. Кусок стали становился после каждого станка все тоньше и длиннее и, несколько раз пробежав рельсопрокатку, взад и вперед, принимал мало-по-малу форму десятисаженной красной рельсы».

Везде на заводе, уже 20 лет назад, царил машина. Всю работу выполняла она. Но управлял машиной человек: «сложным движением 15 станков управлял всего один человек, помещавшийся

над паровой машиной, на возвышении вроде капитанского мостика. Он двигал рукоятку вперед,— и все цилиндры и валики начинали вертеться в одну сторону; двигал ее назад,— и цилиндры и валики вертелись в обратную сторону. Когда рельса окончательно вытягивалась, круглая пила, оглушительно визжа и сыпля фонтаном золотых искр, разрезала ее на три части».

«Гордость завода — его громадная паровая машина в 900 лошадиных сил; машина эта в отдельном здании. Несмотря на громадность машины, она почти не издавала стука. Два поршня, в 4 сажени каждый, мягко и быстро ходили в цилиндрах. 20-футовое колесо, со скользящими по нем 12 канатами, вращалось также беззвучно и быстро. Эта машина приводила в движение все машины завода».

«Громадные доменные печи завода топились каменным углем. В громадной каменной яме, у самых печей, помещались топки. Шестеро обнаженных до пояса людей работали там, у этих топок. На их обязанности лежало непрерывно, и днем и ночью, подбрасывать каменный уголь в топочные отверстия. То и дело со звоном отворялись круглые чугунные заслонки, и тогда видно было, как в топках с гудением и ревом клокотало ярко-белое бурное пламя. То и дело голые тела рабочих, высушенные огнем и черные от пропитавшей их угольной пыли, нагибались вниз, при чем на их спинах резко выступали все мускулы и все позвонки спинного хребта. То и дело худые цепкие руки набирали полную лопатку угля и затем быстрым, ловким движением всовывали его в раскрытое, пылающее жерло. Двое других рабочих, стоя наверху и также не останавливаясь ни на мгновение, сбрасывали вниз все новые и новые кучи угля, который громадными черными валами возвышался вокруг котельного отделения».

Писателю казалось, что этот большой завод — как какое-то древнее божество, которому приносят человеческие жертвы, как «Перун» какой-нибудь, или «Молох», о котором рассказывается в старинных книгах. В жертву этому Молоху приносятся тысячи рабочих, теряющих силы, здоровье и часто жизнь на тяжелой заводской работе.

Но хозяин завода — капитал. И жертвы эти приносятся не самому заводу, а капиталу. Капитал — вот бог, царящий над буржуазным миром.

26. Как менялась Москва.

Уже сто лет назад поэт Пушкин писал про Москву, что эта старая дворянская столица совершенно изменилась: «Куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь. Все исчезло. Ныне в примирившейся Москве огромные барские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей за комнату... Барский дом дряхлеет. Во флигеле живёт немец-управитель и хлопочет о проволочном за-

воде. Москва, утратившая свой дворянский блеск, процветает в других отношениях: промышленность в ней оживилась и развилась с необыкновенной силой. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством».

На московских улицах выросли большие, красивые магазины. На Кузнецком Мосту, в доме, принадлежавшем раньше князьям Долгоруким, устроен был большой «Русский магазин», где были собраны изделия русских фабрик и заводов; в роскошных княжеских хоромах, с мраморными лестницами и колоннами и великолепными зеркалами, где прежде давались богатые балы, и плясали разряженные дамы и кавалеры, теперь разложены были на прилавках ситцы и коленкоры, парчи и сукна, фарфоры и хрустали, выставленные русскими фабрикантами: Гучковым, Четвериковым, Сапожни-ковым, Прохоровым и другими. Здесь же красовались стальные изделия Завьялова; — о них русские люди с гордостью отзывались, что они «не уступят лучшим немецким, французским и даже — страшно вымолвить—английским изделиям».

В Москве и Петербурге устраивались большие всероссийские выставки промышленных изделий. Выставки эти привлекали к себе общее внимание. «Каждое утро выставка — сборное место многочисленных посетителей. На бирже, на площадях, в гостиных, в смиренных жилищах простолодина, в кабинетах ученых, всюду о ней толкуют, ее обсуждают. Московская выставка (1831 года) показывала русский «товар лицом». В огромных залах дворянского собрания (теперь Дом Союзов) были выставлены бесчисленные изделия Титовых, Урусовых, Колокольниковых, Тюляевых, Лепешкиных, Рогожиных, Чурсиновых, Шепеленских, Гучковых и многих других — ковры и ткани, золото и серебро, машины и инструменты, часы и зеркала, косы и гвозди. Публика не наглядится на образцы пестряди и полотен, на канаты и снасти: здесь заглядятся не одни дамы, но и хладнокровные знатоки, они порадуются успехам наших фабрик и пожелают им итти и дальше по тому же пути».

Так описывал московскую выставку, сто лет назад, известный! поэт князь Вяземский; он был от нее в восторге.

Полвека назад писатель Боборыкин, описывая торговую часть Москвы (Китай-Город), писал: «Улица Ильинка и площадь смотрели веселой ярмаркой. Во всех направлениях тянулись возы, дроги, целые обозы. Между ними извивались извозщицы пролетки, изредка проезжала карета... Выкидывал ногами серый, жирный жеребец в широкой купеческой коляске. На перекрестках выходили беспре- станнные остановки. Кучера, извозчики, ломовые кричали и ходко ругались. Городовой что-то такое жужжал и махал рукою. Растерявшаяся покупательница, не добежав до другого тротуара, роняла сверток с чем-то съестным и громко ахала. По острой разъезженной мостовой грохот и шум немолчно носились густыми волнами и заставляли вздрагивать стекла магазинов. Тучи пыли летели отовсюду. Возы и обозы наполняли воздух всякими испарениями и запахами, — то отдаст москательным товаром, то спиртом, то конфектами. Или

вдруг, откуда-то дольется струя, вся переполненная постным маслом, или луком, или соленой рыбой.

«Нет конца телегам и дрогам. Везут ящики кантонского чая в зеленоватых рогожах, с таинственными клеймами, везут распоровшиеся бурые, безобразно-пузатые тюки бухарского хлопка, везут слитки олова и меди. Немилосердно терзает ухо бешенный лагз и треск железных брусьев и шин. Тянутся возы с бочками бакалей, сахарных голов, кофе. Разом обдадут зловонием телеги с кожами. И все это облито солнцем и окутано пылью. Кому-то нужен этот товар? «Город» (Китай-Город), хоронит его и распределяет по всей стране. Деньги, векселя, ценные бумаги точно реют промежду товара в этом рыночном воздухе, где все жаждет наживы, где дня нельзя продышать без того, чтобы не продать или не купить.

«Вот дворец денег — банкирская контора. В банке, вверх по Ильинке, с монументальной чугунной лестницей и сажеными зеркальными окнами все в движении. Длинная, в целый манеж, зала, с пролетными арками в обе стороны, наполнена гулом голосов — ходьбой, шелканьем счетов, скрипом перьев. Ясеневого дерева перила и толстые балясины празднично блестят. На них приятно отдыхает глаз. Над каждым отделением вывешены доски с золотыми буквами: «учет векселей», «прием вкладов», «текущие счета». За решеткой столько же жизни, как в узкой полосе, где толчется и проходит публика. Конторщики, иные с модным пробором, иные под гребенку, все в хорошо сшитых сюртуках и визитках, мелькают за конторками: то встанут с огромной книгой и перебегают с места на место, то точно ныряют, только головы их видны на несколько секунд. Всего больше народа у вкладов и выдачи денег по текущим счетам.

«А вот и трактиры, где кушает и пирует весь этот торговый люд. Куда ни глянешь, везде выдвинуты хоромины для необъятного чрева всех этих хозяев, приказчиков, артельщиков, молодцов. Сплошная стена, идущая до угла Театральной площади, вся в трактирах... Рядом с громадиной «Московского» стоит «Патрикевский». А подальше, на перекрестке Тверской и Охотного ряда — опять каменная многоэтажная глыба, недавно отстроенная: «Большой Новомосковский трактир». А в Охотном — свой благочестивый трактир, где в общей зале не курят. И тут же внизу — Охотный ряд развернул линию своих вонючих лавок и погребов».

Такова была торговая Москва полвека назад. С тех пор она еще больше выросла. Выросло ее население: тогда в ней было не более 600 тысяч жителей; накануне мировой войны в 1914 году жителей было на целый миллион человек больше, — 1.600.000 чел. Москва была по числу жителей девятым городом в целом мире. Девять железных дорог расходились из Москвы по России, подвозили к ней ежедневно миллионы пудов всяких грузов, развозили из нее миллионы пудов во все стороны. В Москве было больше 20 тысяч торговых предприятий, из них 1.200 крупных; одних приказчиков было в Москве свыше 30 тысяч человек. Самой торговой частью

Москвы был по-прежнему Китай-Город с прилегающими к нему улицами и площадями. В Китай-Городе красовались новые, на европейский лад устроенные Торговые Ряды, с 1.000 торговых помещений, собранных под одной гигантской стеклянной кровлей. Блистательные магазины с великолепными витринами красовались на Тверской, на Кузнецком Мосту, на Петровке; против Большого театра, огромный универсальный магазин, где все можно было купить, принадлежал фирме «Мюр и Мерилиз», с 78 отделениями, 3.000 приказчиков, с 40.000 покупателей в день.

Москва становилась фабричной столицей России. Накануне войны 1914 года здесь было 900 фабрично-заводских предприятий и 140 тысяч рабочих. Больше всего было в Москве текстильных предприятий (хлопчато-бумажных, шерстяных, шелковых фабрик), металлических и машинно-строительных и типографий. Хлопчато-бумажных фабрик было 48, с 28 тыс. рабочих, из них самые большие — Даниловская и Прозоровская мануфактуры. Шерстяных фабрик в Москве было 64 с 14 тыс. рабочих. Шелковых — 26 с 12.700 рабочих. Самые крупные шелковые фабрики были в Москве. Металлических и машино-строительных заводов в Москве было 227 и рабочих на них — 23 тысячи. Все московские фабрики и заводы выделяли в год разных изделий на 300 слишком миллионов рублей на старые деньги. Это была громадная сумма.

27. Как росли силы буржуазии.

Доходы буржуазии росли с каждым годом: нигде в целом мире не было у капиталистов таких доходов, как в России. В 1890 году, сейчас же после страшного голода, поразившего большую часть России, русские фабриканты получили прибыли на свои капиталы по 30, 50, 66 %. Бывали случаи, когда им удавалось получить и того больше, — так один раз несколько нефтяных фирм, соединившись в большой союз, сделали выгодное дело: сначала стали распродавать свою нефть всем желающим, точно боялись, что у них останется много нефти, и некуда будет ее девать. Другие торговцы перепугались, и тоже бросились продавать нефть. Цена на нефть сразу упала. Тогда нефтяной союз стал наоборот скупать всю нефть, какая была на рынке, по самым дешевым ценам, а когда нефть скупил — сразу поднял в несколько раз цены и стал наживать громадные барыши: дешевой нефти купить было не у кого. На этом деле они нажили в короткий срок миллионы, — их прибыль в тот год была в 500 и 600 % на капитал, то-есть они нажили в 5 и 6 раз больше, чем сколько затратили из своего кармана.

Буржуазия была теперь так сильна, что заставляла и царских министров, и все царское правительство плясать под свою дудку., Министры во всех делах, касавшихся промышленности и торговли, считали своим долгом советоваться с купцами, заводчиками и банкирами. То и дело издавались новые законы, поднимавшие пошлины на ввоз иностранных товаров, награничный чугун, железо, машины,

шелка и т. п.; русским капиталистам можно было продавать свои изделия по более высоким ценам: иноземцы не могли с ними в этом соперничать, им надо было в цене товара оправдать и высокую ввозную пошлину. Один ученый говорил русским капиталистам, что эти пошлины--для них — настоящее спасение: это золотой царский дождь падает на их предприятия с высоты престола. Сами капиталисты говорили, что из всех законов, какие были изданы в России за сто лет, — за весь XIX век, — самый важный закон был тот, который повысил на 5 копеек с пуда пошлину на чугун; даже крестьянское освобождение было не таким важным делом. А один крупный заводчик находил даже, что как бы ни повышалась пошлина на чужие товары, — для русской буржуазии будет все мало: достаточно высокой пошлины вообще не существует.

Буржуазия требовала, чтобы царское правительство подумало и о том, кому будут русские фабриканты и заводчики сбывать свои изделия и товары. Прежде всего пусть их покупает казна: строятся железные дороги — требуется много рельс, балок, вагонов, паровозов, много железа, стали и чугуна, пусть все это казна покупает у русских заводчиков, а не у иноземных, хотя бы у иноземных это было гораздо дешевле. Пусть казна и частным строителям предпишет тоже все это покупать на русских заводах. Таким путем русские заводчики получали громадные барыши и всегда могли быть спокойны, что у них есть покупатель на их товары. Русские фабриканты требовали, чтобы и за границей царские министры устроили им выгодный сбыт их изделий. Надо было сбывать русские ткани, полотна, ситцы, русские гвозди, косы и т. п. Надо было открыть дорогу этим товарам в чужие края, а там были другие такие же продавцы, приходилось с ними спорить и воевать. В XIX веке было много войн, которые велись с Россией из-за сбыта русских изделий, из-за иноземных рынков. Николай I хотел завоевать для русских изделий Ближний Восток, турецкие земли, Константинополь, но это ему не удалось. Не удалось это и Александру II. При Николае II из-за рынков же велась война с Японией на Тихом океане и тоже кончилась неудачей: везде сильнее оказывались другие народы, — выбить их с рынков не удалось. Из-за этих же рынков вступила Россия и в мировую войну 1914 г.

Так постепенно росло могущество русской буржуазии. Так постепенно старая дворянская Россия исчезала, а на ее месте возникла новая, фабричная, городская, буржуазная Россия. Буржуазия торжествовала свои победы. И она хорошо понимала свою новую силу.

28. Как изображал буржуя поэт Некрасов.

Героem новой городской России был буржуй, человек с полным кошельком, с тугой мошной, с фабриками и заводами в разных губерниях, с тысячами работающих на него рабочих, с полными до верхов складами всякого товара. Все это нажито всякими правдами и неправдами: и тяжелым трудом рабочих, получавших гроши за свою

работу, и обмериванием и обвешиванием покупателей, и высокими пошлинами на чужие товары, и всяким иным грабежом и обманом.

Вот он — подрядчиком земляных работ, на строящейся железно-дорожной линии:

Прибыл подрядчик на место работ...
Рядит рабочих — никто не идет.
Земли кругом все дворянские были,
Только дворяне о них позабыли.
Всем тут орудовал грубый кустарь...
Жители рыбу в озерах ловили,
Гнали безданно из пеньев смолу,
Брали морошку, опенки солили,
И говорили: «нейдем в кабалу».
Нет послушанья, порядка и прочего:
Прежде всего: создавай тут «рабочего».
Как же создашь его? — Шкурин (подрядчик) не спит:
Земли, озера, болота, графит —
Все откупил у помещика,
Все, до последнего лещика.
(Как энергично он сам говорит).

Куда же было после этого деться мужикам-кустарям? Подрядчик не пускал больше их даром — безданно—брать ягоды, рыбу, грибы, не давал им задаром гнать из своих пеньев смолу.

Дрогнула грубая сила «кустарная»,
Как из-под ног ее почва ушла.
Мысль эта, смею сказать, лучезарная, —
Говорили хозяева: — эта мысль
«Наши доходы спасла».

Кустарь-мужик разорился и пошел толпой наниматься к подрядчику на работы за любую плату. Так подрядчик «создал рабочего», да еще «дешевого» рабочего.

«Плод этой меры в графе дивиденда (прибылей)
Акционеры найдут:
На 43¹/₂ процента
Разом понизился (в цене) труд.
Ходко пошла земляная работа...»

Этого мало.. Можно было еще иначе объегорить дешевых рабочих. Шкурин заводит на линии лавочку, кормит и поит, одевает и обувает рабочих, сбывая им по большой цене плохие продукты: весь лишек идет в хозяйский карман.

«Обувь, одежду, перцовку, (водку), харчи
Сам поставлял для артели громадной,

Он, разделяя с рабочим труды,
Не пренебрег гигиеной народной:
(народным здоровьем)
Вместо болотной стоячей воды,
Дал он рабочему квас превосходный.
Этим и наша (хозяйская) достигнута цель:
В жаркие дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась охотно без мяса.
Быстро в артели удал аппетит
На двадцать два с половиной процента.
Я умолкаю... Графа дивиденда
Красноречивее слов говорит».

Так создавались железнодорожные линии, фабрики и заводы, так создавались крупные капиталы их владельцев. На эти богатства строились новые буржуазные дворцы, давались в этих дворцах праздники и пиры. От этих своих миллионов нетрудно было уделить несколько и на «добрые дела»: на постройку божьего храма, на приданое для бедной невесты, на приют для сирот, или на богадельню для стариков и старух. За такие добрые дела начальство давало нередко чины и ордена. А крутом этим благодетелям все твердили:

«Сколько вы божиих храмов построили!
Сколько выдали замуж невест!
Сколько вдов и сирот успокоили!
Сколько роздали пенсий и мест!
А какие вы строите линии!
Подвиг ваш — достоянье веков!..»

Вот такого буржуя, грабителя и благодетеля, рисует в своих стихах Некрасов:

«Рост высокий, стан негибкий,
А лицо — странней всего:
Как не высекли ошибкой
По лицу его».

Вот этот буржуй, с изрядным брюшком и изрядным запасом! жира, гуляет по улицам столицы. Он так много ел и пил, так давно сыт, что не может, как все, обедать: ему нужно целые часы ходить, чтобы нагулять себе к обеденному часу аппетит. Еле двигается по улицам эта громадная туша, и смеются над его толщиной все прохожие, взрослые и мальчишки. Только к пяти часам начинает, ему хотеться есть: с радостью прекращает он тогда прогулку и спешит домой или в ресторан обедать. И ему мерещится уже «его счастье»: жирный откормленный бычок, «в бурой шкуре, с дюжими рогами»; бычок этот бродит где-то «меж холмами» и ждет, чтобы из него сделали для буржуя бифштекс. Так живет этот жирный

буржуй. Всем кажется, что он целые дни ничего не делает, только прогуливается, а сам себе он кажется настоящим тружеником: для него и прогулка — та же работа. И его рассказ о самом себе Некрасов называет «Признание труженика».

Признание труженика.

По моей громадной толщине
Люди ложно судят обо мне.
Помню раз четыре господина
Говорили: «Вот идет скотина!
Видно нет заботы никакой —
С каждым годом прет его го-
рой!».

Я совсем не так благополучен,
Как румян и шаровидно тучен;
Дочитав рассказ мой до конца,
Содрогнутся многие сердца!
Для поддержки брэнной плоти

нужен

Мне обед достаточный и ужин,
И, чтоб к ним себя пригото-
влять,

Должен я — гулять, гулять, гу-
лять!

Чуть проснусь, не выпив чаш-
ки чаю,

«Одевай!» командую Минаю
(Адски глуп и копотлив Ми-
най...

Да зато повязывать мне шею
Допускать его я не робею:
Предан мне безмерно негодяй)...
Как пройду я первые ступени
Подогнутся слабые колени:

Стукотня ужасная в висках,
Пог на лбу и слезы на глазах,
Словно кто свистит и дует в ухо.
И, как волны в бурю, ходит
брюхо.

Отошедши несколько шагов,
Я совсем разбит и нездоров:
Сел бы в грязь, так жутко и
так тяжко.

Да грозит чудовище-кондрашка
И твердит, как Вечному жиду,
Все: «Иди, иди, иди...». Иду...
Кажется, я очень авантажен,
Хорошо одет и напомажен,

Трость в руке и шляпа на-
бекрень...

А терплю насмешки целый день!
Из кареты высунется дама
И в лицо мне засмеется прямо.
Крикнет школьник с хохотом:
«Ура!

Посмотрите: катится гора!..»
А дурак лакей, за мной шагая,
Уваженье к барину теряя,
Так и прыснет!.. Праздный ба-
лагур

Срисовать в альбом карикатур
Норовит, рекомендуя дамам
Любоваться «сим гиппопотамом»!
Кучера по-своему острят:

«Этому, — мерзавцы говорят, —
Если б в брюхо и попало дышло,
Так насквозь оно бы, чай, не
вышло?..»

Так извне насмешками язвим,
Изнутри изжогаю палим,
Я бреду... Пальто, бурнусы,
шляпки,

Смех мужчин и дам нарядных
тряпки,

Экипажи, вывески, друзья —
Ничего не замечаю я!

Наконец... Счастливая минута!
Скоро пять — неведомо откуда
Силы вдруг возьмутся... Как
зефир,

Я лечу домой или в трактир,
Или в клуб... Теперь я жив и
молод.

Я легок: я ощущаю голод!..
Ах, поверьте, счастье не в том,
Чтоб блистать чинами и умом, —
Наше счастье бродит меж хол-
мами

В бурой шкуре, с дюжими ро-
гами!

29. Как служили цари буржуазии.

Буржуазия была теперь не слабее, а, может быть, сильнее дворянства. Помещик не играл уже давно той роли, какую он играл при Екатерине. С царя Александра II и в управлении и в суде везде сидели уже не помещики, не дворяне, а те, у кого были капиталы. В земских собраниях, ведавших местные дела, сидели выборные от людей, владевших землей,— все равно, были ли то дворяне или не дворяне. В городских думах, ведавших дела городов, сидели выборные от владельцев городских лавок, фабрик, домов—люди с денежным капиталом. Мировые судьи выбирались от земств и городских дум тоже из людей имущих. И присяжные заседатели на суде, решавшие вопрос о виновности подсудимых, брались тоже из имущего класса, хотя для них ценз и был меньше, чем для земских или городских гласных, или для мировых судей. Словом, везде царили и все дела решали люди с деньгами, с имущественным цензом. «Как можно было допустить к власти людей, ничего не имеющих? Разве станут они охранять права собственности, интересы собственников? Они скорее сами станут отбирать богатства у тех, кто их имеет». — Так говорили «люди с цензом», капиталисты, и не пускали людей «без ценза» ни в управление, ни в земства, ни в думы, ни в суды.

Для обсуждения своих дел, для разрешения важных для них вопросов, хозяева предприятий соединились между собой в союзы. Были союзы горнопромышленников, нефтепромышленников, сахарозаводчиков и другие. Эти союзы съезжались на свои съезды, договаривались друг с другом, по какой цене покупать сырье, по каким ценам отпускать товары. Принимали резолюции (решения) о том, чтобы не пускать иностранных товаров в Россию или брать с них при этом большие пошлины, чтобы можно было свои товары продавать дороже; эти пошлины дорого обходились покупателям товаров — русским рабочим и крестьянам; им приходилось пить чай в прикуску да в приглядку, но зато громадные барыши ложились в карманы заводчиков и фабрикантов.. Резолюции эти затем подавались царским министрам с просьбой их скорее исполнить, отдать нужное распоряжение, издать новый закон. Царские министры внимательно выслушивали эти заявления, внимательно их рассматривали и старались исполнить, чтобы угодить капиталистам. Сами царские министры говорили, что они «всегда чутко прислушиваются к голосу промышленников и купечества: ни одно из заявлений и просьб съездов не остается без рассмотрения, ни одно из них не было голосом вопиющего в пустыне; почти все они удовлетворяются».

На этих съездах участвовали только одни хозяева предприятий,—фабрик, заводов,— да и то не все. Чтобы иметь решающий голос на съезде, надо было иметь большое дело, надо было отпускать на продажу, на рынок тысячу вагонов своего товара. Кто отпускал товару несколько тысяч, получал два-три лишних голоса.

Крупнейшие хозяева имели больше голосов, чем все остальные, вместе взятые, и могли всецело командовать ими: те должны были только подчиняться. У кого не было предприятий, тех совсем не пускали на съезды.

Съезды заседали не постоянно. Они съезжались и разъезжались. На съездах избирались особые комитеты для исполнения решений съезда, для хлопот у министров, чтобы добиться исполнения всех решений, для созыва будущих съездов. Эти комитеты назывались советами съездов. Царские министры спешили скорее исполнить все решения, переданные им советом съездов, и царь подписывал новые приказы и законы, угодные этим советам съездов. Царские министры из дворянских приказчиков обращались в приказчиков буржуазии; главным ее приказчиком был теперь сам царь. Во дворце, на престоле, в царской мантии и шапке Мономаха сидел царь Николай II, самодержавнейший и благочестивейший, как его называли, и всем казалось, что это он и царствует на Руси, издает законы, отдает приказы; на самом деле царь; и его министры делали только то, чего хотели съезды хозяев и их советы съездов; советы съездов были настоящими русскими царями. Это была Россия, управляемая советами, только советы были не из крестьян и рабочих, а из крупнейшей буржуазии.

В 1896 году, на коронацию царя Николая II, — последнего из Романовых, — в Нижнем Новгороде устроена была Всероссийская выставка, где должно было блеснуть своими успехами все российское купечество, вся русская буржуазия. На выставку ждали царя с царицей. По этому случаю в буржуазной газете «Волгарь» напечатана была приветственная статья, где говорилось, что здесь русский царь будет в гостях у русского купечества, которое здесь покажет, что оно значит. «Оно единственно сильное сословие в России... ОНО ВСЕ МОЖЕТ». Так уже четверть века назад, русская буржуазия считала себя всех сильнее во всей России. Вслед за коронацией царя Николая II была отпразднована и коронация русской буржуазии, на выставке в Нижнем венчалась на царство эта буржуазия.

VII. Как жилось на Руси рабочим.

30. Как жилось рабочим на фабриках и заводах.

Все доходы, все богатства буржуазии создавались на фабриках и заводах трудами тысяч рабочих. Без их труда хозяева не получили бы, ни одного процента прибыли на свой капитал, ни гроша барыша. Если капиталы буржуазии не оставались без изменений, если они росли, — то только потому, что рабочие работали на фабриках и заводах. На этом их труде основано было все богатство и все, могущество буржуазии.

Как же жилось самим этим рабочим на фабриках и заводах? Они ведь были свободные люди, — они шли работать на фабрику по доброй воле, это были вольнонаемные люди. Жилось ли этим вольным рабочим много лучше, чем ранее крепостным?

Когда давали крестьянам волю, поэт Некрасов писал в стихах:

«Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных».

Что это были за «сети», и как жилось русским рабочим в этих новых «сетях»?

Лет 50 тому назад, в Москве, судили 50 человек за то, что они готовили народ к революции, объясняли ему, что нужно делать, чтобы добиться перемены в своей судьбе, чтобы улучшить свое положение. Один из подсудимых, московский рабочий, ткач с одной из московских фабрик, Петр Алексеев, сказал на суде речь; в этой речи он описывал свое житье-бытье, житье-бытье рабочего человека. Вот, что он говорил:

«Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени от непосильного труда, и скудного за это вознаграждения (негде и не на что учиться). Десяти лет — мальчишками — нас стараются спровадить с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает?

«Понятно, продаемся капиталисту на сдельную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и пинками приучают нас к непосильному труду; питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного; зараженного разными нечистотами воздуха. Спим, где попало на полу, без всякой постели и подушки в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов...

«Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; из этого заработка все капиталисты, без зазрения совести, стараются! всевозможными способами отнимать у рабочих трудовую копейку и считают этот грабег доходом. Самые лучшие из московских фабрикантов — и те эксплуатируют и тиранят рабочих. Рабочий отдается капиталисту на сдельную плату, беспрекословно и с точностью исполняет все рабочие дни и работу, для которой поступил... Рабочие склоняются перед капиталистом, когда им پشت штраф, боясь лишиться куска хлеба, который достается им 17-часовым дневным трудом. Везде рабочие доведены до самого жалкого состояния; 17-часовой дневной труд — и едва можно заработать 40 копеек (в день)! Это ужасно! При настоящих условиях жизни работников невозможно удовлетворять самым необходимейшим потребностям человека.

«Отчасти все это странно, все это непонятно, темно, и отчасти как-то прискорбно, а в особенности сидеть на скамье подсудимых

человеку, который чуть ли не о самой колыбели всю свою жизнь зарабатывал 17-часовым трудом кусок черного хлеба...»

Петр Алексеев сравнивал жизнь рабочих на фабрике с жизнью крестьян при крепостном праве и находил, что нет никакой разницы: фабричным рабочим живется не лучше, чем крепостным. «Сотни подобных же фабрик набиты крестьянским народом, живущим при таких же условиях, значит, они — все крепостные». Если мы требуем повысить нам плату, нас ссылают в Сибирь, значит, мы — крепостные. Если мы требуем расчет — нас обвиняют в бунте и прикладом солдатского ружья приневоливают продолжать работу, а иных, как зачинщиков, ссылают в дальние края, значит, мы — крепостные. Если нам запрещают подавать жалобу на капиталиста, и первый же встречный квартальный бьет нас в зубы кулаком и пинками гонит вон, значит, мы — крепостные».

За революционную пропаганду и за свою речь на суде Петр Алексеев был сослан на 10 лет в каторжные работы, а потом в далекую глухую Якутскую область. Там его убили с целью грабежа дикари-якуты.

17 часов труда в день, и за такой рабочий день — плата 40 копеек. Так работали на фабриках и заводах полвека назад. Не везде работали по 17 часов: были фабрики, где работа шла и по 18 часов в день. В других местах рабочий день был короче, но нигде не был он меньше 14-ти часов. И чем мельче была фабрика, тем дольше был рабочий день; на крупных фабриках работали меньше. Не везде была и плата 40 копеек. Платили и 60, и 70, и 30 копеек. А главное — с течением времени, заработная плата не росла, а, наоборот, уменьшалась. Деньгами-то платили, быть может, и больше, но цены на все товары росли, и на эти деньги нельзя было уже купить в том же количестве прежних товаров. На свои кровные, заработанные им деньги рабочий мог покупать год от года все меньше и меньше хлеба. Хозяин наживался все больше и больше, а рабочий, создававший хозяину все его богатство, выручал от своей работы все меньше и меньше.

Как жили рабочие на фабриках и заводах? Лишь у немногих из них были свои особые помещения, да и те были малы, и на каждую такую каморку приходилось не по одной, а по две рабочих семьи. Большая часть рабочих не имела отдельных помещений. Рабочие московских ткацких фабрик почти всегда спали тут же, где и работали, спали на своих ткацких станках. На каждом станке помещалась целая семья. Тюфяка не было — спали прямо на досках, постилая под себя какие-нибудь грязные тряпки или рогожи. Некоторые рабочие предпочитали устраивать себе спанье повыше, под потолком, на досках, подбитых кверху, в таких «скворешницах» или «гнездах» и спали, — там по крайней мере, не было столько блох. Питались рабочие скудной дешевой пищей: вяленой воблой, старой солониной, часто с душком, мясными внутренностями (гусаком). Продукты надо было брать в фабричной лавке, где все цены были выше обычных; прибыль шла в карман хозяев.

На фабриках работали и дети; это было выгодно хозяевам: детям можно было платить дешевле. Одна фабричная работница рассказывает в своих записках, как ей пришлось работать на двух фабриках в Одессе — на гильзовой и на конфектной — в конце 90-х годов (лет 25 назад):

«В соседнем доме находилась гильзовая фабрика. От работниц, гурьбой выходявших во время обеда на улицу, я узнала, что они зарабатывают 30 — 40 коп. в день, и я завидовала им (она работала у модистки, куда ее отдали родители с 8 лет, где ею всячески помыкали). Без ведома родителей, я бросила модистку и пошла на фабрику. В течение нескольких дней я выучилась делать гильзы и зарабатывала 20 копеек в день. На фабрике я работала 14 часов... В 11 лет я уже работала на папиросной фабрике и зарабатывала 50 копеек в день...»

Потом она работала на мелких табачных фабриках, где работу раздавали на дом: тут приходилось работать еще больше, непрерывно целый день; вырабатывала 30 — 35 копеек, часть работы еще иногда браковалась хозяином. Положение было каторжное.

«Когда мне было 13 лет, я перешла на конфектную фабрику; папиросная работа стала невмоготу. Здесь работа продолжалась 12 часов, и платили мне 30 копеек поденно. Подростки, в жару, почти голые и босиком, месили фруктовые массы. Взрослые получали 70—75 коп. в день. Во время обеденного перерыва собирались в столовой — большой подвальной закопченной комнате; здесь развешивали свои тряпки с кусками хлеба и селедки; у счастливых была еще луковица.

«Я завидовала девочкам, которые учатся, хорошо одеваются и хорошо кушают,— рассказывает работница.

«Отчего такая разница?—спрашивала я у бабушки.

«Это все от бога,—говорила она мне. — Молись, исполняй все обряды, и бог даст счастье тебе и твоим родителям.

«Я усердно молилась, упрекала тех, кто не молится: из-за них страдают другие».

Особенно тяжелы были рабочие штрафы. Штрафовали рабочих за все — про все: за не довольно хорошую работу, за опоздание к работе, за выход с фабричного двора (это строжайше запрещалось), за требование платы непременно в срок (надо было ждать, когда соберется платить хозяин). Эти штрафы приводили к тому, что когда наступал расчет, большая часть денег оставалась хозяевам, в счет штрафов.

Работать приходилось в громадных фабричных зданиях, заставленных всякими машинами, где кругом вертелись колеса, валы, мчались приводные ремни, со всех сторон вращались зубчатые колеса, шестерни и другие стальные чудовища. Трудно было пройти между всеми этими чудовищами, не задевая, трудно было пройти и не попасть в колесо или в шестерню. Никаких ограждений кругом опасных машин не было: ограждения стоили денег, а хозяевам жаль было платить лишние деньги. Часто рабочие теряли от этого свое

здоровье, ломали себе руки, ноги, лишались возможности работать. Тогда их рассчитывали совсем и выпускали со всей семьей на улицу. Куда было идти калеке-рабочему, где найти заработок, когда не было больше сил работать? Ученые подсчитали, что на каждую тысячу рабочих на фабрике приходилось в год несколько сот увечных — где 200, где 500, где даже 700 на тысячу. Это больше, чем гибнет солдат на войне. Но и помимо прямых увечий, изнурял, истощал самый труд на этих фабриках: много рабочих заболело. Особенно часто заболели они чахоткой. На московских текстильных фабриках у женщин-работниц чахоткой заболели свыше 100 человек на тысячу.

Один врач осматривал в 90-х годах фабрики и заводы Подмосковья. Он опрашивал рабочих о их здоровье, осматривал их, записывал их болезни, увечья и т. п. Все это он потом подсчитал, подытожил и сделал свои выводы о том, как болеют рабочие, как много их раньше времени умирает. В своей книге он об этом рассказывает, как его удивляло, что на фабриках почти нет стариков: все почти не старше 40 лет. — А куда же деваются рабочие старше 40 лет? — спрашивал он, — куда они все уходят? — Куда? — отвечали ему рабочие, — вестимо куда: на кладбище! Дольше 40 лет нельзя было выжить на фабрике.

81. Как рассказывалось об этом в рабочих листках.

О том, как жилось рабочим на фабриках и заводах, рассказывалось в листках, которые составлялись во время стачек. В одном таком листке, во время стачек на питерских ткацких фабриках в 1896 году, говорилось:

«Товарищи, не попадитесь в ловушку, которую нам подстроила (хозяева фабрики) господа Торнтонны. Они рассуждают так: «теперь время заминки в сбыте товаров, так что при прежних условиях работы не получить нам нашего прежнего барыша... А на меньший -- мы не согласны. Стало быть, надо будет поналечь на рабочую братию, пусть-ка они своими боками поотдываются за плохие цены на рынке... Только дельце это надо обстроить не кое-как, а с умением, чтобы рабочий по своей простоте и не понял, какую закуску мы ему подготавливаем... Затронь всех сразу — сразу все и поднимутся, ничего с ними не поделаешь, а вот мы сначала объедем бедняков-ткачишек, тогда и прочие не увернутся... Стесняться с этими людишками мы не привыкли, да и к чему». Итак, заботливые о благах рабочих хозяева потихоньку да полегоньку хотят приготовить для рабочих всех отделений фабрики такое же будущее, как и для ткачей.

«Ткачи зарабатывали в последнее время по 3 р. 50 к. в полу-месяц, они попустили последнюю одежку, прожили последние гроши, но и этого было мало; прижимка росла с бессердечной жестокостью. В шерсть стали валить без всяких оговорок дурные сорта, от чего страшно замедлялась выработка товара: проволоочки на полу-

чение основы, будто ненароком, увеличились (даром пропадает много времени, за которое ведь ничего не платят). Измором хотят извести ткачей, — они зарабатывают уже 1 р. 62 коп. в полумесяц, — эта плата может сделаться платой и для всех других рабочих. Товарищи, хотите и вы дожидаться такой же хозяйской ласки?»

На другой ткацкой фабрике в те же года рабочие жаловались: «О 1888 до 1896 г.г. у нас на фабрике был целый ряд сбавок в расценках. О некоторых товаров даже несколько раз сбавляли. Так, в 1889 году за кусок бумазеи мы, рабочие, получали по 63 коп., и кусок был в 84 аршина, а в 1890 году мы стали получать 58, 55 и 53 коп. за кусок, а кусок стал не в 84, а в 86, 92, 98 аршин. За материю «пике» платили нам по 1 р. 50 коп. с куска, теперь пике переименовали в «фасоне» и стали платить вместо 1 р. 50 коп. по 63 коп. всего, а пике было в куске 60 аршин, фасоне же в куске 86 аршин». (Увеличивался кусок, уменьшалась плата.), То же было и с полотном; и с другими тканями.

Жаловались и на хозяйские штрафы: «Пять минут опоздал на работу, хотя и прибежишь — сейчас же штраф; иногда стоишь у двери, смотришь в окно, а; тебе там уже пишут штраф; а если гуляешь по вине хозяина, то не платят совсем, хотя гулять приходится часто».

Вот как жилось рабочим на одной петербургской фабрике полвека назад: «Фабричные находятся здесь в положении поистине ужасном. Рабочий день не бывает короче 14 часов; в 5 часов утра рабочий становится на работу, домой возвращается в 8 часов вечера. Во все время ему дается только один час (от 12 до 1 ч. дня) на обед и отдых. На некоторых фабриках продолжительность рабочего дня еще больше. Его заработок редко доходит до 25 руб. в месяц, чаще же всего он колеблется между 17 и 20 рублями. Из этой ничтожной суммы он должен найти средства для прокормления своей семьи, для уплаты податей и, наконец, для покрытия многочисленных и разнообразных штрафов. Эти штрафы налагаются под самыми различными предлогами. Так, хотя работа на фабрике по условию должна начинаться с 5 часов утра, хозяин требует ее начала с 4 часов 45 минут, то-есть на 15 минут раньше срока, и кто не являлся к этому времени, — подвергался штрафу. Если при расчете, происходящем 15-го и 30-го числа каждого месяца, рабочий позволит себе спросить, на каком основании сделан тот или другой вычет из денег, его штрафуют снова. Если рабочие спрашивали, почему им не платят во-время, — их и за это штрафовали. За каждый прогульный день — рабочий должен был работать два дня бесплатно».

Даже царские чиновники, являвшиеся на фабрики во время стачек и рабочих волнений, расспрашивая рабочих, убеждались, что положение рабочих — крайне тяжелое. В 1880 г. во время стачки на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве губернатор доносил по начальству, что по его сведениям: «поводом к беспорядкам послужило то крайнее угнетение, которому подвергаются рабочие, поступающие на эту фабрику. Крайне строгие и высокие штрафы

и вычеты за выделку тканей, которую хозяева признают плохой, сокращают заработок рабочих на 30, на 40%. Из массы рассмотренных мною расчетных книжек, — пишет губернатор, — не встретилось ни одной, где бы не значилось вычетов. Зарабатывающий примерно, 80 копеек получает только 40 копеек и, когда идет с харчевым листком в фабричную лавку за получением провизии, то, зачастую, получает отказ с объявлением, что за ним уже значится перебор, или получает селедку вместо фунта мяса, так как на мясо денег у него уже не хватает».

В XX уже веке, накануне войны 1914 г., рабочий на московских фабриках и заводах зарабатывал в среднем по 285 р. в год — по три четвертака в день. Жили московские рабочие, ютясь в тесных каморках по несколько человек на койку, многие спали на полу или под нарами. До 12 тысяч человек не имело вовсе никакого жилища, и собирались на ночь в ночлежки, где приходилось им еще хуже.

Как жили рабочие, в каких жилищах они ютились, — об этом рассказывали в своих стихах поэты.

Жилище рабочего.

Вечер, сумрачно в каморке,
Полумрак кругом.

В ямах пол, сырые стены
С низким потолком.

Ветра свист в трубе и щелях,
Плач и шум детей.

Перебранка баб в лохмотьях,
Голод у дверей.

Трое нар у стен дырявых,
Бездна горя тут!

Вот рабочего жилище,
Трех семей приют!

Вечер, сумрак на дворе уж,
Загудел свисток,

С фабрик шумно устремился
Из людей поток.

Разбредаются уныло.

Кончен день труда.

Все измучены, голодны,

Дома ждет нужда.

Отдыхать идут в лачуги,

Голод утолить...

Нужно снова завтра бодрым

У машины быть...

Р. Фортман.

32. Как рассказывалось об этом в стихах у поэтов.

Поэт Павел Уральский рассказывает в стихах, как идет работа на заводе, как трудятся люди среди печей и машин, как гнутся их спины, и льется с них пот: «хлеб дается им не даром».

Корпус черный, запыленный,
Ярким газом освещенный.

Люди-тени. Пот с них льется
Суматоха. Гул и грохот

Точно злобный адский хохот
Непрерывно раздается.

Молот грозно гроыхает,

Печь огромная пылает,

Дышит все огнем и паром.

Лязг железа. Гул машины.

Льется пот, и гнутся спины:

Хлеб дается им не даром!

О жизни на фабриках говорится в стихах поэтов Благова, Ерошина и других.

На фабрике.

Гремит станок, свистит привод, А день так медленно идет, Как будто нет ему конца. Ручьями пот бежит с лица.	Куда ли взглянешь, все одно — Станки, ремни да полотно, Да лица бледные людей — Мужчин, и женщин и детей.
--	--

Благов.

На фабрике.

Бледные лица, согнутые спины; Жаром пылает кипящая медь... Грохот колес... От движенья ма- шины	В поле уйти бы от этого ада, Дальше б куда убежать! Дальше... туда, где качаются ивы,
Стены качаются... Страшно гля- деть.	Где от зари до зари Тихо колышутся хлебные нивы,, Песни поют косари.
Носится облако дыма и смрада, Грудь надрывается — нечем ды- шать,	

Из сборника Антонова.

Из песен рабочих.

Встань, проклятая машина! Дай хоть миг мне отдохнуть, Дай хоть раз усталой груди Посвободнее вздохнуть. Сил нет, руки опустились, Голова горит огнем,	Все кружится пред глазами, И темно, темно кругом. Но не слушает машина, Знай, стучит себе, стучит. «Отдохнешь в сырой могиле», Этот стук мне говорит.
--	--

Благов.

Особенно тяжела работа в недрах земли, в угольных и железных копях — работа шахтеров.

Шахтер.

Я всегда под землей. Где нет солнца лучей, Не вдыхал я давно Аромата полей... Меня тянет наверх, На широкий простор: Ведь глубоко в земле Жизнь проводит шахтер... Мир мой мрачен всегда, И весной, и зимой, Весь в поту и пыли Я всегда под землей...	Нет труднее моей Жизни в шахте сырой; Что ни час — мне грозит Смерть своею косою... Кто сироток моих Приласкает тогда? Им грозит нищета И лихая беда... Станем дружно мы все Свое счастье искать, Мы — его кузнецы — Будем смело ковать...
---	---

Ерошин.

Поэт Блок рассказывает в стихах, как приходят на фабрику рабочие ночной смены, как они проходят в фабричные ворота, как их при этом считают сторожа, стоящие на стене; а хозяева смеются» глядя на них из своих окон: «Как дешево мы их наняли, как искусно мы провели этих нищих!»...

«В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.
Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули,
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели».

Долго смеялись хозяева над рабочими, над этими нищими, которых они так хорошо «провели». Теперь пришло время, когда уже не хозяевам приходится смеяться, — царство хозяев кончилось, «нищих» больше не проведут...

33. Как рассказывали поэты о работе детей.

Да, не даром дается рабочим хлеб. И не только взрослым рабочим, но и детям. На фабриках работают и малолетние дети. Вот что о них рассказывал поэт Некрасов полвека тому назад:

Плач детей.

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих
людей, —

Из-за них вы слышите ли, бра-
тья,

Тихий плач и жалобы детей? —

«В золотую пору малолетства
Все живое счастливо живет,

Не трудясь, с ликующего дет-
ства

Дань забав и радости берет.

Только нам гулять не довелось

По полям, по нивам золотым;

Целый день на фабриках ко-
леса

Мы вертим — вертим — вертим!

Колесо чугунное вертится

И гудит, и ветром обдает;

Голова пылает и кружится,

Сердце бьется, все кругом идет.

Красный нос безжалостной ста-
рухи,

Что за нами смотрит сквозь
очки.

По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, —
Всё и все! Впадая в иступле-
нье,

Начинаем громко мы кричать:

— Погоди, ужасное круженье!

Дай нам память слабую со-
брать! —

Бесполезно плакать и молиться,

Колесо не слышит, не щадит:

Хоть умри—проклятое вертится,

Хоть умри — гудит — гудит—гу-
дит!

Где уж нам, измученным в не-
воле,

Ликовать, резвиться и скакать.

Если б нас теперь пустили в
поле,

Мы в траву попадали бы спать.

Нам домой скорей бы возвра-
титься...
Но зачем идем мы и туда?
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда.

Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей...»

Поэт Винокуров, сам вышедший из рабочих, рассказывает в своих «Песнях машин», как жилось на фабрике детям:

«Среди рева печей, бега грозных
колес,
Среди стен, закопченных рудой,
Я с 13 лет под машинами рос,
Подгоняемый горем, нуждою...

Детских песен не слышал и ласк
я не знал,
Не лежал я и в мягкой постели:
На холодном полу, где украдкой
дремал,
Сказку жизни машины мне пели.

Они пели, как в пасть их же-
лезных зубов
Много жизней ушло без воз-
врата;
Одному богачу миллионы рабов
За гроши создают палаты;
Как в слезах и крови утопают
народ,
Наполняя живот капитала...
Они пели, как здесь, десятый
уж год,
Средь валов и отца замотало».

34. Что могли сказать богачам рабочие.

Все богатства капиталистов, все богатства богатых кварталов больших городов созданы тяжелым трудом рабочих. Поэтому, рабочие в праве были сказать богачам:

«Вашу роскошь, богатство и зо-
лото,
Ваши бархаты, яства, покой, —
Все мы создали потом и моло-
том,
И нуждою, суровой нуждой...
Загляните в кварталы невзрач-
ные,
Где заводы-гиганты стоят,
Стооконные, грязные, мрачные,
Вечно стонут, скрежешут, ды-
мят...
Там, в крошечном аду, надры-
вается,
Изнывает в труде человек...
Потом-кровью там хлеб добы-
вается,
Сотни рук в кабале там весь
век.
Вашу роскошь, богатство и зо-
лото,

Вашу сытость, довольство, покой
Мы вам создали потом и моло-
том,
Изнурением, мозольной рукой.
Загляните в подвалы забы-
тые:
Там в грязи, в темноте, под
землей,
Жметесь голь-нищета непокры-
тая,
Коротает свой век трудовой...
Там, согнувшись над спешной
работою,
День и ночь молотками стучат...
Изнуренные вечной заботой,
За станками там люди стоят...
Вашу роскошь, богатство и зо-
лото,
Ваши яства, забавы, покой, —
Все мы добыли потом и моло-
том,

Бесперывным трудом-кабалой...
Поглядите вы, праздные, сытые,
Как, согнувшись, с ломami в ру-

ках,
В рудниках, под землей поза-
бытые,

Люди трудятся, роют впотьмах.
Давит грудь им угрюмое, тес-

ное
Царство тьмы, тишины гробо-
вой...

Задыхаясь в пыли, неизвестные,
Люди чахнут и мрут под землей.

Вашу роскошь, богатство и зо-
лото,

Вашу силу, тепло и покой
Мы вам создали горбом и моло-

том,
Беспощадной нуждой-кабалой...

Кто прорыл эти горы высокие,
Непролазные дебри срубил,
Чрез пустыни и реки далекие
Путь железный, мосты проложил?

Океанов кто силу великую
Победил колоссальным трудом,
Власть пучин, мощь их страш-
ную, дикую,

Покорил человеку кругом?...
Вашу власть над природой и
золотом,

Вашу силу, успех и покой,—
Все мы создали горбом и моло-

том,
Потом-кровью, усталостью, голо-

дом
И жестокой, суровой нуждой...
Чьею властью — трудом сози-
даются

Роскошь храмов и гордость двор-
цов?

Силой чьей к небесам поднима-
ются

Горы камня, гранит городов?
Чьею силою и властью яви-
лись

Эти груды товаров у нас?
Мы над этим потели, трудили-
ся, —

Все вы силою взяли у нас...
Встань же, голь, трудовая, заби-
тая,

Выходи из подвалов на свет.
Всходи., нищета непокрытая,
Требуй ясный, последний ответ.

Выходите, чумазы, бледные,
В блузах рваных, с мозолями
рук,

Изнуренные, чахлые, бедные,
Дети голода, бедности, мук...
Просыпайся, толпа терпеливая,
Мировой колоссальный народ!

Пусть богатство и знатность спе-
сивая

Твое новое слово поймет
Требуй прав и свободы, и сча-
стья,

Требуй равенства, братства во
всем,
Требуй жертв и любви, и уча-
стья,

Чтобы правда царила кругом...
Встань же, голь трудовая забитая,

Выходи из подвалов на свет!
Выходи, нищета непокрытая;
Требуй ясный, последний ответ!

VIII. Как началось рабочее движение на Руси.

35. Как боролись рабочие с капиталом.

Много лет назад, почти так же давно, как стали расти у нас фабрики и заводы, началась борьба, рабочих с хозяевами-капиталистами. Рабочие сговаривались между собой, посылали ходяков, в начальству, заявляли свои требования, иногда громили фабрич-

ные здания и ломали машины, — точно машины в чем-либо были виноваты. Потом стали бороться иначе: сговорятся, «стакнутся» заранее, как действовать сообща, да всем скопом и бросят работу. Фабрика стоит, машины стоят, рабочие сидят, сложа руки, у себя по домам; товар не выделяется, хозяин не получает прибыли, остается без барышей. Такие стачки устраивались все чаще и чаще. Рабочие бастовали (бросали работу) то у одного хозяина, то у другого, и ждали, скоро ли хозяину наскучит сидеть без барышей, скоро ли он уступит рабочим?

Борьба шла за заработную плату и за сокращение рабочего дня. Это были главные причины всяких стачек. Надо было добиваться, чтобы больше платили и чтобы рабочий день был покороче, — не 14 и не 18 часов в день, а 10 или 8 часов.

Было много других причин для борьбы. Где мастера с своей стороны притесняли, обижали рабочих; где фабричная лавка отпускала по слишком большой цене плохие, гнилые продукты; где сокращали плату, платя меньше за большее число аршин. Хозяйева уменьшали плату всякий раз, как случалась заминка в торговле, как труднее было распродать товар, они сокращали свое производство, распускали часть рабочих, — остальным приходилось особенно дорожить местом, цепляться за заработок, и они шли тогда на все условия хозяев. Трудно было бороться со всем этим, однако, рабочие вели борьбу.

Стачки рабочих начались давно. С 1865 до 1875 г., за 10 лет, в России на разных фабриках и заводах бастовало свыше 20 тысяч рабочих. С 1878 по 1880, за три года, было 29 стачек, бастовало свыше 30 тысяч рабочих. За 1881—1886 г., в шесть лет, стачек было 48, бастовало уже 80 тысяч человек. 10 лет спустя, в 1895 г., за один год было уже 48 тысяч забастовщиков.

В 1876 году на Новой бумагопрядильне в Петербурге началась стачка. В конце февраля хозяин фабрики объявил, что плата будет сбавлена, а число аршин на каждый кусок увеличено. Рабочие: возмутились такой несправедливостью; они собирались в кучки и говорили друг другу: «Как! без всякого предупреждения нам внезапно сбавляют плату? По какому праву? Не будем работать!». По вызову хозяев на фабрику явилась полиция. Пристав вышел к рабочим, спросил, чего им нужно? — Они рассказали ему обо всем. Пристав нашел, что рабочие во всем правы, и пошел к хозяевам; толковать с ними. Когда он снова пришел от хозяев к рабочим, оказалось, что пристав думает уже иначе: рабочие уже не правы, они бунтуют. Пристав убеждал их прекратить бунт и стать на работу. О том же заявили рабочие помощнику градоначальника — генералу, когда он к ним приехал. Этому генералу они подали свои требования: сократить рабочий день до 11½ часов, не уменьшать платы, уменьшить штрафы, вычистить отхожие места, воду провести чистой, а не вонючую, какую приходилось до того пить рабочим. Генерал взял прошение, обещал рассмотреть и просил рабочих стать на работу: пусть они кончат стачку, а он уж по-

заботится о том, чтобы их просьбы исполнились. «Наплюйте мне на эполеты,—говорил, генерал, — если я обману вас». Стачка прекратилась, но порядки на фабрике остались почти все прежние.

Тогда рабочие собрались толпой, составили новые требования, написали прошение к царскому сыну, наследнику престола, и с этим прошением пошли к Аничкову дворцу, где жил наследник. В прошении рабочие писали, что их обмануло управление фабрики, что им слишком тяжело живется на фабрике, что они обращаются к «его высочеству» с жалобой на притеснения со стороны хозяев и полиции: «Мы обращаемся к вам, как дети к отцу. Если просьбы наши не будут удовлетворены, тогда мы будем знать, что нам не на кого больше надеяться, что за нас никто не заступится, — что нам надо положиться лишь на себя и па свои руки». Царский наследник не дал рабочим совсем никакого ответа.

В том же году забастовали рабочие на другой бумагопрядильной фабрике в Петербурге. На этой фабрике на-ряду со взрослыми мужчинами работали женщины и мальчики. Взрослые мужчины работали у станков, при каждом из них было по два подручных мальчика для подмоги, один 17—19 лет, другой 12—14 лет. Женщины выметали из-под станков бумажную пыль, набирающуюся там целыми ворохами. Новый директор, чтобы сократить расходы на фабрике, рассчитал женщин совсем, а их работу возложил на младших мальчиков. Мальчики отказались делать новую работу; 33 мальчика забастовали. Другие рабочие; взрослые, поддержали мальчиков, тоже перестали работать. К рабочим явился полицейский пристав, выслушал их жалобы, арестовал зачинщиков; явился и хозяин фабрики. Он стал толковать рабочим, что на его фабрике им живется как нельзя лучше, что и бунтовать им совсем не из чего, чтобы они шли тотчас же на работу. Полиция, с своей стороны, без конца увещевала рабочих стать на работу. Но так и не удалось уговорить рабочих; дело кончилось тем, что они все взяли расчет, а хозяин, взял новых рабочих; новым рабочим пришлось согласиться на все условия, какие поставил хозяин.

Не все стачки проходили так мирно. Часто стачки кончались тем, что полиция, казаки, жандармы, солдаты бросались на мирную безоружную толпу рабочих, били их нагайками, мяли лошадьми и сотнями забирали в участок:—«потом разберем». Разобрав, наказывали «виновных»: одних выслали в дальние губернии, других (малолетних) секли, и отпускали на волю, пригрозив вторичной поркой.

В 1885 г. вспыхнула стачка в Орехове-Зуеве, на большой фабрике Тимофея Морозова. Забастовали ткачи, потом ткачихи, потом прядильщики; стала почти вся фабрика. Рабочие жаловались на низкий заработок, который еще уменьшается вычетами и штрафами; даже губернатор, прибывший сюда усмирять рабочих, должен был согласиться, что рабочие по существу правы, что причиной стачки было «крайнее угнетение рабочих» хозяином фабрики, что стачка была вызвана произволом хозяев. Стачка на этот раз велась более правильно и в порядке, чем обычно: во главе за-

бастовщиков стояли два руководителя из рабочих, Моисеенок и Волков, люди толковые и умелые: они составили тетрадь рабочих требований, которую и предъявили губернатору. Моисеенок и Волков организовали всю стачку, они убеждали рабочих к организованной, правильной, сознательной борьбе; но малосознательные из рабочих плохо их слушались. Руководители требовали, чтобы не было буйства, разгрома зданий и грабежа, но совсем удержать рабочих от этого им не удалось. И здания фабрики, и фабричное имущество значительно пострадали.

Выслушав объяснения рабочих, губернатор велел им, кто желает, стать на работу, другим явиться в контору за расчетом. Все единодушно заявили, что на работу без новых расценок не пойдут, но буйствовать не будут. Тогда прибыл хозяин фабрики Морозов, губернатор предложил ему уступить рабочим, но Морозов уступать не хотел. Было вывешено объявление: всем рабочим объявляется расчет, при новом приеме хозяин мог принять и не принять, кого хотел, из рабочих; забастовщики, конечно, попали бы на фабрику не все. Рабочие отказались принять эти условия. На объявление Морозова они ответили своим объявлением, которое и вывесили на фабрике, сорвав хозяйское объявление. Рабочие в своем объявлении писали: «Объявляется Морозову, что за сбавку ткачи и прядильщики работать не согласны, а если ты нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти нас по пасху, а если не разочтешь нас по пасху, то мы будем бунтоваться до самой пасхи. Ну, будь согласен на эту табель, а то, ежели не согласишься, то и фабрики вам не водить».

Губернатор, видя, упрямство рабочих, вызвал войска, 8.000 человек; арестовал несколько сот рабочих; отправил их по тюрьмам. Тогда оставшиеся немногие рабочие волей-неволей стали на работу.

36. Как боролись с хозяевами питерские рабочие.

В 1895—97 годах большие стачки разыгрались в Петербурге. Забастовали ткацкие прядильные фабрики, более 30 тысяч рабочих прекратили работу. Они требовали повышения расценок и сокращения рабочего дня до 10¹/₂ часов. В листках, выпущенных по поводу этой стачки, говорилось:

«К рабочим всех петербургских бумагопрядилен.

«Долго терпели мы, рабочие петербургских бумагопрядилен, и, наконец, не выдержали. Невтерпеж нам больше стало работать, до изнеможения сил сносить хозяйские прижимки, видеть, как каждый день нас обсчитывают и обвешивают, как чуть не каждые полгода сбавляют расценок. А в последние дни пуше прежнего проявилась жадность хозяев. Жалко нашим богачам стало даже тех грошей, что причитались нам за дни коронации; не захотели они и отдохнуть-то дать хорошенько от работы; такая, мол, это скотина, что в отдыхе особенно не нуждается!»

«Довольно! — сказали мы тогда себе. Довольно мы молча и безропотно слушались наших хозяев! Долго мы ждали от них улучшения своего положения, но ничего не дождались. И решили мы сами добиваться всего. Не хотят они уступить, будем мы требовать»....

Выставив свои требования, рабочие забастовали и стали ждать, что выйдет.

«Будем спокойно выжидать, пока хозяева не согласятся на наши требования. Не уступят они через неделю, будем ждать вторую; не сдадутся на второй, будем ждать третью; не согласятся и тогда, — еще будем ждать. Довольно с них будет нашего каторжного труда и в течение $10\frac{1}{2}$ часов. Достаточно они прибыли и без того от нас имеют.

«Товарищи! Будем помнить, что взоры рабочих всего мира обращены теперь на нас. Они с восторгом приветствуют в нас борцов за рабочее движение. Петербургские рабочие всячески стараются притя к нам на помощь, устраивая по мастерским сборы в нашу пользу.

«Покажем и мы, что рабочий народ умеет добиваться исполнения своих требований, будем действовать дружно и спокойно, без буйства и насилий, и победа, наверное, останется за нами».

Стачка длилась целый месяц, с конца мая до конца июня. Фабричная инспекция всячески старалась прекратить стачку мирными способами, уговаривала рабочих уступить, обещала им, что тогда желания их скорее будут исполнены.

— Министрами уже составлен проект сокращения рабочего дня, — говорил инспектор. — Рабочий день будет сокращен до $10\frac{1}{2}$ часов. Проект уже у государя.

— Когда же этот проект будет подписан? — спрашивали рабочие.

— Года через два.

— Ну, так мы лучше сейчас забастуем, — ответили на это рабочие.

— Все равно голод скоро заставит вас снова приняться за работу, — заметил инспектор.

— Помирать на мостовой будем, а работать на прежних условиях не пойдём! — раздалось в ответ со всех сторон.

Полиция принимала свои меры. Рабочие кварталы были запружены отрядами казаков, жандармов и даже пехоты. Отряды городских селились в трактирах, где пили и ели за счет хозяев. На фабриках шныряли сыщики и шпионы. Полиция забирала всех подозрительных лиц и сажала в тюрьмы. Тюрьмы были полны. Когда сажать стало некуда, начали высылать рабочих в деревню, на родину. Стачка не прекращалась. Полицейские стали ходить по домам рабочих, стаскивать рабочих с постелей, тащить их на фабрику, на работу. Рабочие прятались, где могли.

Через месяц все же пришлось кончать стачку. Больше выдержать рабочие не могли: нечего было есть. Стачка кончилась. Рабочие на этот раз ничего не добились. Им только было обещано,

что рабочий день сократят через несколько месяцев. Но за месяц стачки они многому научились — научились вести борьбу, научились разбираться, где их враги, где друзья, научились действовать, организованно, в порядке.

«Жаль, что трудно прокормиться на случай стачки,— говорили рабочие. — Будь у нас хлеб, мы не прекратили бы стачки, и царское правительство не могло бы похвастать своими «разумными мерами».

На следующую зиму снова пришлось бастовать: рабочий день все не уменьшался. После святков снова началась забастовка. Рабочие говорили: — Как нам работать, когда правительство не исполняет своих обещаний? Ведь летом нам обещали, что новый рабочий день будет через несколько месяцев. Прошло слишком 7 месяцев, а обещание не исполнено.

— Надо обождать,—отвечает инспектор.—Вы, рабочие, де знаете, как трудно вводить новый порядок. Ведь для уменьшения рабочего дня на 1 час потребовалось для разработки проекта 12 лет. Вы же теперь хотите уменьшения рабочего дня на $2\frac{1}{2}$ а где и на 4 часа.

— Ну, ребята, теперь надо, значит, нам ждать 48 лет,— смеялись рабочие.

— Нельзя же вести все сразу, — отвечал инспектор.

— Мы и не думаем добиваться всего сразу. Мы намерены устроить, по крайней мере, семь бунтов в один год!

Тут вмешался директор фабрики:

— Вы—нищие, а беретесь за такое дело!—крикнул он рабочим.

— Не благодаря ли нашей нищете ты разбогател? — отвечали рабочие.

Переполошились и высшие власти. Министры сошлись на совещание по поводу стачки. Один министр спросил градоначальника:

— Можете ли вы силами полиции заставить рабочих работать?

На это градоначальник отвечал:

— Если бы рабочие толпились на улице, нарушали бы тишину и порядок, я с ними справился бы. Но раз они сидят по домам, я ничего не могу с ними поделать.

Долго толковали о том, сделать рабочим уступки или не делать. Крупные фабриканты соглашались, что приходится уступить, что забастовка вредит и хозяевам. Мелкие уступать не хотели. Все-таки решили пойти на уступки. Каждый фабрикант должен был объявить, на сколько он согласен сократить рабочий день, пока он не будет сокращен законом по всей России. Но и эти уступки исполнены не были. Было только обещано, что через несколько месяцев рабочий день будет сокращен по закону.

И эту стачку пришлось прекратить, не добившись победы. Однако, рабочие не унывали: они видели, что от их стачки зашевелились и фабриканты, и полиция, и высшие власти. Нужно только почаще да посильнее их шевелить, и победа — не за горами.

Из Петербурга стачки распространились по другим городам. Бастовали в Москве, Орехове-Зуеве, Иваново-Вознесенске, в Риге и Либаве, в Киеве и Варшаве, в Одессе и Екатеринославе, на Кавказе и на Урале. Всюду поднимались рабочие, всюду шли стачки; заводы и фабрики стояли без дела, машины не двигались, печи не топились, трубы не дымились по целым неделям. По целым неделям хозяева не получали своих прибылей.

37. К чему приводили стачки.

Приходилось хозяевам идти на уступки, повышать расценки, сокращать рабочий день. Приходилось вмешиваться в дело и царским властям, чтобы положить конец рабочим волнениям, чтобы не довести народ до бунта. В 1880 годах, после крупных стачек, были изданы новые законы о работах на фабриках: было запрещено нанимать на фабрики малолетних, запрещена работа по ночам женщинам и подросткам, назначены особые чиновники — фабричные инспектора, чтобы следить за положением на фабриках. Фабричные инспектора должны были наблюдать, чтобы хозяева не нарушали этих новых законов, не обижали рабочих, и в случае споров рабочих с хозяевами, инспектора должны были стараться мирить их так, чтобы не дошло до стачки. Но фабричных инспекторов было назначено слишком мало — 20 человек на всю Россию, уследить за всеми фабриками и заводами 20 человек, конечно, не могли, и хозяевам легко было незаметно для инспекции нарушать законы. И хозяева, и начальство косились на новых чиновников, призванных защищать рабочих. Когда хозяева обижали рабочих, нарушали новые фабричные законы, фабричные инспектора вмешивались в дело, писали на виновных хозяев протоколы, передавали эти протоколы начальству; виновных хозяев полагалось отдавать под суд. Таких протоколов составлено было не одна тысяча, но под суд были отданы всего 152 хозяина, фабриканта и заводчика. Все хозяева поняли, что и высшее начальство не стоит за новые законы и что нарушать их не так страшно, — за это под суд, пожалуй, и не посадят.

В 1897 году, после петербургских стачек, был, наконец, издан закон о сокращении рабочего дня. Рабочие добились сокращения до 10½ часов, правительство сократило до 11½ часов. И на это сокращение хозяева очень неохотно согласились и потом всеми способами нарушали. А скоро после издания закона министры разрешали хозяевам отступать от нового закона во всех случаях, когда это для них потребуется.

Рабочим приходилось бороться снова и снова. В своей борьбе они привыкали действовать сообща, действовать организованно. У них выковался свой боевой порядок, своя военная дисциплина. Стачки происходили все в большем и большем порядке, все больше и больше рабочих втягивалось в борьбу.

В этой борьбе с капиталом рабочим приходилось иметь дело и с полицией, и с войсками. Полиция и войска являлись на фа-

брики и заводы — охранять здания и богатства хозяев от разгрома их забастовщиками, а доходы хозяев — от разорения стачками. Они оцепляли толпы рабочих, выхватывали зачинщиков, сажали в тюрьмы, стреляли в рабочих. Рабочие оказывали сопротивление, как умели, но против оружия должно было иметь оружие: у рабочих его не было. Рабочие вооружались, чем попало. Иной раз происходили бои. На одной петербургской фабрике во время стачки 1898 г. разыгралась такая битва — «бой за правду», как говорили рабочие.

Полиция уже несколько дней ходила по фабрике, по квартирам рабочих, и «убавляла рабочих» — уводила их под арест. «Тогда рабочие захотели открыть кровавый бой». Вооружились поленьями и ждали полицию. В 11½ часов ночи залаяла собака. В это время рабочие готовы были приняться за бой, вдруг на пороге входа появилась полиция. Рабочие бросились на полицию, и полиция была разбита. Тогда сам пристав потребовал еще больше войска, конного. Приказ пристава был исполнен, и приблизилось войско — 310 человек, конных городских и жандармов. Каждому городскому и жандарму роздали для разгара сердца водки. Открылся настоящий бой. Рабочие бросали в полицию ведрами, бочками, чашками, дровами и даже фабрикантовыми часами. Война продолжалась 4 часа, и пострадало много рабочих, в том числе и детей.

Полиция одержала победу. Рабочих забрали в плен, и провели «сквозь строй»: их вели между двух рядов городских, и те секли с обеих сторон плетью. Всего в плен было взято до 50 человек. Они были посажены в дилижансы, и отправлены в часть.

С 1895 г. до 1904 г., за 10 лет, было всех стачек 1.765, рабочих участвовало в них свыше 400.000 человек. Так разрослось рабочее движение, так разгоралась их борьба с капиталом. Рабочие могли обратиться к своим хозяевам с такою речью:

Мы под грозный шум метели
Песню новую споем:
Братьев в дружные артели
Мы спаяем и сольем!
Братья верные, спешите
В трудовой вступать союз.
Мы тогда порвем, как нити,
Звенья наших тяжких уз...

Наша сплоченность — защита.
Против зла и нищеты.
Эй, хозяин наш сердитый,
Мы упрямы, как и ты!
Стоп, машина! Сразу стала...
Ни туда и ни сюда:
Ты — хозяин капитала,
Мы — хозяева труда!..

С. Попов.

IX. Как началось революционное движение.

38. Как возник социализм.

Крестьяне давно уже вели борьбу с помещиками, рабочие — с капиталистами. Борьба шла, все разгораясь и разгораясь. Были ученые люди, становившиеся на сторону трудящихся. Эти ученые ломали головы над тем, как сделать, чтобы сбросить с народной

шей ярмо помещиков и капиталистов, освободить трудящихся от этой эксплуатации, чтобы устроить всю жизнь по-новому. Об этом думали не только у нас в России, но и на Западе, в чужих странах. Там, в Западной Европе, и рабочие, и крестьяне раньше нашего начали борьбу за свое освобождение, там и ученые люди раньше начали думать об этом. Нашим русским можно было многому, у них поучиться.

На Западе эти друзья рабочих начали свою работу больше ста лет назад. Они руководили движением рабочих, разъясняли им, с чем надо бороться, к чему следует стремиться, какой должен быть будущий строй. Они доказывали, что в будущем обществе не должно быть богатых и бедных, что там все должны быть равно сыты, а для этого там не должно быть частной собственности — все орудия труда, инструменты, машины, сырье, как и земля, нужна для земледельца, должны принадлежать трудящимся, их союзам, а не отдельным хозяевам капиталистам. Тогда трудящемуся человеку не за чем будет идти в кабалу к хозяину, — он сам вместе с другими такими же будет хозяином фабрики, лавки, целого предприятия. Вместо нищенской заработной платы, он будет получать долю в общих прибылях, какая теперь идет в карман капиталиста. Этим друзей рабочих, проповедников новой жизни, называли социалистами, а ученые их — социализмом, или коммунизмом. Среди них были французы — Сен-Симон, Фурье, англичанин Оуэн, немец Лассаль и другие.

Все эти социалисты не успели еще совсем порвать со старым буржуазным миром. Они еще много ждали от самой буржуазии, от старого буржуазного государства, и возлагали на них свои надежды. Они надеялись, что буржуазию удастся уговорить, убедить самих капиталистов в том, как плохи нынешние порядки, как плох современный мир, и как нужно его преобразовать, перестроить на новый лад. Они ждали, что капиталисты сами поймут это, если только им как следует растолковать, и сами принесут миллионы на эту перестройку. Они ждали, что старые буржуазные власти тоже поймут, что они станут издавать в пользу рабочих законы, что они отпустят большие деньги в кредит на устройство рабочими новой жизни. Все это были одни мечты, утопии, как это называют; ни буржуазия, ни буржуазное государство, конечно, не подумали помогать своим врагам-рабочим в их новом деле.

39. За что стояли коммунисты.

На смену этим социалистам, мечтателям, утопистам, как их называли, явились затем новые люди, думавшие вести дело совсем по-иному. Немецкие социалисты, Маркс и Энгельс, не ждали уже ничего от буржуазии и от старого государства—они рассчитывали на самый рабочий класс, на пролетариат. Только сам пролетариат; тяжелой, суровой классовой борьбой со своими врагами может завоевать себе власть, и затем разрушить старые порядки, обновить,

перестроить мир. Для этого нужно, прежде всего чтобы все трудящиеся соединились в одну великую армию труда. К этому и призывали рабочих Маркс и Энгельс в своем «Коммунистическом манифесте»; на этих началах и создали они свой первый коммунистический союз.

Маркс и Энгельс писали в своих воззваниях к рабочим всего мира: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Они звали их всех в союз, чтобы общими силами идти на борьбу с капиталом, чтобы сломить его господство, чтобы устроить всю жизнь по-новому. «В этой борьбе,— говорили Маркс и Энгельс,— пролетарии могут потерять только свои цепи, приобретут же они целый мир».

Маркс и Энгельс звали рабочих к новому, общественному порядку, к организации всей жизни на новых, общественных началах, когда не будет отдельных рабочих и хозяев, трудящихся и туенядцев; все, кто могут, будут: тогда трудиться, будут сообща устраивать свою жизнь; хозяином жизни будет не капитал и не капиталист, хозяином будет все общество трудящихся, вся коммуна труда. Это будет новый, коммунистический строй. К этому строю, к этому коммунизму звали рабочих Маркс и Энгельс. «Коммунистический манифест», написанный ими в 1847 году, имел громадный успех среди рабочих.

Но для того, чтобы этот новый строй мог возникнуть в мире, чтобы он мог победить старые силы капитала, старый буржуазный строй, нужен был целый переворот, нужна была революция, революция во имя будущего коммунизма. Об этом говорилось в коммунистическом манифесте. «Коммунисты считают излишним скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего современного общественного строя (господства буржуазии). Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией». Опасность грозит всей буржуазной Европе; на бесчисленных фабриках и заводах, где орудует капитал, — создаются целые армии пролетариев, а это прямые враги старого буржуазного строя, враги капитала; капитал сам производит собственных своих; врагов, «собственных своих могильщиков». Со знаменем коммунизма в руках пойдут на борьбу с капиталом эти его могильщики и положат ему конец. «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». Вся Европа, весь буржуазный мир готов подняться и ополчиться на борьбу с этим грозным призраком.

40. Как шла революционная борьба в Европе.

На Западе, в других странах Европы, рабочие уже давно начали эту борьбу. Они участвовали во всех больших европейских революциях, особенно в революциях 1848 года. Но во всех этих революциях во главе рабочих шла буржуазия, и все плоды победы, вся добыча, вся власть доставалась буржуазии. Рабочие жертвовали собой, сражались и гибли на баррикадах, а для себя самих ничего не получали. Когда в 1848 году в Париже (во Франции), они

пытались чего-нибудь добиться и для себя, — захватившая власть буржуазия беспощадно расправилась с ними: масса парижских рабочих погибла при этом на баррикадах.

Только один раз рабочим удалось на время захватить власть в свои руки. Это было в том же Париже, в 1871 году, после тяжелой войны с немцами. Немцы разбили французов и осадили самую их столицу — Париж. Для обороны Парижа пришлось раздать оружие парижским рабочим — так рабочие получили нужное им оружие. Это было совсем неудобно французской буржуазии, и она постаралась разоружить рабочих, отобрать у них оружие. Были посланы в Париж войска, чтобы взять пушки. Но парижские рабочие пушек не отдали; напротив, многие солдаты стали на сторону рабочих, и, поэтому, затея буржуазии не удалась. Тогда буржуазные власти, видя, что у них нехватает сил, покинули мятежный город, выехали из него сами и вывели из него войска. Париж остался без правительства, без начальства, и должен был сам устроить свои порядки. Для этого была выбрана новая революционная дума — Коммуна; в Коммуне работали больше всего рабочие. В первый раз во всей истории мира — большим городом, столицей большой страны правила рабочая власть, у власти стояло рабочее правительство.

Два с половиной месяца продержалась у власти Коммуна, два с половиной месяца продержалось в Париже рабочее правительство. За это время в Париже сделано было много нового, много смелых реформ объявлено, много новых порядков заведено. Коммуна пыталась устроить всю жизнь по-новому; но сил у нее для этого было мало, да и времени было немного. Пришлось не столько строить новую жизнь, сколько бороться за свою власть, отбивать бешеные атаки буржуазии. Вся буржуазная Франция ополчилась на рабочее правительство Парижа; парижские коммунары объявлены были преступниками, изменниками, дикарями, им не хотели давать никакой пощады. Французская армия обложила Париж, и после жестокой борьбы заняла город. Рабочие не хотели сдаваться сразу, они воздвигли по всему городу баррикады и защищали каждый вершок земли, пока были в силах. Дело кончилось, однако, победой Франции над Парижем. Коммуна была раздавлена, коммунары расстреляны и разосланы в тюрьмы и ссылки, буржуазия торжествовала победу. И все-таки краткое время парижской Коммуны не прошло для рабочих даром. Это было первое рабочее правительство; в первый раз рабочие, хотя и недолго, держали в руках власть, в первый раз по-своему перестраивали порядки. Рабочие многому тут могли научиться, научиться даже и на своих ошибках. Первая рабочая власть в мире — была Парижская Коммуна. Вторая — Советская власть в России. Для Советской власти был очень важен опыт Парижской Коммуны. Советская Россия не может забыть этого первого опыта рабочей власти, и каждый год празднует годовщину Парижской Коммуны (18-го марта).

Дело Маркса и других коммунистов, вождей рабочего класса, не осталось лишь в книгах и на бумаге. Сам Маркс призывал всех

рабочих объединиться: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И рабочие соединились. Еще тогда же, при Марксе возник большой Международный союз рабочих, и Маркс был одним из руководителей этого союза — I Интернационала, как его называли (1864—1876 г.г.). I Интернационал объединил впервые под одним знаменем рабочих различных стран, разных народов. Он намечал цели рабочего движения, пролагал первые пути. Он же первый поднял вопрос о борьбе рабочих всего мира с войной. Когда с течением времени этот первый союз развалился,—оказалось, что без такого международного союза рабочим обойтись уже нельзя, и возник новый, II Интернационал (1889—1914 г.г.). И Интернационал наладил борьбу рабочих в отдельных странах, разработал программу борьбы, составил целый список реформ, каких надо рабочим требовать в первую очередь, каких нужно добиться и при буржуазной еще власти. На своих съездах II Интернационал обсудил вопрос и о том, как вести себя пролетариату в случае, если буржуазные правительства объявят друг другу войну: воевать ли вместе со своей буржуазией, или быть против войны. Съезды решили: всеми силами добиваться, чтобы войны не было, а если это не удастся, и все-таки война начнется — постараться от внешней войны перейти к внутренней, направить оружие солдат против своей же буржуазии; таким путем, если где вспыхнет война, за войной должна начаться социальная революция. Так было решено на съездах II Интернационала. Но когда в 1914 году началась, действительно, громадная мировая война, ни в одной стране рабочие не решились идти на разрыв с правительством и с буржуазией, и пошли на войну, защищать «отечество», как это называет буржуазия. Только небольшая кучка революционных рабочих, в том числе русские большевики, остались верны решениям съездов, и повели проповедь против войны и за революцию. Их за это всюду жестоко преследовали — сажали в тюрьмы, ссылали в ссылки. Но они делали свое дело,

Х. Как началось революционное движение в России.

41. За что стояли первые русские социалисты.

Учения социалистов и коммунистов проникали и к нам в Россию; проникали уже около ста лет назад. Но рабочих у нас было тогда еще мало, а сознательных среди них — еще меньше. Первые русские социалисты были не из рабочих, а из образованных, из так называемой интеллигенции: студенты, учителя, журналисты и др. Они читали западные книжки, писания западных социалистов, обсуждали их планы. Они сравнивали русскую жизнь, русские порядки с тем, что писалось в этих книжках, и мечтали о новой жизни и для России.

Русские помещики и капиталисты скоро поняли, чего хотят эти люди, скоро раскусили, что социалисты — лютые их враги,

и вооружились на борьбу с ними. Царские министры стали, конечно, на сторону помещиков и капиталистов, стали ловить и сажать социалистов. Многие молодые люди, стоявшие «за народ», сели в тюрьмы, отправились в ссылку.

Особенно пострадали молодые люди, собиравшиеся у писателя Петрашевского, в Петербурге. Они сходились к нему по пятницам, для общего чтения и беседы, толковали о том, как трудно живется на Руси крестьянам, какое зло крепостное право, как плохи русские старые суды, какие воров русские чиновники, и как хорошо будет, когда все эти старые порядки изменятся, когда воцарится новый, справедливый строй.

«Жизнь, как она теперь, тяжела, гадка,— говорили они на этих собраниях,— мы все несчастны, но весь этот порядок когда-нибудь кончится, когда-нибудь прекратится, вместо него будет другой порядок, новый, новый, новый. Когда? — вот это важный вопрос, и мы можем только отвечать, что скоро. Рухнет, развалится это старое дряхлое здание, — и жизнь оживет, и люди будут жить богато, раздольно и весело. Мы все здесь думаем так; нас немного, нас собралось здесь всего 10 человек, — но все начинается с малого и растет до великого. Мы здесь, в нашей стране, начнем преобразование, — а кончит его вся земля. Скоро избавлен будет род человеческий от невыносимых страданий!»

За такие вольные речи все члены кружка Петрашевского, — все петрашевцы, как их называют, были присуждены к смертной казни, как бунтовщики, — потом помилованы и сосланы в каторжные работы в Сибирь. Среди них был знаменитый впоследствии писатель Достоевский. Это было в 1849 году.

42. О чем говорилось в прокламациях.

Петрашевцы жестоко поплатились за свои чтения и беседы. Но дело их не умирало. Прошло немного лет — и вперед выступили новые борцы, появились новые социалисты.

Это было уже после того, как отменили рабство, после объявления «воли». Крестьяне сейчас же увидели, что это за «воля», увидели, что их обманули, и требовали себе другой, настоящей воли. Крестьян еще раз умирили, пришлось устраиваться с такой волей, какую дали. Но за крестьян горой поднялось новое поколение русских социалистов. Умиранные крестьяне не имели больше сил для борьбы; отчаялись в успехе и долго не бунтовали. Русская учащаяся молодежь не могла видеть этого равнодушно, — и решила притти деревне на помощь. Надо было собрать людей, согласных на это дело, организовать их в кружки, в союзы, выработать план действий, план борьбы. Нужно было вызвать на новую борьбу крестьян, помочь им в этой борьбе, организовать их борьбу; разъяснить им, за что надо бороться, как надо перестраивать старый мир. С этой целью писались революционные прокламации, воззвания ко всем, желающим помочь народу, ко всем, желающим делать революцию.

В прокламациях говорилось о том, как обманули крестьян цари и помещики, что дали они им вместо воли, говорилось о том, как угнетен и ограблен помещиками и чиновниками народ, как он страдает от этого гнета и грабежа, и как сделать, чтобы положить этому конец: «выход один,—говорилось в прокламациях,— выход один: революция, — революция кровавая и неумолимая... Она должна изменить до корня всю жизнь, все порядки, разрушить все старое, построить новый мир совсем на других началах. Мы не страшимся этой революции,—мы приветствуем ее наступление; мы готовы жертвовать за нее своими жизнями, своими головами, — только пришла бы скорее она, давно желанная!».

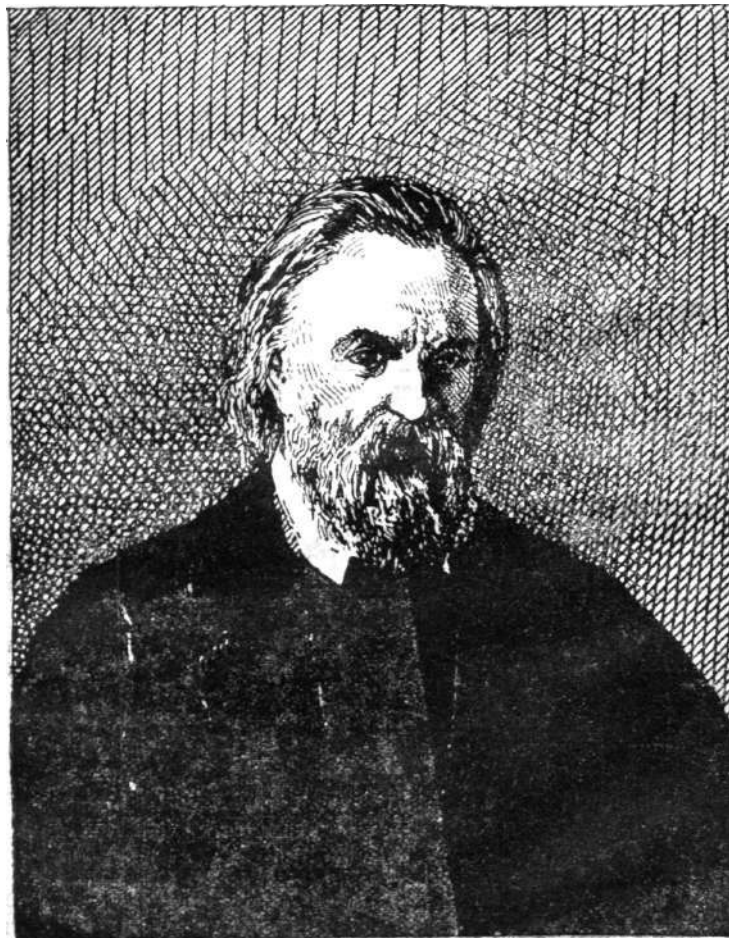
За эти прокламации, если, их у кого находили — людей сажали в тюрьмы, ссылали в Сибирь, на каторгу. Но другие писали и распространяли новые прокламации.

Чтобы подготовить к революции народ, людей трудящихся, чтобы разъяснить им, как и что надо делать, за что бороться, чего добиваться, — устраивались лекции для народа, устраивались воскресные школы: там учили рабочих людей, занятых по будням, в воскресные дни, учили грамоте, счету, рассказывали о чужих краях, о порядках в других странах, как живут там рабочие и крестьяне, как они борются за свою судьбу. Все эти школы и лекции были скоро закрыты полицией, и учить народ было запрещено.

43. Кто были первые вожди русской революции.

Вождями движения были ученые люди — Герцен, Бакунин, Чернышевский и другие. Герцен был из помещичьей семьи, учился в университете, рано понял, в чем народное горе, в чем народная беда, рано познакомился с книжками западных социалистов; еще студентом толковал он с товарищами об этом, попал в тюрьму и ссылку, потом уехал за границу, да там и остался, — стал «эмигрантом». Он жил в Англии, в ее столице Лондоне, там устроил вольную русскую типографию и печатал там книги, листки и журналы для России. В этих изданиях он проповедывал революцию и социализм, призывал русских людей к борьбе с помещиками, чиновниками и царями, призывал русскую молодежь идти в народ, бороться за дело народа. Он обличал русских царей, чиновников и помещиков за их притеснения русского народа, за крепостное право, за взятки и воровство, старался раскрыть всем русским людям глаза на преступления русского правительства. Об этом писал он в своем Лондонском журнале, который он назвал «Колоколом». В этот «Колокол» он звонил неустанно, сзывая живых и смелых на общую борьбу. Когда в России приступили к крестьянской реформе, — Герцен в «Колоколе» стал писать о том, как нужно это сделать, какая именно воля нужна народу, какую волю дать народу; он очень надеялся на царя, верил в то, что он даст волю, отказывался от революции, от борьбы, если царь даст народу волю, но царь с помещиками плохо

слушали Герцена, и воля была дана совсем не такая, о какой звонил в своем «Колоколе» Герцен. Тогда Герцен и стал взывать к русской молодежи, чтобы она шла в народ и готовила все для переворота, для социальной революции. Но когда в России началось, наконец,

А. И. Герцен.

революционное движение, когда молодежь выступила на борьбу, — Герцен не одобрил того, как действовали революционеры, и отрекся от революции.

Из помещичьей семьи вышел и другой русский революционер, Бакунин. Учился он тоже в университете. Так же рано он стал думать о революции, о социализме. Уехав за границу, он принял

лично участие в революциях 1848 года, дрался в немецком городе Дрездене вместе с рабочими на баррикадах, был взят в плен, брошен! в темницу; в тюрьме его приковали цепями к стене, и 6 месяцев высиел он на цепи, потом его выдали русским властям, привезли в Россию, и, как революционера, бунтовщика и преступника, посадили сначала в Петропавловскую крепость, а потом отправили в ссылку в Сибирь. Из Сибири ему удалось бежать: он объехал весь свет и поселился вместе с Герценом в Лондоне. Тут он стал работать для русской революции пером, участвовал в «Колоколе» Герцена, писал свои статьи и книги и пересылал их в Россию.

Третьим большим борцом за революцию был Чернышевский. Это был попович родом, сын священника из Саратовской губернии. Он тоже прошел университет, был учителем, потом основал свой журнал: в Петербурге, был его редактором. В своем журнале и в ряде книг он проповедывал новое устройство общества, подготовлял читателей к будущей революции, но не мог писать так же прямо и открыто, как Герцен и Бакунин: в Петербурге все надо было пропускать через царскую цензуру; ничего революционного, конечно, не разрешали печатать; приходилось писать так, чтобы цензура не догадалась в чем дело; приходилось писать иносказательно. Но Чернышевский делал, что мог, и молодежь с жадностью читала его статьи, как и статьи заграничных писателей-эмигрантов — Герцена и Бакунина. Когда помещики начали готовить крестьянскую реформу, и Чернышевский стал писать статьи об этом в своем журнале, указывать, как надо освободить крестьян, как дать им «землю и волю». Но и его советов плохо слушались. После реформы и Чернышевский остался ею недоволен и писал о новых переменах, какие нужно произвести в интересах народа. Писать открыто о революции он не мог, — но все понимали, к чему он взывает, о чем говорит между строк.

Царское правительство, стоявшее горой за помещиков и буржуазию, старалось изо всех сил покончить с этими вождями молодежи, с этими проповедниками и пророками революции. Герцена! и Бакунина оно достать не могло — они были далеко, в чужих краях, за границей; Чернышевский был ближе, тут, в Петербурге, и его достать было можно. Чернышевский был арестован, посажен в крепость, отдан под суд; по судебному приговору он был выставлен к позорному столбу на одной из площадей Петербурга, как преступник и бунтовщик, — и сослан на каторгу в Сибирь. С каторги его потом перевели в ссылку, в Восточную Сибирь, к якутам, где он прожил до старости: только за несколько лет до смерти ему разрешили вернуться в Россию, и то не в столицы и не в родной Саратов, а в Астрахань. Там он и умер.

Герцен, Бакунин, Чернышевский — крупнейшие вожди русской молодежи, крупнейшие вожди русских народников-социалистов. Все они ждали, что русская революция вот-вот начнется, что революцию эту сделают русские крестьяне, что надо их только к этому подготовить, а для этого надо идти в народ.

44. Чего хотели народники.

Теперь все знают, что коммунисты, большевики, стоят за рабочий класс, за интересы пролетариата, что революцию делают больше всех пролетарии, что партия большевиков-коммунистов идет во главе рабочих в этой борьбе. Полвека назад об этом у нас в России думали совсем иначе. Тогдашние русские социалисты, — стоявшие за народ, — народники, как их называли, — не надеялись на то, что рабочие сделают революцию, что заводить новые порядки, будут у нас пролетарии. Да и пролетариев у нас было тогда слишком мало, мало было и заводов и фабрик. В России, — думали народники, — вся революция произойдет иначе, и делать революцию будут, совсем другие люди: в России революция будет не рабочей, не пролетарской, а крестьянской, мужицкой революцией.

Вся революция рисовалась народникам по-своему, не так, как в других странах.

В России, казалось им, — завести новую жизнь легче и проще, чем на Западе Европы. Там капитал воцарился уже давно, там рабочие давно уже в кабале у хозяев-капиталистов, и им трудно будет сбросить это иго, освободиться от этой власти. Там социальная (общественная) перестройка потребует большой и тяжелой борьбы. У нас, в России, — думали народники, — у нас не то. Капитал у нас только что начал возникать, фабрик, заводов, банков у нас еще мало, рабочих хозяевам доставать трудно: большая часть рабочих — те же крестьяне; у них есть в деревне своя земля, свой, хотя небольшой, надел; с этой земли они все же могут кормиться, могут не идти на фабрику и завод, а если наймутся, то не будут у хозяина в такой кабале, как настоящие пролетарии в западных странах; будут условия работы чересчур тяжелы, или плата мала — можно всегда и расчета потребовать, и уйти к себе, назад, в деревню, с голода недохнешь. У русского рабочего, — писал один из главных народников, — есть своя земля, есть свой хлеб для еды, свой леи на рубахи и на портки, свои овцы на овчину и на баранью шапку, — что ему еще нужно? Все у него есть свое; к чему ему наниматься к хозяину, идти в кабалу к капиталу? Летом он совсем уходит с фабрики в деревню, на полевые работы; и зимой он проживет без фабрики, — ему есть что делать и дома: он пахарь, он же и кустарь, он мастерит бочки, лапти, телеги, он может заработать и этим. Ни летом, ни зимой он не нуждается в фабрике и в фабриканте. Надо только, чтобы у него всегда оставалась земля, чтобы ее кто то отнял, надо, чтобы мог он прирабатывать кустарными промыслами, чтобы сработанное им у него покупали. Если земля и кустарные заработки его останутся в прежней силе, то ему и не за чем идти на фабрику кланяться капиталисту: пускай капиталист ему сам поклонится.

Да и к новой, будущей жизни, русский мужик, — казалось народникам, — стоит ближе, чем западный пролетарий. В самом деле,

что писали в своих книжках социалисты, о чем они проповедывали рабочим? Чтобы не было частной собственности, чтобы земля и орудия работы принадлежали не отдельным хозяевам, а всем трудящимся, общинам их, коммуна, целому рабочему государству. На Западе нет еще сейчас никакой общины, никакой коммуны: там рабочий каждый работает сам по себе. У нас и в этом деле совсем не то. У нас мастеровые идут на работу артелями, и в деревне крестьяне владеют землей сообща, целой общиной; земля общая, для всего села; в случае, если какой мужик обеднеет, или у него семья прибавится, можно ему земли из общего запаса прибавить, а иной раз убавить, если работников и едоков станет меньше. А эти община да артель — это уже почти коммуна. И выходило, что русский крестьянин ближе к будущему социальному строю, ближе к коммунизму, чем западные рабочие-пролетарии. Надо только сделать так, чтобы русский мужик так и остался крестьянином, с общиной и землей, а не стал бобылем-пролетарием. В этом все дело, в этом — вся задача русских народников-социалистов. Новую жизнь, — думали они, — заводить у нас будут не пролетарии, а крестьяне, — они прирожденные коммунисты. Надо им только втолковать, что надо делать, чтобы ввести новые порядки, чтобы перестроить всю жизнь по-новому, чтобы одолеть лезущий на Россию капитал, и не дать ему у нас ходу. Вся задача народников была в том, чтобы защитить мелких собственников, крестьян, от нашествия крупного капитала.

45. Как пошла русская молодежь „в народ“.

С этими мыслями и надеждами, с этой задачей стать на защиту русской деревни от нашествия капитала — пошли в народ, полвека тому назад, десятки и сотни из русской учащейся молодежи. В разные стороны пошли они — и на фабрики и заводы Москвы, Петербурга, Иваново-Вознесенска, — и далеко, в деревенскую глушь, в Поволжье, где когда-то поднимали бунты Разин и Пугачов, — в Украину, где когда-то жили вольные люди-казаки. Всюду пошли эти люди, пошли, чтобы там, на месте, работать с крестьянами и рабочими и готовить их к будущей революции. Студенты, студентки, семинаристы, учителя и учительницы, писатели, журналисты, — все люди из интеллигенции, главным образом, из учащейся молодежи, сами голые бедняки, — пошли в народную глушь на проповедь, на пропаганду. Их было на всю Россию несколько тысяч человек. Они селились среди крестьян или среди фабричных, сами нанимались в рабочие на фабрики, шли в писаря, фельдшера, учителя в деревню, или учились какому-нибудь ремеслу, и появлялись в деревне сапожниками или кузнецами. Они являлись туда с умными книжками и с умными беседами и речами. Тайком от хозяев, тайком от властей, они старались вручить книжку, прочесть ее, объяснить ее смысл, побеседовать по ее поводу: говорили о тягостях трудовой жизни, о том, как бы устроить жизнь иначе, по-новому, по-хорошему. Говорили, как нужно сделать, чтобы получить для народа, для всех трудящихся, землю и волю.

Но неграмотные крестьяне плохо их понимали, плохо верили «студентам», и не хотели их слушать. А новое восстание поднимать— после только что бывшей неудачи еще не решались. Так и не вышло ничего из этой пропаганды. Крестьянство не поднялось, восстания не возникло, а царь и помещики приняли свои меры против пропагандистов: полиция ловила студентов, сажала их в тюрьмы, отдавала под суд; несколько тысяч молодых людей было арестовано по всей России, несколько сот из них было предано суду, сослано в ссылку, на каторгу, в Сибирь. На одном из таких судов выступил со своей речью и ткач Петр Алексеев.

Народники-пропагандисты вели борьбу за крестьян, за их нужды, за землю и волю для них, — за мужицкую Русь. Они старались поднять на борьбу самих крестьян, они ждали, что крестьяне пойдут за ними; ведь столько крестьянских бунтов было уже прежде в России! Но крестьяне не откликнулись на призыв народников, не пошли тотчас же в бой. Народникам приходилось пересматривать свои планы, отказываться, от веры в крестьянское восстание, в крестьянскую революцию, или откладывать ее на долгий срок. И народники бросили старые пути, и перешли на новую борьбу. Из мирных пропагандистов они становились боевыми людьми, террористами.

46. Как боролись с правительством террористы.

Отчаявшись в своем деле, не дождавшись крестьянского восстания, народники решились бороться сами, не дожидаясь, когда поднимутся на восстание крестьяне. Они стали устраивать покушения на жизнь полицейских начальников, жандармов, прокуроров, губернаторов, которые их ловили, судили, казнили, — на жизнь царских министров, на самого царя. Сначала стреляли в царя и царских чиновников отдельные революционеры; так, Каракозов стрелял в царя Александра II, но неудачно,—царь остался жив; Каракозов же был казнен. 11 лет спустя молодая девушка, учительница Вера Засулич стреляла в Петербургского градоначальника, ген. Трепова, за то, что он велел высесть в тюрьме политического арестанта, который не снял перед ним шапки; Трепов тоже был только ранен; девушку схватили, судили, но на этот раз присяжные оправдали ее, — и тем самым осудили Трепова за его расправу розгами с революционером. После этого был убит на улицах Петербурга шеф жандармов; потом один революционер стрелял в царя, и опять неудачно. Но все это были отдельные покушения, — их на свой страх и риск устраивали отдельные лица.

С 1879 года возникло особое тайное общество, Народная Воля, как оно себя назвало. Исполнительный Комитет этого общества, разобрав вины царя Александра II перед народом, вынес ему смертный приговор. Решено было казнить царя, этим делом занялись члены исп. комитета, и среди них Желябов, Перовская и Кибальчич. Желябов— сын крепостного крестьянина из Крыма, был главным устрой- телем покушений; Софья Перовская, из знатной дворянской семьи,

дочь питерского губернатора, бросила свою семью, перешла на сторону народа и приняла большое участие в деле революции. Николай Кибальчич, сын священника, студент, изучил науку о взрывчатых веществах и о взрывах, — и занялся изготовлением мин для подкопов под улицами и дорогами, по которым ездил царь, и динамитных бомб, чтобы бросить в него при встрече. Они подобрали себе еще несколько человек помощников и устроили целый ряд покушений. Но долгое время покушения не удавались, царь оставался жив.

Особенной смелостью отличалось покушение, подготовленное в самом Зимнем дворце, где жил царь. Один из революционеров, Степан Халтурин, поступил во дворец столяром, получил комнату в подвале дворца и занялся подготовкой взрыва. Он пронес туда, в подвал, несколько пудов динамита, там сложил его под своей подушкой, и когда динамита было довольно, — поджег его. Комната, где царь должен был обедать, взлетела на воздух, в окна дворца посыпались стекла, 10 солдат было убито, 50 ранено, но царь во время взрыва не был в комнате и остался жив. Покушение еще раз не удалось. Тем не менее царские министры были напуганы такой дерзостью заговорщиков: в самом царском дворце оказались враги царя; и как только они туда проникли?!

Полтора года ушло на эти неудачные покушения. Наконец, восьмое покушение удалось. 1 марта 1881 года царь Александр II был убит бомбой, брошенной в него на пути во дворец, на Екатерининском канале. На этот раз казнь императора совершилась. Пятеро царевубийц, и в их числе Желябов, Перовская и Кибальчич, были схвачены, отданы под суд и повешены. Теперь, после революции, этим героям и мученикам революции ставят памятники, их именем называют улицы в Петербурге. Так чествует их память Красная Россия.

47. Как мстили террористам за их террор.

Царские министры не только казнили революционеров, членов «Народной Воли»; для них была выстроена особая тюрьма, в Шлиссельбурге, на острове Ладожского озера, под Петербургом; убежать отсюда было невозможно; в каменных стенах, за крепкими решетками, в одиночных камерах, должны были сидеть до конца жизни те революционеры из партии «Народной Воли», которые были избавлены от казни; в полном одиночестве должны они были сидеть в этих каменных мешках, пока смерть не сжалится над ними. Многие не выдержали этого заключения, сошли с ума или покончили с собой, наложили на себя руки; другие высидели по 10, 15, 20 и более лет, вся их жизнь прошла в стенах Шлиссельбурга, — и только после революций 1905 года вышли на волю; — сели в тюрьму молодыми, вышли из нее стариками. Такова была судьба народовольцев — Морозова, Фроленко, Веры Фигнер и других.

Одна из шлиссельбургских узниц — Вера Фигнер, — рассказывает о своей жизни в этой крепости, где она высидела 21 год. «Мы

были лишены всего: родины и человечества, друзей, товарищей и семьи; отрезаны от всего живого и от всех живущих.

Свет дня застилал матовые стекла двойных рам, а крепостные стены скрывали дальний горизонт, поля и людские поселения.

Из всей земли нам оставили тюремный двор, а от широт небесного свода — маленький лоскут над узким, тесным загончиком, в котором происходила прогулка.

Из всех людей остались лишь жандармы, для нас глухие, как статуи, с лицами, неподвижными, как маски.

И жизнь текла без впечатлений, без встреч... День походил на день, неделя на неделю и месяц на месяц... Часов не было, но была смена наружного караула: тяжелыми мерными шагами он огибал тюремное здание и направлялся к высокой стене, на которой стояли часовые.

Камера — вначале белая — скоро превратилась в мрачный ящик: асфальтовый пол выкрасили черной масляной краской; стены вверх — в серый, внизу — в густой, почти черный цвет свинца.

Каждый, войдя в камеру, мысленно произносил: «это гроб».

И вся внутренность тюрьмы походила на склеп.

«Вы узнаете о вашей дочери, когда она будет в гробу», — сказал один сановник обо мне в ответ на вопрос моей матери.

Самые имена наши предавались забвению: вместо фамилий нас обозначали номерами, как казенные вещи или бумаги: мы стали № 11, № 4, № 32 (сама Вера Фигнер была № 11).

И над всем стояла, все давила тишина...».

Шлиссельбург — был, как могила, для всех узников, сидевших в нем. «Они собственно заслуживают смерти», — думали о них царские судьи и тюремщики: «пусть будут довольны и тем, что им оставили жизнь. Чего же им нужно еще?».

Но узникам нужна была воля: и в стихах, какие писали они в тюрьме, они без конца толковали о воле. Та же Вера Фигнер, любуясь на золотой солнечный луч, проникший в окно темницы, обрашалась к этому лучу со словами:

«Солнца луч золотой!
Ты мне тайну открой,
Где сегодня летал,
И кого согрелал?
Ты бывал ли в краях,
Что так милы в мечтах?
Так ли пышны поля,
Как видала их я?
Так ли много цветов,
На просторе лугов?»

Солнечный луч отвечает ей

«О раздолье полей
Ты забудь поскорей,
И под своды свои
Ты меня не зови.
Я к тебе лишь на миг
Мимолетный проник,
Здесь нельзя мне стоять
И тебя утешать»...

Сидя в каменных стенах Шлиссельбурга, заключенные в них борцы вспоминали товарищей, которые погибли за свое дело, которые были казнены. Один из узников, Сергей Иванов, писал о них в стихах, сложенных в Шлиссельбурге:

«Вы промелькнули пред стра-
ною,
Как проблеск утренней зари,
Как вихрь могучий пред гро-
зою,
Родные нам богатыри!
Вы шли под громом бури страш-
ной,

Но громче голос ваш звучал,
И властно ваш пример отважный
Других за вами увлекал.
Пройдут года. Взойдут живые
Борьбы великой семена;
Лесов вершины вековые
И переливы волн глухие
Повторят ваши имена».

Узники не отчаивались, не унывали, не теряли веры в победу революции, в грядущее торжество свободы. Один из них, Николай Морозов, пустил однажды через окно на волю листок со стихами, в котором взывал ко всем, живущим на воле, и ободрял их:

«Стой, товарищи, не трусь!
Шевели святую Русь!
Ведь не век же наша мать
Непробудно будет спать.

Шлиссельбург заняли мы,
Так не бойтесь же тюрьмы —
Вас правительство не съест, —
А у нас нет больше мест».

Так верили в свое дело, в дело революции, шлиссельбуржцы. И они не ошиблись в своих надеждах. Революция, наконец, пришла, но сделали ее не крестьяне и не народники, — а другие люди, и делалась она по-иному.

XI. Как вступили в революцию рабочие,

48. Зарождение социал-демократической партии.

Одновременно почти с партией Народной Воли, несколько даже раньше, на революционную борьбу выступили рабочие. Уже Петр Алексеев, — московский рабочий-ткач, — за революционную пропаганду отправился далеко в Сибирь. За ним идут столяр Степан Халтурин и слесарь Виктор Обнорский. Они устроили в Петербурге в 1878 г. первую революционную организацию русских рабочих, — это был «Северно-Русский Рабочий Союз». В «Союзе» объединились, сотни рабочих; намечен был обширный план борьбы, целая программа. Тут не было интеллигентов, — в союз принимались одни рабочие. Их цель была не только социальная, но и политическая революция, — они понимали, что пока нет свободы, не может идти успешно и борьба за новый социальный строй. Надо вырвать власть из рук помещиков и капиталистов, из рук их приказчиков — царей и министров; только тогда, когда это будет сделано, — можно будет с успехом бороться за социализм. Так думали члены «Северного Союза». Но полиция скоро прознала об их собраниях и затеях и разогнала их, — многих забрала в плен, — и «Союз» распался. Сам Халтурин ушел в другую борьбу, в партию Народной Воли, — это он взрывал Зимний дворец динамитом. Другие члены «Союза» рассеялись и больше не собирались.

Пять лет спустя, в Швейцарии, за границей, возник новый союз русских социалистов, русских революционеров. Это была группа «Освобождение Труда», как они себя называли; во главе ее стоял известный русский социалист Плеханов. Новая группа познакомилась с учением Маркса, познакомилась с тем, как ведут борьбу немецкие социалисты, — социал-демократы, последователи Маркса, — и решила поставить борьбу в России на тех же началах. Так же, как и Халтурин, они поняли, что без политической свободы нельзя думать ни о какой социальной революции, и принялись готовиться к новой борьбе, к борьбе с самодержавием, к борьбе за его свержение, за созыв учредительного собрания, за демократическую республику. Все это должно было расчистить путь для борьбы за социализм. Плеханов и его друзья понимали, что во всей России всего больше готовы к такой борьбе не крестьяне, а рабочие.

На большом съезде социалистов всего света в Париже Плеханов сказал, что «революционное движение в России победит, как движение рабочих, или не победит вовсе». В своих статьях он писал, что «естественным ближайшим союзником революционеров оказывается не ветхозаветный крестьянин, а современный пролетарий». «Пролетариат — это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие», взорвет и весь буржуазный строй. Вся история русской революции показала, насколько был прав Плеханов.

Так наряду с народниками появились в России новые революционные борцы — марксисты. Народники верили в крестьянскую революцию, в крестьянскую общину и артель, крестьяне казались им природженными коммунистами; нужно только помочь им отбить нашествие капитала. Марксисты не верили ни в общину, ни в артель, ни в социализм крестьян, ни в крестьянскую революцию; для них единственными борцами за революцию и за социализм могли быть только рабочие, пролетарии: крестьяне, мелкие собственники, дрожащие за каждый клочок земли, казались им вовсе не друзьями социализма, а буржуями; крестьяне — мелкие буржуи, защитники мелкобуржуазной собственности. Не крестьяне, а пролетарии — вот борцы за революцию, за социализм.

Народники спорили с марксистами, защищали свою точку зрения. Они даже писали за границу Марксу и Энгельсу, чтобы эти великие вожди коммунизма разъяснили русским марксистам их ошибки», чтобы они их образумили. Но Маркс и Энгельс стали на сторону своих русских учеников. Они отвечали русским народникам, что «нет сомнения, — Россия накануне революции», но что без пролетариев в этой революции и Россия не обойдется. А крестьянские община и артель — не помогут крестьянам справиться с капиталом: сами эти община и артель разрушаются в борьбе с капиталом, капитал оказывается сильнее их. И немудрено: такие община и артель, как в России, есть и у диких племен, были и у других народов в века их дикости; и всюду исчезли и разрушились, их съел капитал. То же будет, конечно, и у нас.

Капитал неизбежно воцарится и в России, — но из царства капитала выйдут новые борцы против его господства, выйдут могильщики капитала — пролетарии, — вот они-то и будут потом строить новый мир.

В 1890 годах стали такие же группы слагаться в России, и прежде всего в Петербурге. Это были «союзы борьбы за освобождение рабочего класса», как они назывались. В одном из таких союзов начинал свою деятельность Ленин. Союзы борьбы начали свою работу в то время, когда в Петербурге разразились большие стачки 90-х годов. Союзы вмешались в эти стачки, писали воззвания и листки к рабочим, объясняли им значение стачки, всю ее важность для общего рабочего дела. С тех пор социалисту участвовали во всех стачках, и все более и более проникали в рабочую среду со своей проповедью революции и социализма. Рабочие сходились в кружки, читали запретные книжки, учились у студентов-пропагандистов и потом сами вступали в союзы революционеров.

В Западной Европе с 1889 года рабочие разных стран стали праздновать день 1 мая, — рабочий праздник. В этот день работы все прекращались, рабочие выходили на улицу с песнями и знаменами, говорили на собраниях речи; — тут рабочие устраивали смотр своим силам.

В России праздновать 1 мая начали с 1891 года. Сначала в немногих местах, на нескольких фабриках, потом все больше и больше, наконец, на большей части фабричных и заводских предприятий; рабочие привыкали праздновать этот день. Полиция всячески препятствовала такому революционному празднованию, запрещала собрания, шествия, речи в этот день, требовала, чтобы рабочие в этот день были на своих фабриках, при своей работе, — но ничто не помогало: день 1 мая праздновало все большее и большее число рабочих. В Петербурге, на Обуховском заводе, 1 мая 1901 года дошло до открытой битвы рабочих с полицией: были раненые и убитые, и хотя обуховцы были усмирены, — этот бой за 1 мая показал всем, что рабочие не откажутся без борьбы от своих прав, что они на насилие ответят силой. Во время обуховской битвы рабочие уже кричали на улицах Петербурга: «Долой самодержавие!». Революция вышла на улицу и гуляла уже по царской столице.

На следующий год движение рабочих еще более разрослось. В Ростове-на-Дону в течение целой недели происходили большие собрания рабочих, на улицах устраивались, всенародные митинги, собирались тысячи народа, революционные ораторы говорили речи, — и толпа их слушала, и полиция, не зная, что делать, чтобы прекратить все это «безобразие» — для усмирения нужны были войска, — а войска в городе было мало. Когда, наконец, войска пришли, толпу разогнали, зачинщиков забрали, митинги прекратили. Но целую неделю Ростов недаром слушан такие речи: тут учились ростовские рабочие, как вести революционную борьбу.

Шире прежнего развивались теперь и стачки. С 1902 г. стачки охватывают целые города, в каждом городе бастуют все фабрики и заводы, — стачки охватывают и целый ряд городов, бастуют все города, все фабрики целой области, — нескольких губерний. Такие всеобщие стачки были в Баку, в Одессе, потом они захватили весь юг России. Такие же стачки разыгрывались в Петербурге, в Москве, в центральном районе. Рабочие выставляли теперь новые требования: 8-часовой рабочий день, демократическую республику, учредительное собрание. «Долой самодержавие!» — был теперь общий клич рабочих.

49. Как возникли революционные партии.

Для руководства движением пролетариата, для организации борьбы за политическую и социальную революцию, были созданы новые тайные общества, новые революционные партии.

В 1898 году съехались в Минске и объединились в партию русские социал-демократы, — возникла Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Пять лет спустя эта партия, на съезде в Лондоне, раскололась на две части, фракции — меньшевиков и большевиков. Меньшевики стояли за союз с буржуазией, которая тоже, дескать, ведет борьбу с самодержавием, тоже добывается свободы. Большевики доказывали, что соединиться с буржуазией никоим образом нельзя, что буржуазия всегда предаст своих союзников — рабочих, — какой же смысл рабочим бороться за дело буржуазии, чтобы ей, а не себе завоевывать власть, таскать для нее из огня каштаны? Если соединиться, — говорили большевики, — то с революционным крестьянством, с сельскими батраками, только не с буржуазией. Фракции разошлись на этом — и более не соединялись. Вождем меньшевиков стал Мартов, потом — Плеханов; вождем большевиков — Ленин. Позднее большевики приняли новое название — коммунистов.

Возникли и другие партии. Народники в конце 90-х годов снова устроили свой союз, партию социалистов-революционеров, или эс-эров, как их потом окрестили. Их вождем был Виктор Чернов. Эс-эры по-прежнему прежде всего думали об интересах крестьян, по-прежнему вели борьбу террором, убийством царских министров, покушениями на самого царя. Они убили нескольких министров — Боголепова, Сипягина, Плеве, убили царского дядю, Сергея Романова. Но революции из этих убийств не получалось.

Однако все же это была борьба с самодержавием; террористы шли с бомбами в руках на врага, рисковали своей жизнью, гибли потом в тюрьмах и ссылках, под пулями и на виселицах. Так погибли террористы -- Балмашев, Сазонов, Каляев и др. Для царя, помещиков, буржуазии, это все были преступники и злодеи; для людей, ожидавших революции, мечтавших о том, когда же она начнется, — это были мученики и герои.

50. Зачем нужно было привлечь к революции солдат.

Но революция все еще не начиналась. Крестьяне все еще верили, в царя, ожидали от него всяких милостей — и земли, и волк. И среди рабочих было много людей, не потерявших еще этой веры в царя; многие еще верили, что царь, если только узнает народные нужды, сделает все для народа, — беда только, что он ничего не знает: надо пойти к нему, рассказать, растолковать. Поднять крестьян и рабочих на общее восстание, на революцию было трудно.

Не становилась на сторону народа и армия. Солдаты и матросы в эту армию и во флот брались из тех же крестьян и рабочих, но их держали в слепом подчинении в казармах, старались, чтобы они не поняли, за что борются революционеры, для чего нужна революция, что она нужна народу; — и солдаты, и матросы слепо слушались приказов своего начальства, разгоняли толпы стачечников, — пороли крестьян, расстреливали их, стерегли их в тюрьмах и ссылках, словом, — боролись против революции, против крестьян и рабочих, из среды которых сами же они вышли. Надо было сделать все на свете, чтобы завоевать для революции сердца и головы солдат и матросов, — без этого нечего было и думать о революции, о победе. Об этом и надо было больше всего подумать революционным партиям.

Об этом думали уже в 80-х годах народовольцы, за это пошла в Шлиссельбург на 20 лет Вера Фигнер. Об этом думали позднее марксисты, большевики. И когда пришел 1917 год, и разразилась, наконец, великая русская революция, солдаты и матросы оказались, наконец, заодно с восставшим народом, — тогда революция победила. В плен, в крепость пошли царские министры, и на казнь пошел сам царь Николай II.

51. О чем говорилось в революционных песнях.

В борьбе революции сложились свои революционные песни. Их пели рабочие и студенты на сходках и демонстрациях. По образцу французской революционной песни-марсельезы (песни революционных марсельцев-солдат из французского города Марселя) — создавалась своя русская рабочая марсельеза. В ней говорилось:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног,
Нам не нужно золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог.

Мы пойдем в ряды страждущих братьев,
Мы к голодному люду пойдем,
С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его поведем.

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Иди на врага, лод голодный!
Раздайся крик мести народной:
Вперед, вперед, вперед! и т. д.

Когда хоронили кого-нибудь из борцов революции, погибших в этой борьбе, — стройными рядами шли революционеры за гробом своего, товарища и пели при этом похоронный марш:

Вы жертвою пали в борьбе ро- ковой	Падет произвол, и восстанет на- род
Любови беззаветной к народу, Вы отдали все, что могли, за него,	Великий, могучий, свободный! Прощайте же, братья, вы честно прошли
За жизнь его, честь и свободу. Порой изнывали вы в тюрьмах сырых;	Свой доблестный путь благород- ный!
Свой суд беспощадный над вами Цари-палачи изрекали тогда, И шли вы, гремя кандалами.	За вами идет свежих ратников отрой,
А деспот пирует в чертоге своем, Тревогу вином заливая, Но грозные буквы давно на стене Чертит уж рука роковая!	На подвиг и на смерть готовых. Прощайте же, братья, вы честнс прошли Свой доблестный путь благород- ный!

Когда на революционную борьбу вышли рабочие, пролетарии, когда стройными рядами пошли они добывать новую лучшую жизнь для себя и для всего народа — тогда сложились и новые рабочие песни. Такую рабочую песню написал поэт, сам вышедший из рабочих, Л. Зилов.

Рабочие.

Проходит много их... В нахму- ренных бровях,	Огнем накопленная в горне. Угрюмо картузы натянуты на лбы,
В глазах, улыбках и морщинах Внедрился газ печей, стальная пыль станков,	Карманы сдавлены руками, Как-будто камни в них лежат, Большие, с острыми краями.
Упрямяство, скрытое в машинах. В руках, засохших от огня, И в пальцах, твердых, точно корни,	И будет некогда: железные ряды Сплотятся мощно и сурово И крикнут: «мы хотим!» и ска- жут: «наш черед!»,
Скопилась мощь паров, закован- ных в котлах,	И жизнью облечется слово.

(То-есть: «и так оно и будет, как сказано».)

Против всей этой революции боролись помещики и купцы, банкиры и фабриканты, полиция и жандармы, цари и министры. Боролись нагайками и плетьюми, тюрьмами и ссылками, виселицами и рас-

Началось с того, что петербургские рабочие, отчаявшись в своей борьбе с хозяевами, не надеясь чего-либо от них (хозяев), добиться, решили идти всем скопом к царю, к Зимнему дворцу, с прошением (петицией) о своих нуждах. В этом прошении рабочие говорили:

«Мы пришли к тебе искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильными трудами, над нами надругиваются, в нас не признают людей. К нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невестства. Нас душит деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению; для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

В петиции говорилось, что рабочим нужно сокращение рабочего дня до 8 часов, повышение заработной платы и т. п. Но в петицию были включены и другие требования, нужные не для одних рабочих, а для крестьян и для всего народа: передача земли народу, политические свободы, созыв учредительного собрания для введения в России новых порядков. В учредительное собрание должны были выбирать все граждане без различия сословия и богатства. Эти новые, политические требования внесли в петицию по совету социал-демократов.

«Вот, государь, главные наши нужды,—говорилось в конце петиции. — С этими нуждами мы пришли к тебе. Повели исполнить наши желания. Если нет—мы умрем здесь, на этой площади перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и не за чем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи любой из них—мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы к смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для пострадавшей России. Нам не жалко этой жертвы—мы охотно принесем ее».

С такой петицией шли к царю петербургские рабочие. Их было свыше 140 тысяч человек. Шли они со всех концов рабочего Петербурга, шли с женами, детьми и старцами впереди, с попами, иконами и царскими портретами; вел их к дворцу собравший их поп Георгий Гапон.

Царь Николай II не пожелал принять рабочих. Он на этот день — 9 января — уехал совсем из Петербурга, а власть над столицей передал военным властям. Когда толпы рабочих стали двигаться к Зимнему дворцу, их полиция задерживала, не пускала вперед. Часть рабочих все же прошла к дворцу; здесь их встретили войска, и началась стрельба в толпу, в мирную, безоружную толпу рабочих. Стреляли целый день, стреляли в разных частях столицы, стреляли вдоль улицы по случайным прохожим, стреляли в мальчишек, забравшихся из любопытства на деревья. Было свыше 1.000 человек убитых, до 5.000 раненых. Это было «кровавое воскресенье».

Так встретил рабочих царь Николай II! Они шли к нему еще с полной верой в царя-батюшку, в то, что царь один может помочь им в тяжелой борьбе с капиталом, защитить их от несправедливости хозяев, и их приспешников. Они горько ошиблись в своих надеждах. Царь не только не принял, не выслушал их, — он велел солдатам расстрелять мирных граждан, с такой верой просивших его о милости и о правде.

О кровавом событии 9 января узнали скоро по всей России. Всюду рабочие поднялись против этого избиения: везде были стачки протеста, везде рабочие бастовали.

9 января 1905 г.

Это были уже не экономические стачки, не забастовки из-за заработной платы, или из-за сокращения рабочего дня; — рабочие не выставляли никаких своих требований, они желали только показать, как они относятся к ужасам 9 января. Это были политические стачки.

Для массы рабочих день 9 января был важным днем. Он открыл им глаза на царя, показал им, что от царя нечего больше ждать, что ничего хорошего от него не дождешься.

Теперь уже не одни передовые рабочие, а вся рабочая масса поняла, что:

«Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой; —
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой».

63. Как поется о 9 января в стихах и песнях.

Рассказывая о 9 января, один поэт, вышедший сам из рабочих, — Н. Рыбацкий, — говорит:

«Их были тысячи. Доверчивой толпою
Они к дворцу царя с его портретом шли:
Священник впереди, за ним кресты, иконы.

По сторонам хоругвей ряд несли.
Их были тысячи. Они молитвы пели,
И шли сказать царю, сколь горек их удел,
И шли просить царя, чтоб твердым, царским словом

Признать права народных велел...»
Их залпом встретили, их шашками рубили,
Без сожаления калечили навек...

И дрогнула толпа. И вдруг остановилась,
В смятении прикинула на снег: —
«Проклятие рабам, рабам — братоубийцам.
Но трижды проклят тот, кто убивать велел»...
— Убиты многие. Но с ними же убили
И веру у живых в заступника-царя».

Рассказывается о 9 января и в народной песне, которую поют в Новгородской губернии. Тут говорится о солдате, пришедшем домой с японской войны, из далекой Манчжурии. — Спешил он домой, к своей семье, вернулся — и никого из своих не нашел. — «Где ж они все? Куда делись?» — спрашивает солдат. — «Где они: — отвечают ему: — мужайся, солдат! Все они погибли от царских пуль, погибли 9 января»...

«От павших твердынь Порт-Ар-
тура,

С кровавых Манчжурских полей,
Калека-солдат изнуренный
К семье возвращался своей.

Спешил он жену молодую
И малого сына обнять,
Увидеть родимого брата,
Утешить родимую мать.

Пришел он — в убогой избушке
Ему не узнать никого:
Другая семья в ней ютится,
Другие встречают его.

И стукнуло сердце тревогу:
— Явился я, видно, не в срок!
Скажите скорее, где братец,
Где мать, где жена, где сы-
нок? —

— Жена твоя... Сядь, отдохни
же

Небось твои раны горят. —

— Скажите скорее всю правду!..

— Всю правду! — Мужайся, сол-
дат! —

Толпа изнуренных рабочих
Решила итти ко дворцу,
Защиты просить с челобитной,
К царю, как к родному отцу.
Надев свое лучшее платье,
С толпою пошла и она, —
И на смерть зарублена шашкой —
Твоя молодая жена. —

— Где сын мой, мой маленький
мальчик? —

— Где сын твой? Мужайся, сол-
дат!

Твой сын в Александровском
парке
Был пулею с дерева снят! —
— Где мать? — Помолиться Ка-
занской
Старушка тогда же пошла,
Избита казацкой ногойкой,
До ночи едва дождала!
— Ужели все взяты судьбою?
Остался единственный брат,
Моряк — молодец и красавец;
Где братец? — Мужайся, солдат!

— Ужели и брата не стало?
Погиб, знать, в Цусимском бою! —
— О нет, не сложил у Цусимы
Он жизнь молодую свою.
Погиб он у Черного моря,
Где их броненосец стоит,
За то, что вступился за правду,
Своим офицером убит! —
Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза;
Была в них великая клятва,
И будущей мести гроза.»

64. Как поднялась революцией вся Россия.

На-ряду с рабочими поднялись и крестьяне. Весь год шло крестьянское движение по всей стране. Крестьяне захватывали помещичьи земли, выгоняли помещиков из их усадеб, громили и поджигали эти усадьбы, забирали себе барский хлеб, скот, сено, рубили барский лес; в некоторых местах отказывались работать на помещиков, не хотели платить арендных денег, требовали повышения заработной платы. Боролись не только с помещиками, но и с помещичьим государством: отказывались ставить рекрут в царскую армию, платить подати в царскую казну.

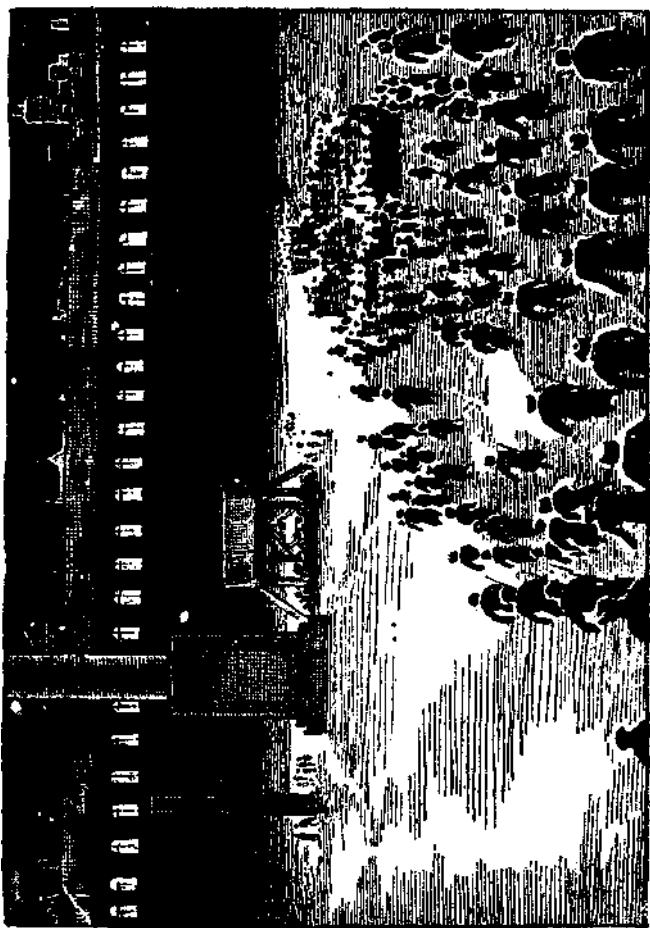
Крестьяне старались действовать мирным путем, без скандала: мирно брать хлеб, скот, лес, мирно запахивать землю; являлись в усадьбу целой толпой, с подводами, с мешками, забирали себе все, что нужно, и уезжали, никого не обидев, ничего не разрушив. Все делалось «по совету»: хозяину поясняли, что «теперь настали новые времена, жить нужно по-новому, по-божески; у кого много, тот должен давать тем, у кого ничего нет». Если помещик не спорит и дает все, чего у него требуют, дело обходится мирно, гладко; но если помещик откажется что-нибудь давать, — мужики отбирают силой, разрушают усадьбу, уничтожают в остервенении все барское добро, — происходит буйный разгром и поджог усадьбы.

Помещики со всех ног удирали от этих погромов и грабежей. С утра можно было видеть на всех дорогах вереницы экипажей с помещиками и их семьями, бегущими из усадеб в города, в столицы, иногда за границу. По ночам небо озарялось десятками зарев от подожженных усадеб. Так было сожжено и разрушено до 2.000 помещичьих усадеб — в одной Саратовской губернии свыше 270. Одни саратовские помещики потерпели ущерб на 10 миллионов рублей тогдашних денег.

Всего сильнее разгорелись эти волнения к осени 1905 г.

Крестьяне собирались на съезды, посылали туда выборных людей, уполномоченных, обсуждали там свои нужды, вырабатывали свои проекты реформ. Созывались крестьянские съезды — по отдельным губерниям, и общие съезды в Москве — для всей России. На вто-

ром московском съезде было 187 делегатов от 27 губерний. Делегаты говорили о способах мирной борьбы с помещиками, без разгрома. — Говорили о том, что нужнее всего — передать всю землю трудящемуся народу, что если это не будет сделано, крестьянский союз должен будет объявить стачку: прекратить все работы

Октябрьские дни в Петрограде.

на землях помещиков. Крестьяне решали действовать сообща с городскими рабочими; на других съездах выступали делегаты от солдат местных полков, с обещанием поддержать крестьян.

В течение года движение захватило и армию и флот. В казармах, на кораблях говорились вольные речи, читались запретные книжки, — разъясняли людям, за что идет борьба, партийные «товарищи» революционеры. Матросские оркестры играли революцион-

ную марсельезу; команды брали под арест офицеров, обезоруживали их, сами брались командовать судами. Спускались на берег, ходили по казармам, поднимали солдат, устраивали вместе с ними шествия, демонстрации. На Черном море матросы признали своим командиром морского лейтенанта Шмидта, и он принял командование, выкинул красное знамя и послал телеграмму в Царское Село царю Николаю: «Славный черноморский флот требует немедленного созыва учредительного собрания и перестает повиноваться вашим министрам». Солдаты, матросы переходили на сторону революции: еще немножко, и, казалось, помещиков и капиталистов некому будет защищать, — революция победит.

Революция разгоралась. «Еще летом, — рассказывает одна большевичка в своих воспоминаниях о пятом годе, — еще летом рабочие районы Москвы кипели в революционном котле. Всюду собирались летучки и митинги. Ежедневно происходили на глазах у полиции летучие митинги, у фабричных ворот и на площадях. Вокруг оратора, среди бела дня выступавшего на площади, толпились рабочие, женщины и дети. Было весело и шумно.

«Началась осень. В сентябре забастовали наборщики, к ним присоединились булочники. Толпы забастовщиков ходили по мелким типографиям снимать с работы отсталых. По дороге, па Тверском бульваре, на Бронной или на Пятницкой, устраивался митинг. Передовой рабочий или случайный студент влезал на первый попавший фонарь и говорил... Толпа прерывала его криками сочувствия. Не важно было, как и что говорят; важно было, что говорят открыто, на улицах Москвы, на глазах бессильной полиции.

«Являлись жандармы. Оратор соскакивал с плеч товарищей, толпа расступалась по тротуарам и встречала градом камней жандармов...»

Осенью, в октябре месяце, разразилась по всей стране всеобщая забастовка. Забастовали типографские рабочие (печатники), потом служащие и рабочие железных дорог, рабочие фабрик и заводов: остановились работы в банках, конторах, на электрических станциях, закрылись магазины, не двигались трамваи, — забастовала почти вся страна. Забастовщики заявляли своею стачкой, что жить и работать, пока все остается по-старому, невозможно, что «так дольше жить нельзя», что нужны перемены, что царь должен уступить. В газетах писали уже, что это есть революция. Помещики и капиталисты с царем во главе охотно стали бы усмирять мятежников, но у них для этого не хватало войска: царские армии не вернулись еще с японской войны с Дальнего Востока, из Азии: усмирять было нечем. Пришлось пойти на уступки. 17 октября 1905 года царь Николай II подписал манифест о крупных реформах: он обещал дать народу свободу, обещал допустить рабочих в новую, выборную от народа, государственную думу, а этой думе обещал дать права издавать законы вместе с царем, — словом, обещал дать конституцию, ограничить свою царскую власть, поделиться ею с выборными от народа. Народ мог отныне посылать своих выбор-

ных депутатов в думу и через них изменять законы и улучшать свою собственную судьбу.

Как только вышел царский манифест о свободах, — по всей стране жизнь забила ключом. На всех улицах, площадях шли собрания, митинги, говорились горячие речи, ораторы призывали собравшихся не слагать оружия, продолжать борьбу, чтобы вырвать у царя все, что нужно народу. Толпы народа ходили по улицам, снимали царские флаги, где они были, и, оторвав синюю и белую полосы, вешали одну красную: получались красные флаги. Ходили и к тюрьмам, — требовать, чтобы выпустили на волю «политических», революционеров. И тюрьмы открылись, сотни и тысячи узников вышли из их каменных стен. Были освобождены и славные узники Шлиссельбурга. Шлиссельбург опустел.

55. Откуда взялись первые Советы.

Во время всякой забастовки рабочие выбирают особые стачечные комитеты из своей среды, и эти комитеты руководят стачкой. Такие стачечные комитеты возникли и во время октябрьской великой забастовки, — во всех почти городах России выросли такие комитеты, — их было больше 350. Эти комитеты состояли из выборных депутатов от одних рабочих, поэтому их стали называть: Советами рабочих депутатов. Ни помещики, ни капиталисты в них не участвовали. Эти Советы руководили всеобщей стачкой, руководили всеми действиями рабочих масс, давали им приказы, распоряжения.

Великая забастовка, расстроила дела царских властей: министры не могли сноситься со всей Россией, не могли во-время досылать приказы, войска, снаряды, не могли даже попадать во-время па доклады к царю: железные дороги не действовали, проехать было нельзя. Советы рабочих депутатов разрешали проезд по дорогам только своим гонцам, своим делегатам, — они во-время получали все сведения, они одни были связаны со всей страной. Царское правительство ничего не могло делать, не могло и усмирять движения. Советы рабочих депутатов могли делать все: они становились новым, рабочим правительством. К ним обращались жители но всем делам, по каким прежде обращались к царским властям. Советы должны были решать самые разнообразные дела. Решения Советов исполнялись всеми, даже самими чиновниками царя. Важнее всех был Петербургский Совет: с ним сносились другие Советы России, он был как бы центральным советом, главной рабочей властью в стране.

В Петербургском Совете было свыше 500 депутатов, из них большая часть от металлистов, текстильщиков и печатников (рабочих металлических заводов, фабрик, изготовляющих ткани, и типографий). Петербургский Совет объединял рабочих столицы, принимал боевые решения, направлял всю борьбу с царским правительством. Помещики и капиталисты, даже те из них, которые раньше.

добивались свободы, боролись с самодержавием, говорили теперь рабочим: «довольно бороться, победа достигнута, свобода дана, конституция царем подписана». Но Советы рабочих депутатов не могли с этим согласиться. Было ясно, что как только революция прекратится, как только борьба кончится, — рабочие разойдутся по домам, — так царь и его министры возьмут назад все уступки, отнимут все свободы, и все пойдет снова по-старому. Советы поэтому готовились к новой борьбе, собирали деньги для ведения этой борьбы, приобретали для рабочих оружие, старались привлечь на свою сторону армию и флот, солдат и матросов. Как только армия и флот откажутся усмирять революцию, перейдут на сторону народа, — революция победит. Все силы надо было направить на то, чтобы привлечь к революции солдат и матросов.

Правительство тоже не дремало. Оно стало принимать свои меры, чтобы обуздать революцию, чтобы отнять все то, что обещал царский манифест. Для этого устраивались с помощью полиции избиения и убийства вождей революционного народа, где избивали и убивали отдельных революционеров, где сжигали целые здания с собранными в них сотнями и тысячами народа; в Москве на Басманной был убит большевик Бауман. Воинские отряды посылались по всей стране ловить «мятежников», казнить их и вешать. В начале декабря 1905 года были арестованы вожди Петербургского совета, — его исполнительный комитет, с председателем Носарем во главе. Тогда советы объявили новую (третью) всеобщую забастовку, и решили перейти к вооруженной борьбе с правительством. Надо было с оружием в руках защищать права, вырванные у царя октябрьскою забастовкой.

56. Как восстала рабочая Москва.

Снова забастовали фабрики, заводы, железные дороги, магазины и т. д., забастовали по всей стране. Но к оружию перешли не везде. Лишь в немногих местах началось вооруженное восстание. Сильнее всего разыгралось оно в Москве. Здесь в декабре забастовало до 150 тысяч рабочих; остановилась вся жизнь в городе. Толпы рабочих вышли на улицы, устраивали всюду громадные митинги, говорили, слушали речи революционных вождей, партийных ораторов. Во главе московского восстания стоял Московский Совет рабочих депутатов. Он отдавал восставшим приказания, руководил борьбой. По всему городу были выстроены баррикады, заграждения; из бревен, столбов, ящиков, опрокинутых трамвайных вагонов и др. предметов, чтобы заградить дорогу полиции и войскам; в разных местах были устроены проволочные заграждения, как на войне. Весь город покрылся такими баррикадами. Возникли боевые дружины рабочих; им было роздано оружие, — но оружия было мало, его хватило всего на одну-две тысячи дружинников. Тем не менее, девять дней шла борьба, и царские войска не могли справиться с мятежниками: у московских властей было мало солдат. Власти

посылали за войсками в Петербург, требовали подкреплений, — из Петербурга отвечали, что и там войска мало, некого послать. Наконец, на вторую неделю прибыл Семеновский гвардейский полк, прибыли другие полки, и началось усмирение Москвы. Московские улицы были очищены от баррикад и заграждений.

Дольше всех держалась одна из рабочих частей Москвы — Пресня. Здесь были — Прозоровская большая фабрика, фабрика Шмидта и другие фабрики и заводы. Рабочие Пресни покрыли улицы баррикадами, расставили своих часовых, рассылали по городу свои дружины. Они долго не хотели сдаваться, но, в конце концов, пришлось сдаться и им. Царские войска окружили Пресню кольцом пушек и со всех сторон начали обстрел Пресни. Несколькими днями длилась эта борьба. Многие фабрики, заводы, здания было разрушены, многие сгорели до тла, много народа погибло при этом. Дружинники успели, однако, скрыться раньше, чем Пресня досталась победителям, и царские войска вошли в нее. Тогда начались аресты, казни — по суду и без суда. Погибло около 1.000 человек. Среди убитых было и 86 малых детей, в том числе и грудные младенцы.

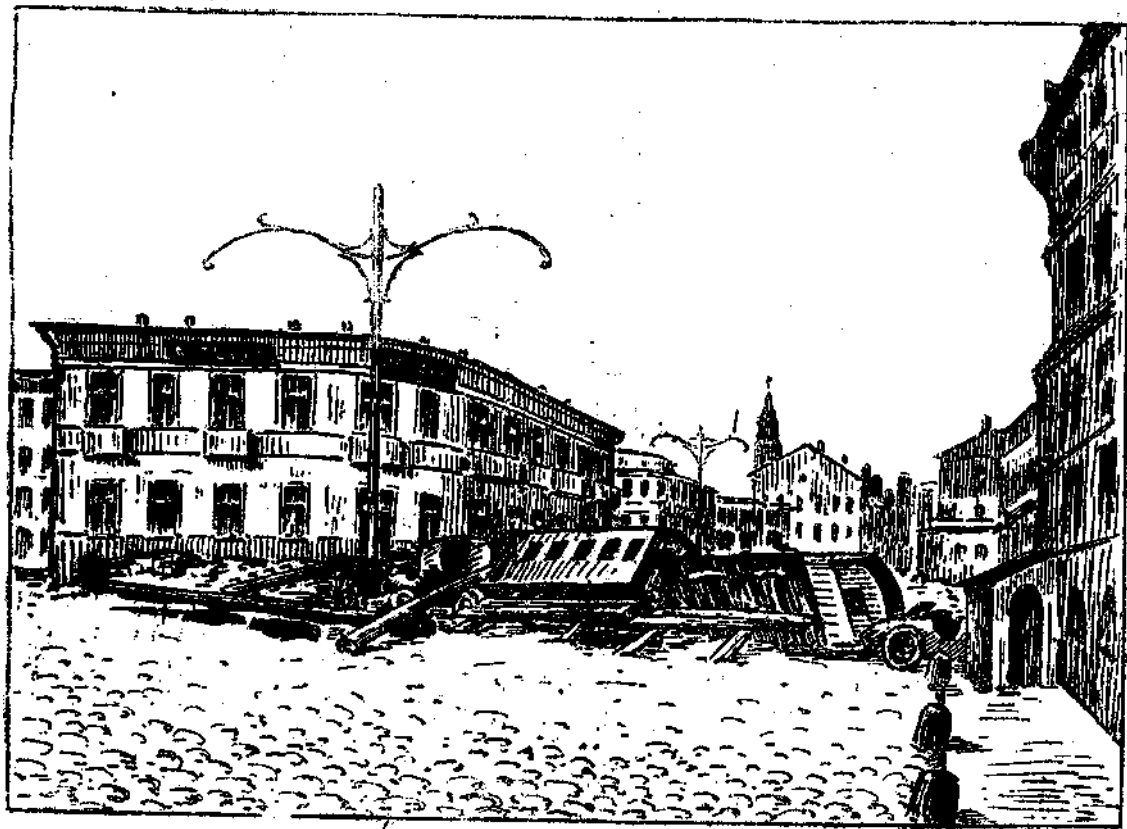
Усмирив Пресню, семеновцы двинулись дальше усмирять железнодорожных рабочих и служащих по железным дорогам, особенно по Казанской, где было больше всего революционеров. Машинист Ухтомский сумел умчаться по этой дороге из Москвы целым поездом с дружинниками. Когда семеновцы захватили в свои руки этого машиниста, они его, конечно, казнили. Перед смертью он рассказал своим палачам, как он спас от них дружинников: «все спаслись, — говорил он, — вам не достать их».

67. Чем кончился пятый год.

Восстание было подавлено в Москве, подавлено и в других местах. Много народа погибло при этом, много было ранено и убито в битвах с войсками, много казнено. Тюрьмы наполнились захваченными в плен революционерами. Царское правительство, помещики, капиталисты могли праздновать победу. Когда, наконец, собралась государственная дума и потребовала, чтобы царь исполнил свои обещания, дал стране свободу, дал народу землю, — ее без всякого колебания разогнали. Разогнали и вторую думу. А в третью и четвертую думу не пустили уже рабочих, вождей революционных партий, — и дума подчинилась во всем правительству. Революция настал конец.

Новая Красная Россия не забудет героев и мучеников революции 1905 года. Она пишет об их подвигах, об их борьбе и гибели — книги, ставит им памятники, называет улицы и города их именами. Пресня, где сильнее всего была борьба с царскими войсками, называется теперь Красной Пресней.

1905 год — героический год русской революции. Никогда до тех пор не развивалось в России такого движения, никогда не было

Баррикады.

сделано столько для революции. Одних стачек за этот год было почти 14.000, а участвовало в них свыше 2.800.000 рабочих. Много рабочих и их вождей пало в этот год смертью храбрых, в борьбе за светлое будущее народов.

ХIII. Как весь мир бросился воевать.

68. Из-за чего воевала буржуазная Россия.

Для сбыта товаров, изделий фабрик и заводов, как и для сбыта хлеба и других предметов, нужны рынки, где можно было бы найти покупателей. Покупателей всего больше можно было бы найти среди русских сел и деревень, среди многих миллионов русского крестьянства, — их всего больше в России. Но беда в том, что крестьяне так были разорены, так их ограбили при освобождении помещики, так после того грабила их казна, что на покупку каких-либо товаров у крестьян нехватало средств, и они мало что покупали. Надо было искать других покупателей. Русская буржуазия надеялась найти рынки для сбыта в чужих краях. Для этого приходилось бороться с другими странами, тоже искавшими себе рынков. Русские цари должны были в угоду капиталистам вести войны с другими странами, чтобы добыть рынки. Такие войны велись не один раз. Весь XIX век старалось царское правительство захватить для России Турцию и Константинополь. Это не удалось. Зато удалось захватить большие области на Кавказе, за Кавказом и в Средней Азии. Туда направлялись огромные грузы русских ситцев, гвоздей и иных товаров. Позднее начались войны из-за Манчжурии и Кореи, из-за торговли на Тихом океане, с Китаем, с Японией, с немцами. Все эти войны велись в интересах русской промышленности, в интересах русской буржуазии. Сотни тысяч людей гибли на войне для того, чтобы господам капиталистам получать более крупные дивиденды, получать 80, 50 и 60 % на капитал. Для этих золотых дивидендов проливались моря человеческой крови. Так дорого обходились народам золотые доходы буржуазии.

Из этих войн важнее всего две—русско-японская (1904—1905 г.г.) и мировая (1914—1918 г.г.).

Четверть века тому назад, в самом начале XX века, завязалась большая борьба на Дальнем Востоке, в Азии, на берегах Тихого океана. Пришла в упадок старая, древняя Китайская империя, в ней шли непрерывные смуты, державы Европы спешили воспользоваться этим, чтобы взять себе все, что плохо лежит, — захватить себе и земли, и гавани в Китае; Германия, Франция и Англия наперебой спешили устроиться поудобнее в Китае. Пошла туда за тем же и Россия. Ей достались места в южной Манчжурии у берега моря — Порт-Артур и Дальний. В Манчжурии русские стали строить свою железную дорогу, завели свои предприятия и в соседней Корее. Все это сулило большие барыши русским

капиталистам. Но из-за этих китайских земель пришлось воевать с Японией. Японским капиталистам было вовсе невыгодно, что в Китай проникла Россия: японской буржуазии хотелось самой завладеть этим всем. В 1904 г. началась русско-японская война. Многим казалось, что и войны никакой не будет, — просто военная прогулка в Токио, японскую столицу. Как смеет маленькая Япония объявлять войну громадной России?! Но на деле оказалось совсем не то. Японцы в военном деле оказались сильнее, чем думали, и уходить с поля битвы пришлось не японцам, а русским. Русские армии были не один раз разбиты японцами — при Ляояне, Мукдене, — русский флот почти весь погиб при Цусиме. Война кончилась в 1905 г. неудачно для русской буржуазии. Тут-то и началась первая русская революция 1905 г.

59. Как весь мир бросился в войну.

Прошло 9 лет, — и в 1914 году началась новая громадная, мировая война. В этой войне ополчились друг против друга две половины Европы: с одной стороны бросились в бой Германия и Австрия, с другой — Англия, Франция и Россия; к ним присоединились другие державы, вступили в борьбу и Япония в Азии, и, наконец, — позднее всех — в Америке Соединенные Штаты.

Всего в одном лагере были 4 державы, в другом — 10, воевали друг с другом 14 держав. Война длилась слишком 4 года и кончилась разгромом 4-х держав десятую; Германия и ее союзники были разбиты, победа досталась Англии и ее союзникам. В войне этой участвовали главные державы мира; она получила название Мировой войны.

В этой войне одна Россия выставила армию в 10 миллионов человек, — сколько же всего воевало солдат на всех фронтах? Война стоила громадных денег: одной России она обходилась сперва в 8 миллионов рублей в день, потом в 10, 15, 30, наконец, по 100 миллионов рублей ежедневно (на тогдашние деньги).

Для войны нужно было громадное количество пушек, ружей, пулеметов, снарядов. Во всех странах, участвовавших в войне, большая часть фабрик и заводов работали «на оборону»; вместо кос, серпов, машин — выдвигали оружие и снаряды. Всех других изделий некому почти было выдвигать, — их нехватало для покупателей; цены на все товары быстро росли, дороговизна была такая, что большинству населения трудно было что-либо купить. Железные дороги, пароходные линии заняты были перевозкой войск, орудий, снарядов: хлебные и другие грузы, нужные для мирных жителей, задерживались подолгу в пути, не приходили во-время; во многих местах начинались голодовки. В лавках не было хлеба, жители волновались, требовали хлеба и других продуктов; власти ничего не могли поделать: война все съедала, все приводила в расстройство.

Для России война сперва шла удачно: русские армии вторглись в австрийскую Галицию и в германскую Восточную Пруссию.

Но скоро начались сплошные неудачи. Русские армии не только должны были уйти из Галиции и из Пруссии назад, с большими потерями,—но вражеские войска вторглись внутрь России, заняли Польшу, часть украинских губерний, губернии у Балтийского моря. Россия вела войну в союзе с Англией, Францией и другими державами. Русские войска, должны были воевать не только за себя, но и за своих союзников, по общему соглашению. Несколько раз, когда на западном фронте, в Европе, германцы грозили занять Францию, или совсем разбить французов, — русские армии выступали вперед, чтобы отвлечь на себя удары германских армий, чтобы помешать, немцам окончательно одолеть в войне. Приказы идти в наступление, идти в бой с немцами — получались не только из Петербурга, но и из Парижа.

Война стоила громадного числа жертв людьми. Солдаты гибли десятками и сотнями тысяч в бесчисленных битвах, где войска осыпали друг друга дождем пуль, разрывных снарядов, или двигали друг на друга облака едких, ядовитых для дыхания, газов. Сверху с аэропланов сыпались тоже бомбы, пули, снаряды. Целые армии, чтобы защитить себя от этого дождя снарядов, зарывались глубоко в землю, в окопы, в подземные галереи, устроенные по последнему слову науки. Там, под землей, проводили целые месяцы, лишь по временам вылезая, чтобы сделать набег на врага, и опять спрятаться под землю. Многие тысячи гибли прямо тут же, в окопах, когда туда попадали разрывные снаряды, или проникали ядовитые газы. Тогда окопы становились большими кладбищами, набитыми трупами. По обширным полям сражений валялись ряды человеческих и конских: трупов, горы тел, искалеченных, изуродованных снарядами, с вывалившимися внутренностями, оторванными руками, ногами, с оторванной или раздробленной вдребезги головой, с разбрызганными кругом мозгами. Среди мертвых стонали, хрипели умирающие, раненые. Казалось, что люди сошли с ума, что земля обратилась в ад. Многие теряли рассудок от всех ужасов, какие им приходилось видеть.

60. Из-за чего велась мировая война.

Что же вызвало эту мировую войну, эту бойню народов? Что заставило целые народы броситься друг на друга с таким бешенством, с таким остервенением? Что заставило их не щадить самих себя, жертвовать своими жизнями и богатствами? Ради чего шла борьба? Что нужно было державам, четыре года бившимся в этой войне? Что было нужно народам, гибнувшим в ней? Чего они между собой не поделили?

В Германии быстро росли фабрики и заводы, развивалась торговля, усиливалась буржуазия.

Германия становилась тесно у себя дома. Ей нужны были новые земли, колонии, откуда можно было бы привозить сырье для своих заводов, куда можно было бы вывозить товары, изделия своих фабрик. Ей нужны были земли в Азии, в Африке. Ей нужно было

завладеть Турцией и Константинополем, отобрать у России Польшу, прибалтийские губернии, ей нужно было царствовать на морях. Поперек дороги на всех этих путях стояла ей Англия. Англия давно привыкла царить на морях всего света: лучшие колонии были давно в ее руках, львиную долю сырья получали отовсюду английские фабрики и заводы, на рынках целого мира больше всего сбывали товаров английские фабриканты. Чтобы добиться своей цели, чтобы стать первой в мире торговой и промышленной державой, Германии надо было справиться с Англией, разбить англичан. Для этого надо было захватить в свои руки и Бельгию в Зап. Европе, — чтобы из Бельгии через морской канал всегда угрожать Англии на ее острове. Бельгия нужна была немцам, как револьвер, направленный против Англии. Из-за этого всего и начала войну Германия.

Таких же барышей, дивидендов, таких же колоний и рынков, каких для себя хотела Германия, хотели для себя и все другие державы — Франция, Россия, Италия и прочие. России нужнее всего казалось добыть Босфор и Константинополь, завладеть турецким наследством, выгнать турок из Европы в Азию и твердой ногой стать у выхода из Черного моря в Средиземное, чтобы сбывать туда свои изделия и товары. Другим нужны были колонии в Африке, в Индии и т. д.

Англии по существу не нужны были новые колонии, — ей надо было лишь позаботиться сохранить свои старые владения и колонии от захвата их немцами. Для этого ей важно было связать в одно целое все свои владения в Африке и в Азии, — следовательно ей надо было получить целый ряд земель между ними, т. е. отобрать их у других держав. Тогда заморские владения англичан простирались бы от Южной Африки — до северного Египта, и через Малую Азию, Персию, Месопотамию и Аравию — до Индии. Это была бы такая громадная держава, что Англии никого не было бы страшно.

На-ряду с большими державами надеялись поживиться и малые. Маленькая Бельгия владела уже колониями в Африке, она хотела их не только удержать, но еще увеличить.

Стало-быть, вся война велась из-за того, чтобы фабрикам и заводам всех этих стран легче было добывать сырье и сбывать товары, чтобы больше прибылей шло в карманы владельцев этих фабрик и заводов. Их владельцы вкладывали в фабрики и заводы свои денежные капиталы и хотели побольше нажититься, получить побольше прибылей, дивидендов. Чтобы поднять эти прибыли, нужны были все эти земли, колонии, рынки, — из-за этого и велась мировая война. Реки человеческой крови, пролившиеся на войне, должны были пролиться, чтобы обратиться в реки золота, текущие в карманы, бумажники, сундуки и несгораемые шкапы капиталистов. Победы войск на войне сулили буржуазии всех стран золотые горы, несметные богатства. Как же было им отказаться от этих богатств и прибылей, от этих золотых россыпей, какие им обещала война?

61. Кто правил и войной, и всем миром.

В городах всего мира, на окраинах их, есть сотни громадных кирпичных корпусов, казарм, — здесь помещаются фабрики и заводы, здесь день и ночь идет работа, стучат и пыхтят машины, вращаются колеса, двигаются ремни, гнут над работой спины целые армии рабочих. Но не рабочим пойдут барыши от всего этого их труда: они получают гроши, — гроши за тот труд, в котором они потеряют силы, здоровье, часто ноги и руки, а не то и жизнь. Барыши пойдут в другие руки, в руки капиталистов: они пожнут жатву там, где не сеяли, куда только вложены их капиталы. На эти доходы капиталисты настроят себе богатых дворцов, вилл, хором на лучших улицах и площадях городов, в чудных садах за городскими заставами, на морских побережьях. На эти деньги они будут там обедаться и опиваться лучшими кушаньями и напитками из лучших кухонь и погребов, в то время, как беднякам-рабочим желудки часто подводит от голода, и нечем бывает накормить голодных ребят. На эти деньги будут кутить, пьянствовать, развратничать богачи, и будут гордиться и говорить, что им доступно все в мире, что они могут все купить, могут всех подкупить, — купить себе и людской труд, и человеческую совесть. «Мы все можем, — бесстыдно заявляет буржуазия всех стран. — Мы можем и миллионы людей искалечить и перебить, и моря крови пролить, и целые страны разорить, и народы поработить, если это нам нужно. Мы все можем!»

Вот на главной улице, или на площади, — громадное здание, выстроенное лучшими архитекторами, украшенное статуями лучших скульпторов, расписанное живописью лучших художников, убранное лучшей мебелью, убранное со всей возможной роскошью. По мраморным лестницам, по обширным колонным залам, по бесценным коврам — двигаются толпы друзей, гостей, прихлебателей — и толпы лакеев, наемных рабов, служащих господам — денежным тузам. В этом здании могли бы поместиться несколько десятков простых трудовых семей; на богатства, какие здесь тратятся, могли бы существовать безбедно сотни трудящихся. Но богачам всего этого еще мало: им нужно больше доходов, им нужно больше шампанского, больше ананасов, больше прихотей и почета! Им нужны еще рынки в Персии, в Индии, или Африке, им нужен Константинополь. Что из этого, если из-за этих прихотей прольется человеческая кровь, что ее много прольется, — зато богачам будет хорошо житься! А тогда они накупят всевозможных драгоценностей, накупят и новых картин и статуй, — и многим художникам и трудящимся дадут работу... Они же и благодетели!

Вот другое большое здание — банк, или банкирская контора. Здесь за зеркальными стеклами саженных окон, за изящными перегородками, за бесконечными стойками и столами — бесшумно движется и работает целая армия писцов, счетоводов, бухгалтеров, артель-

щиков. Пишутся и переписываются бесконечные счета, ордера, квитанции, ведомости, отчеты, составляются длиннейшие столбцы цифр, стучат костяшки счет, отмыкаются и замыкаются дверцы несгораемых шкапов, стальных ящиков, стальных комнат, — и рекой льется из карманов в карманы золото. Здесь хозяин — не один кто-нибудь, не этот и не тот отдельный денежный туз. Здесь собираются вместе, соединяются сотни и тысячи отдельных капиталов, сюда несут и вкладывают свои сбережения сотни и тысячи людей, богатых и бедных, — всем лестно нажиться, «заработать без труда» процент, получить дивиденд, — всем выгодно «стричь купоны». Хозяин этих огромных контор — не какой-нибудь капиталист, а весь денежный капитал в целом, — капитал, принадлежащий многим тысячам людей, многим тысячам дающих золотые доходы. Это — настоящие дворцы капитала. Банк берет их от всех, кто желает вложить деньги, — и пускает их в оборот, дает под проценты в рост, вкладывает в торговлю, в фабричное и заводское дело. Банк снабжает этими капиталами других капиталистов, нуждающихся в деньгах, чтобы закупить сырье, приобрести машины, рассчитаться с рабочими. Банк дает займы правителям и правительствам, когда им надо уплатить жалованье своим армиям, чиновникам, заплатить свои долги, заказать пушки, снаряды и корабли. Банк закупает на эти деньги товары, хлебные грузы, лес, нефть, смолу, грузит ими целые поезда, целые флотилии судов, отправляет их за свой счет в чужие края, торгует всем, чем выгодно торговать. Банк строит на эти же деньги новые фабричные корпуса, оборудует их машинами, сырьем, рабочими, платит полиции и жандармам за охрану фабрик от бунтующих рабочих, за прекращение стачек, за усмирение беспорядков. У банка на все это оказываются деньги: немудрено, — к нему отовсюду несут деньги, несут вклады все, кто хочет нажиться.

Банк — хозяин и господин всей жизни. Полными пригоршнями он получает и раздает золото — и заставляет всех плясать под свою дудку. Короли и парламенты пишут законы, нужные банку для охраны его богатства, его капиталов, для умножения его прибылей. Монархии и республики объявляют друг другу войну, заключают мир, пишут договоры — для защиты его интересов, для наполнения новым золотом его подвалов. Сухопутные армии, морские корабли, воздушные машины-аэропланы приносятся в жертву во славу банков и их капиталов, на благо им. Всем кажется, что на тронах сидят в коронах и мантиях государи, что на кафедрах и трибунах правят миром народные депутаты — министры; что сам народ вершит свои дела, печется сам о себе. Но это все только кажется. На самом деле и парламентами, и королями, и тронами, и народами — правят банки и капиталы. Они — истинные хозяева и господа жизни. Они — «все могут».

С трибун и кафедр ораторы говорят о войне, восхваляют славных героев, гибнувших «за отечество», как они называют. В газетах, на их столбцах, писатели поют славу победителям, победоносным генералам, победоносным армиям. В храмах попы благодарят богов

за одержанные победы, поют «многая лета» тем, кто больше погубил и искалечил людей, кто больше насыпал золота в мешки богачам. Это все очень выгодно — и ораторам, и писателям, и попам: за все это щедро платят банки из своих запасов. Свободная речь оратора, свободная печать журналистов, свободная молитва попов — все оплачено за счет банков, все куплено капиталом. Банк царит над землей; капитал правит миром.

Таково царство денег, царство банков и капитала. Но не вечно ему царить над миром, не навсегда ему править землей. День за днем, час за часом растет новая грозная сила: сила трудящихся, пролетариев, целая армия полуголодных, полуодетых, полуобутых людей, идущих на смену капиталистам. Это армия трудящихся вырост в свое время могилу для капитала, для всей торжествующей буржуазии, заберет в свои руки ее предприятия и капиталы, и поделит между собой ее золотые барыши. Тогда настанет новый век, новая жизнь, новое общество придет на смену нынешнему: — но для того, чтобы это случилось, нужен целый ряд перемен, целый ряд переворотов, целый ряд революций. Но час пробьет—революции разразятся в этом мире золота, — и этот час уже близок.

Раньше всего час этот пробил у нас в России. В 1917 году разразились одна за другой две русские революции: февральская покончила с царской властью и с помещичьей силой, — Октябрьская вырвала власть из рук буржуазии и поставила у власти революционный пролетариат. Затем начались такие же революции в остальном мире, — в Германии, Баварии, Венгрии; — будут и в других местах. Почин сделан, мировая социальная революция началась.

Мировая война помогла этому взрыву революций: она расшатала старые государства, она заставила правительства вооружить народы, она всеобщим разорением и массой жертв довела народные массы до ожесточения, до открытого мятежа. Война снабдила народы оружием и она же вызвала их на борьбу. Революцию всюду делали рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, в матросские блузы, с оружием в руках.

62. Как пошли на войну рабочие.

Война нужна была буржуазии всех стран, война велась за барыши, за доходы буржуазии. Рабочим нечего было ждать для себя от этой войны. Их война только губила и разоряла. Вожди рабочих — Маркс и другие — звали их не к войне друг с другом, а к союзу для общей борьбы с буржуазией, с мировым капиталом. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — говорил в своем манифесте семьдесят пять лет назад Маркс. И международный союз рабочих, II Интернационал, на своих съездах не раз заявлял всенародно, что в случае войны рабочие, члены союза, — откажутся воевать друг с другом, а если война все-таки будет, — сделают все, что могут, чтобы

превратить внешнюю войну в войну гражданскую, чтобы повернуть оружие против собственной буржуазии. Таковы были решения съездов рабочих 1908 и 1912 годов. Тем не менее, когда война в 1914 г. в самом деле началась, — рабочим не удалось помешать войне, не удалось и обратить войну из внешней в гражданскую. Буржуазные власти всей Европы не дали им этого сделать, — им даже удалось склонить на сторону войны вождей рабочих. Вожди рабочих, вожди революционных партий убеждали рабочих, что «в этой войне нельзя не участвовать, что вероломный враг напал на отечество, что необходимо стать всем на его защиту, — а с своей буржуазией мы, рабочие, сочтемся потом, после войны!». Социалисты всех стран доказывали теперь, что надо действовать в союзе, в согласии со своей буржуазией и воевать пролетариям с пролетариями других стран. «Пролетарии всех стран, не соединяйтесь, — зывали теперь соглашатели к рабочим: — воюйте друг с другом, защищайте каждый свою страну». Буржуазные ораторы и газеты расхваливали за это рабочих вождей; буржуазные правительства приглашали их в свой состав, — много социалистов-соглашателей стало во время войны министрами, и заодно с буржуазными властями усмиряли стачки рабочих, сажали рабочих в тюрьмы, помогали всячески капиталу.

Только небольшая горсть социалистов разных стран не поддалась этому увлечению, и осталась верна заветам старых вождей и решениям съездов Интернационала. Эти немногие вожди съехались дважды в небольших деревушках Швейцарии и там приняли решение — бороться до конца с войной, бороться до конца с буржуазией, с капиталом. Из русских социалистов там были большевики, Ленин с товарищами. Большевиков, которые пытались говорить об этом в России, царские министры сажали в тюрьмы и ссылали в Сибирь.

63. Как солдаты рассказывали о войне.

Солдаты в окопах, на фронте, много рассказывали друг другу о войне, о том, кто как воевал, кто какие раны получил, что на войне пережил, что на войне передумал. Об этом же говорилось в солдатских песнях, сложившихся там, в окопах:

«Нас вон долго не учили.
А в чугунок усадили
И погнали на войну,
Во чужую во страну...
На спине моей котомка,
И ружьишко на руке;
Ты прощай, моя сторонка
И деревня при реке.
И деревня, и садок,
И пашенька, и лужок,

И коровушка Красуля,
И зазнобушка Акуля!
Здесь австриец кашу варит,
По окопам бомбой жарит.
Здесь свету не видать,
На себя не работать».
«Я гимназии не кончил,
Да в окопы прямо скочил,
И попал в ниверситет,
На геройский факультет»...

Тяжело было солдатское житье-бытье в окопах. Солдаты рассказывали:

«Словно волк был, волосом зарос, скитался, тощий, но вражьиим местам, и собаки гоняли»...

«Слабеешь от походу этого, от ходьбы целодневной. До того смеешься, — сам себе не человек. Ляжешь, где пришлось, хоть в навоз головой, — гудут ноги трубою, будто слышать даже».

Об этой собачьей жизни слагались солдатами песни:

«Нету хуже той напасти, Как служить в пехотной части. Пешки день-деньской идешь, Только ляжешь,—гложет вошь. Только вщу начнешь гонять, —	По окопу бомбов пять, Все печенки первернутятся, Тут команды раздадутся: — Эй, ребята, не сиди, На штыки время итти...».
---	--

В другой солдатской песне говорилось:

«Уж ты, немец-колбаса, Натянул ты нам носа; Как мы чаяли, что лопнет, — По башке он нас как хлопнет! У него ружье — что пушка, У нас пушка — что хлопущка. Ероплан у них не достать, — У нас — курка мокрохвоста. Как галета ихня — мед,	С нашей — круглы сутки рвет. У них баня хороша, А нас сутки гложет вша. Их начальник, что картина, Наш дерется, как скотина Для них музыка играет, А нас матерно ругают. Немцу взводный ручку жмет, А нам взводный морду бьет...».
--	--

И в беседах друг с другом, солдаты сравнивали свои и чужие порядки:

«У немца башка, ровно завод хороший, — смажь маслицем, да и работай на славу, без помехи. А мы что? — Перво-наперво, биты много. Вон мне и по сей день, окромя побоев, ничего не снится. Учить не учат, бьют да мучат»...

Война не шутка, — говорится еще в одной солдатской песне:

«Был я юношей не слезный, А теперя стал сурьезный, Шуток больше не шучу, Все зубами я стучу.	Застучит тут всяк зубами, Как засыпит враг бомбами, И дымит-то, и гремит, И по людям страх стремится...».
---	--

Тяжело было солдатам на войне, — и от вражеских снарядов, и от своего начальства:

«Не обрался я беды, Как попал я вот сюды! Не пришелся я по нраву, Никогда не буду правый. Нету хуже взводного Для кого невгодного, Все ругается да бьет,	Да со свету сживет. По окопу немец шкварит, По сусалам взводный жарит, Не житье, а чисто ад, — Я домой удрать бы рад... А домой не удерешь, Дезертиром пропадешь...».
--	---

В другой песне поется:

«Ты тоска, моя тоска,
Гробовая ты доска!
Куды глазом ни гляну, —
Только видно, что войну.
Оглушилось мое ухо

От военного от духа,
Поустала и рука
От железного штыка.
Оттоптались мои ноги
От военной от дороги...»

Или еще вот так:

«Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду!
Как попал я тут в беду,
Во слезу горючую,
Войну неминуемую.
Ты скажи, святой угодник,
Чего война сладилась,
До русских наладилась?»

Как наш русский-то народ
Все копал бы огород,
Да сажил бы редьку крепку,
Да сажил бы сладку репку, —
По полям бы спела рожь. —
А война нам невтерпеж!...»

Рассказывали солдаты и о том, как рвались на войне тяжелые; снаряды, как осыпали свинцовым дождем пулеметы, как резало людям руки, ноги, разрывало людей на части, как страшно и жутко было быть на войне:

— «Я не могу сказать, что это страшно, — когда ранили, весы свет позабыл, лежу, кричу, стыда нет... И не то, что очень больно, а мысли такие, что ты на всем свете один теперь... Лежу, кричу, а потом «мама» зову... Вот и все... Тут подобрали, — рана оказалась легкая»...

— «Раз — зажарили, раз еще... я маленько испугался, а не верю, что в меня. Копая, рою, команды не слышу. Потом рраз, шаркнуло рядышком. Меня как кто за шиворот взял, над землею поднял, да о-земь шварк... Подняли — синий совсем... Контузия. Ни рук, ни ног не собираю, весь дрожу дрожмя. А в ушах — что под водой»...

— «А тут сразу нас под ихние пулеметы угораздило. Совсем непохоже, как я-то боялся... Страху нет, отчаянности столько, просто до греха... Как вышел, так бы сквозь землю провалился... И туды голову, и сюды голову, хоть под себя засунь голову... а не уйти... Как лежишь до атаки-то, так все думаешь, как бы убегти. А вышел, — орать до того нужно, кишки сорвешь... Ну уж тут пусть немец не подвертывается!.. Семь смертей ему наделаю, а взять не позволю... Вот тебе и сбеги!.. Все другое...»

— «Вьюга, как у нас на деревне, зги не видать, бьет и рвет. А тут слышно, не все ветер, — ревет тяжелая (большой снаряд), влетит за ветром смертью, свернет-скореежет все вокруг, с тряпьем, с дубьем в землю вобьет, вкрутит глубже речного дна, и опять ветер и тяжелая ревет...»

Совсем на войне люди на людей стали непохожи. Один солдат жаловался другому:

— «Я не знаю, что я после войны делать буду! Так я от всего отпал, сказать не могу. Здесь ты ровно ребенок малый, что велят, то

и делай. И думать ничего не приказано, думкой здесь ничего не делаешь... Одна машина, что я — то Илья, что Евсей — то и все...».

Жаловались солдаты на то, что их на войну послали неготовыми, и за что воевать надо — не разъяснили:

— «Война, война! Пришла ты для кого и по чайныи, а для кого и нечаянно. Неготовыми застала. Ни души, ни тела не пристроили, а просто на посмех всем странам погнали силу сермяжную, а разъяснить не разъяснили. Жили, мол, плохо, не баловались, — так и помереть могут незадьяча. На немца-то, да с соломинкой!».

Да, такова война:—кто на нее глянет, — с тем беда станет:

— «Солнышко глянуло—затмилось,—звездочки глянули,—закатились,—месяц посмотрел — на один глаз окривел; у Вильгельма— и у того одна рука отсохла... А русскому солдату—все ничем: не больно его дома балуют... В голоду да холоду—ровно в божьем во саду... Ему еще с полчаса терпенья хватит!»...

А для чего шла война, за что воевали, ради чего столько крови пролили, столько людей в землю уложили?— этого солдатам не объяснили.

— «Что война?.. Купцы проторговались, а с нас шкуру дерут», — догадывались солдаты.

— «Очень не по нутру война-то пришлась. Ну, там ранят, ала смерть, али калечью заделают, — не в том вся сила. Кабы мне знатье, в чем толк-то, из-за чего народы такие мирные передрались? Не иначе, как за землю. Теснота, что ли? И того не видать!»

— «Никто не согласен дальше воевать, — толковали между собой солдаты. — Разве что сумасшедший!»...

Так, в таких беседах, в таких солдатских песнях, росла в окопах ненависть к войне, нежелание воевать.

XIV. Как покончили с царской властью.

64. Как между царем и буржуазией пробежала черная кошка.

Русские государи всегда старательно помогали помещикам и буржуазии во всех их делах: помогали им добывать сырье и сбывать товары, помогали держать в руках крестьян и рабочих и покорять чужие народы, помогали держать в руках крестьян и рабочих и усмирить их в случае стачек, бунтов и восстаний. И русские помещики, и капиталисты привыкли ожидать от царей всего хорошего для себя, привыкли считать царя своим человеком, как бы своим приказчиком. Они и сами готовы были стоять за царя, пока он стоял за них, пока он им действительно помогал, пока он им был нужен.

В 1905 году оказалось, что в японской войне русский царь не сумел помочь своим друзьям; война велась совсем плохо и кончилась неудачно. Вместо новых земель, рынков, барышей России пришлось отдавать, японцам свое добро, расплачиваться своим. Это

было совсем не хорошо. И помещики, и капиталисты не пришли на помощь царю, когда поднялась революция, а многие из них даже сами требовали новых порядков: они требовали себе власти, требовали думы выборной от народа, где вся власть была бы в руках буржуазии, как везде в Америке и Европе; царь должен был отказаться от своего самодержавия, разделить власть с буржуазией. И царю пришлось уступить. На этот раз против него были и рабочие, и крестьяне, и буржуазия; а войска у царя под рукой много не было, — русские армии не вернулись еще с войны, с Дальнего Востока: умирять революцию было нечем.

Царь должен был пойти на уступки. Он издал манифест 17-го октября; но когда революция этим не кончилась, рабочие и крестьяне продолжали борьбу, — помещики и капиталисты от них отделились, перешли на сторону царя: им было страшно, как бы не разразилась всеобщая революция, как бы рабочие и крестьяне не отняли власти и у них самих, как бы не отняли у них собственного их достояния, их прибылей и доходов. Царь соединился с помещиками и капиталистами, раздавил революцию, и все осталось по-старому, как было до революции: царские обещания были взяты назад.

В 1917 году еще раз оказалось, что русский царь не сумел защитить своих друзей и союзников. В мировой войне русские войска не имели успеха, русские армии сдавали область за областью, крепость за крепостью; враги шли по их стопам, вторгаясь в глубину России. Всею не того хотели и ждали от царя помещики и капиталисты. И еще раз они отвернулись от такого неудачливого царя и не стали помогать ему в его борьбе с революцией. Буржуазная дума требовала, чтобы царские министры подчинились всецело ей, чтобы министры были от думы, а не от царя, чтобы дума могла их назначать и сменять по своей воле. Старый приказчик буржуазии оказался плох, надо было на его место посадить другого; царь не соглашался ни на какие уступки и несколько раз распускал думу за ее крайнюю «дерзость».

Тогда даже и в высших кругах, при дворе, поняли, что царю Николаю не справиться с революцией, не одолеть восставшего народа: но здесь вовсе не хотели отдавать власть думе; при дворе толковали о том, чтобы свергнуть царя Николая II и на его место посадить другого царя, — может быть, новый царь удачнее поведет борьбу, лучше будет делать свое царское дело. В самом Петербурге, в царской столице стали готовиться к перевороту; обдумывали, кем заменить Николая, кого посадить на его место? О том же самом шли толки и в военных кругах, в царской ставке, на фронте, среди высших генералов и офицеров. Там собирались тоже делать переворот, свергать царя и сажать на его место другого.

Но свести Николая с престола не успели ни те, ни другие; дворцовый переворот опоздал: революция разразилась раньше. Рабочие Питера вышли с знаменами на улицу, солдаты с матросами перешли на их сторону, на сторону восставшего народа, — и революция совершилась.

36. Как опять началось революционное движение.

После усмирения 1905 года революция надолго оборвалась, движение затихло, капитал снова царил во-всю. Царь Николай II мог праздновать победу. Но на веки вечные победить народ было нельзя, — и как только в рабочих массах снова накопились силы, — революция началась снова.

С 1912 года опять началась борьба. В этом году, весной, в Сибирской тайге, на реке Лене, вспыхнули волнения рабочих на Ленских золотых приисках. Рабочие выставили хозяевам свои требования — 13 отдельных требований, — в том числе 8-часовой рабочий день, увеличение платы, увольнение 27 лиц, особенно притеснявших рабочих, из числа служащих. Хозяева, не желая уступать рабочим, тянули переговоры, а сами тем временем вызывали войска¹ из Иркутска; 17-го апреля рабочие пошли к хозяевам для переговоров. По дороге, в лесу, их встретили хозяева и жандармы. Стали мирно толковать, на чем порешить, как между собой поладить; вдруг неожиданно для рабочих началась стрельба: стреляли войска, спрятанные в лесу. 250 рабочих было ранено, 270 — убито. Это было новое 9-е января.

Когда весть о Ленском расстреле разнеслась по России, по фабрикам и заводам, — всюду рабочие ответили стачками протеста. Снова бастовала чуть не вся рабочая Россия. В царской думе депутаты (выборные от народа) спрашивали царских министров, как это случилось? как могли министры допустить, чтобы войска стреляли в мирный безоружный народ? Царский министр дал на это ответ, что «спрашивать, не о чем, дивиться тоже нечему: эка невидаль, что людей побили. Всегда так было и всегда так будет!».

Но рабочие таким ответом не удовлетворились. С этого дня, 17-го апреля 1912 года, среди них началось новое движение. Рабочие стали готовиться к новой революции.

И крестьяне снова начали подниматься за землю. Начались разгромы барских имений. Начались волнения и в солдатских массах.

Солдаты, измученные войной, не видели от нее никакого прока, не верили больше в своих вождей-офицеров, не хотели более воевать; в разных местах, в окопах, отказывались выходить в бой, отказывались итти на неприятеля. В больших городах, где нехватало хлеба, давно уже началась голодовка. Стачки и крестьянские волнения по-прежнему усмирялись жестоко; война продолжалась, впереди ничего хорошего не было видно. Либералы из, помещиков и буржуазии — кадеты, как они назывались, — тщетно указывали царским министрам, на растущую опасность, тщетно говорили им, что не сегодня-завтра! начнется, наконец, настоящая народная революция; властям казалось, что всякое восстание можно еще усмирить оружием, а революции настоящей не будет. Царь собрал было думу народных выборных; дума рассматривала положение дел в стране, депутаты говорили в ней

речи о том, как плохо ведется война, как велика опасность революции. Царь вместо того, чтобы соединиться с думой, разогнал ее, находя, что она вмешивается не в свои дела. Дума не подчинилась, не разошлась. Члены думы считали, что их работа нужна для дела, что разойтись им нельзя, — особенно, когда извне грозит неприятель, а внутри растет революция. В такое время разойтись дума не пожелала.

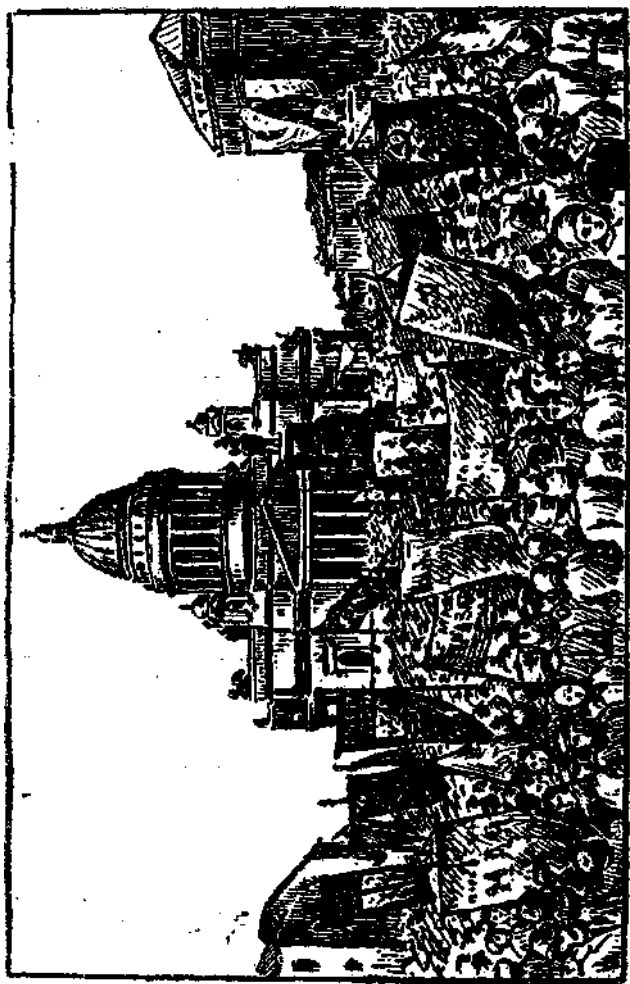
66. Как свергли царя.

В четверг 23-го февраля 1917 года на улицах Петрограда начались волнения. В разных частях города народ собирался с криками: «хлеба!». На многих фабриках и заводах не работали. Забастовщики тоже вышли на улицу. Кое-где среди толпы появились революционеры с красными знаменами и революционными надписями. Полиции, городовым, жандармам было валено разогнать толпы, если нужно — стрелять в них. На другой день началась стрельба. Полицейские давили людей лошаадьми, били нагайками, стреляли в народ. На верхушках домов были расставлены пулеметы, чтобы сверху поливать свинцовым дождем народ. Ожидали, что, как всегда, и солдаты, и казаки будут на стороне властей и начнут разгонять толпу и стрелять в народ. Но на этот раз этого не случилось. В армии и во флоте было слишком много рабочих и крестьян, бывших в окопах, видевших там все ужасы, все безобразия, какие там были, — эта солдаты и матросы не стали больше стрелять в народ, они перешли на сторону восставших, присоединились к ним. Казаки, когда полиция звала их к себе на помощь, — вместо того ринулись на полицейских, стали рубить их и гнать прочь. Солдаты, матросы сами подняли красное знамя и о революционными песнями ходили по улицам! Петрограда. Они останавливали трамваи, автомобили с ехавшими в них генералами и офицерами, ссаживали их и отбирали у них оружие, самих брали под арест.

В Таврический дворец, где были вожди революции, непрерывно приводили арестованных. Сначала доставляли только одиночных, — к ночи стали стогнать целыми табунами: жандармов, офицеров, охранников, городских, министров. Министров арестовали 27-го февраля и отправили в Петропавловскую крепость, куда раньше сажали революционеров. Царской власти в России наступил конец. Столица не слушалась больше царя и его министров; на улицах Петрограда царил уже революция.

Члены думы делали все на свете, чтобы не дать революции разгореться, чтобы спасти царя. Председатель думы Родзянко не один раз телеграфировал царю в его ставку, что в столице восстание, что народ бунтует, что опасность грозит царской власти и всему его роду. Царь не слушал советов и думал, что все устроится. Наконец, от думы были посланы депутаты Гучков и Шульгин к царю, чтобы растолковать ему, что все для него потеряно, что никто больше его слушаться не желает, что ему остается только отказаться

от трона, отречься от власти. Только тогда, когда он от них выслушал это объявление, он поверил, что все погибло, и подписал манифест о своем отречении. Свой престол он передал при этом брату Михаилу. Но и Михаил не пожелал в это трудное время принять

Первое свободное празднование 1-го мая.

власть и тоже отрекся от престола. Это было 2-го марта 1917 года. Царская власть в России перестала существовать. Несколько дней спустя бывший царь был арестован в своем дворце в Царском Селе. Потом, в июле 1918 года, он был казнен (расстрелян), со всей семьей в Екатеринбурге.

67. Как захватила власть буржуазия.

Власть перешла в руки нового временного правительства. В этом правительстве были все члены думы, из помещиков и капиталистов, и вначале всего один социалист—адвокат Керенский. Революцию сделали рабочие и крестьяне, солдаты и матросы, но они никогда раньше не имели власти в руках, не умели управлять государством, — и не решились взять власть себе. Власть получили помещики и капиталисты. Теперь они дорвались до власти, теперь никакой царь не мог больше мешать им делать свое дело, а на себя: самих они, конечно, надеялись. Новому временному правительству подчинились: вся армия, гвардия, флот, все чиновничество, полиция и жандармы; в их распоряжении была бывшая царская казна. Прекращать войну они не думали, мириться с врагом не собирались: война больше всего нужна была им, она сулила им богатые барыши. Новые министры приказали войскам и флоту продолжать войну и надеялись, что они будут теперь воевать вдвое лучше прежнего: раньше они вели войну за царя, а теперь за свое отечество, за себя самих. Но солдаты с матросами не ждали от войны тех прибылей, на какие рассчитывали буржуи, — и воевать совсем не хотели.

Революцию сделали рабочие и крестьяне, матросы и солдаты. У власти стали, однако же, не они, а буржуазия. Буржуазия старалась использовать революцию для себя, чтобы укрепить свое положение, обеспечить свои доходы. Революционный народ должен был отойти к сторонке, посторониться. Буржуазия праздновала свою победу. Она завоевала Россию.

Рядом с буржуазной властью, с временным правительством, возникли однако, как в 1905 году, Советы рабочих депутатов. Теперь они были полнее, чем тогда, в них были и депутаты от крестьян, от солдат и матросов. Такие Советы сейчас же после переворота возникли в Петрограде, Москве и в других местах. Здесь сидела уже не буржуазия, а выборные от революционных масс, от трудящихся, от тех, кого эксплуатировала и поработала буржуазия. Но ими руководили вожди, не хотевшие мешать делу буржуазии: они не решались идти против новой силы буржуазии, не решались направить на нее рабочие массы, не решались на новую внутреннюю борьбу. И раньше, во время мировой войны, они не мешали буржуазии вести войну, добиваться победы, военных успехов; — они помогали ей во всем этом, и ценой народных жизней добывали прибыли для капиталистов. Теперь они убеждали рабочих, что не надо отнимать власть у буржуазии, пусть ее правит нами, — русский пролетариат ещё не дорос до власти, ему рано еще устраивать свои революции, для себя. Они готовы были на всякие соглашения с буржуазией. Их так и прозвали «соглашателями». В Советах они почти всюду занимали большую часть депутатских мест; большая часть депутатов были из «соглашателей». Поэтому Советы не мешали буржуазии делать ее дело. Соглашатели вошли в правительство, стали

министрами рядом с министрами буржуазными и там действовали заодно с ними. Главой правительства был теперь Керенский.

Буржуазные власти требовали от рабочих, чтобы они прекратили стачки, не требовали 8-часового рабочего дня и изо всех сил работали на оборону. От крестьян же требовали, чтобы они перестали промить барские усадьбы, перестали отбирать барскую землю и терпеливо ждали, когда новое правительство разрешит дать им эти земли. От армии и флота власти требовали, чтобы они твердо стояли на своих позициях и вели войну, не ослабевая, вели ее до победного конца. Но трудно было добиться всего этого в стране, где только что произошел переворот, где не улеглась еще революция. Правительству приходилось прибегать к разным мерам, чтобы заставить себе подчиняться: приходилось посылать карательные военные отряды для усмирения крестьян, приходилось ловить дезертиров, убежавших с театра войны, приходилось грозить им казнью. Министр Керенский, став во главе правительства, только и делал, что разбегал по войскам и говорил горячие речи, убеждая солдат воевать. 18-го июня 1917 года ему удалось, наконец, кое-чего добиться: часть русской армии снова перешла в наступление. Немцы ее разбили и отогнали назад. Это еще больше заставляло скорее кончать войну. Но буржуазные власти на это никак не соглашались.

Война шла опять неудачно, и министры ничего не могли поделать. Они жаловались, что им мешают воевать рабочие и солдаты, что делу вредят Советы. С Советами министры надеялись справиться и твердили союзникам — французам и англичанам, что Россия их в беде не бросит и вместе с ними будет воевать до конца. Советы соглашались воевать, но только для защиты своей страны, а не для новых захватов, — буржуазия же только и бредила захватом Турции, проливов, Константинополя. Но с Советами справиться не удалось. Война шла все хуже и хуже, опасность грозила самому Петрограду. Немцы подходили близко к нему. Тогда буржуазные власти распорядились вывозить из Петрограда фабрики и заводы со всеми рабочими, чтобы те не достались немцам. Они хотели под этим предлогом удалить из столицы самые революционные части народа. Но этого сделать не удалось. Разразилась новая Октябрьская революция, и торжеству буржуазии был положен конец.

После свержения царя должно было собраться Всероссийское Учредительное Собрание, из выборных от всего народа, без различия. Это собрание должно было создать для России новые законы, наладить всю жизнь страны на новый лад. Пока это собрание не собралось, — буржуазия спешила делать свои дела. Когда крестьяне силой хотели отобрать себе барскую землю, им говорили, что этого делать нельзя, надо ждать Учредительного Собрания, когда оно соберется и издаст новые законы о земле. Когда рабочие требовали новых законов для себя, им отвечали то же. Но Учредительное Собрание все не собиралось; у народных масс терпение, наконец, лопнуло, и они пошли не за временным правительством и не за теми соглашателями, которые удерживали их от борьбы, а за тою партией, которая давно

твердила, что войну надо скорее кончать, что крестьянам надо немедленно давать землю, что надо все делать самим, не ожидая никакого Учредительного Собрания. Эта партия была партия большевиков. За ними пошли рабочие и крестьяне, за ними пошли солдаты и матросы

68. Как началась борьба за лозунг: „вся власть Советам.“

В июле 1917 года вспыхнули новые волнения в Петрограде, Рабочие и солдаты поднялись против буржуазных властей. Восставшим казалось, что пора свергнуть временное правительство, что власть должна перейти к Советам. «Вся власть Советам!»,—таково было требование рабочих, солдат и матросов. Партия большевиков старалась унять движение, удержать восставших. Новая революция не могла еще быть удачной, для нее не было еще довольно сил. Но толпы рабочих, солдат, матросов вышли с своими требованиями на улицу и потерпели неудачу. Войска временного правительства их усмирили, арестовали зачинщиков; многие пострадали. Этим воспользовались буржуазные министры, чтобы расправиться и с большевиками; их винули в том, будто бы они подняли народ на новый мятеж, на измену правительству революции. Началось гонение на большевиков и на всех, кто шел с ними. Большевиков ловили, сажали в тюрьмы, обвиняли их, что они будто бы германские шпионы, потому и стараются скорее прекратить войну. Им пришлось прятаться, спасаться. Вождь большевиков, тов. Ленин, спасался в рабочих кварталах Петрограда, переодетый, в чужом платье, в желтом парике. Другие вожди сидели по тюрьмам.

Смутой воспользовались генералы и офицеры, чтобы вернуть власть себе, как это было при царе. Генерал Корнилов поднял часть армии на временное правительство, двинул полки на Петроград, — он хотел захватить и разогнать советы, свергнуть буржуазное временное правительство и провозгласить диктатуру военного начальства. Однако, это ему не удалось сделать: Советы кликнули клич, рабочие стали на защиту революции, и предприятие Корнилова было отбито. Было, однако, ясно, что без новой борьбы не обойтись: или власть захватят сторонники старой власти — генералы, помещики, офицеры, или станут у власти рабочие и крестьяне в своих Советах. Но в Советах соглашатели не хотели брать власть в свои руки, были все еще «не готовы к власти». С лета 1917 года в самих Советах произошла перемена: на новых выборах везде прошла большевики.

Большевики смотрели на дело иначе. Они не боялись борьбы с буржуазией и с ее властями, не боялись объявлять им гражданскую войну, не боялись брать власть в руки, не боялись кончать войну. Они давно начали пропаганду среди солдат и матросов, рабочих и крестьян, и теперь народные массы переходили на их сторону. В октябре 1917 года большевистские Советы подготовили и провели

свой переворот: вся власть перешла в руки Советов; временное правительство было посажено в крепость, и Россия стала Советской страной.

XV. Как покончили с буржуазной властью,

69. Как рабочие свергли власть буржуазии.

К октябрю месяцу у большевиков было уже много сил в стране, и за их вождем, Лениным, шли многие тысячи и миллионы.

На 25 октября в Петрограде был назначен II съезд Советов. На съезд съехалось больше 550 человек, из них 380 большевиков, да больше сотни сочувствующих большевикам: за большевиков было на съезде больше восьми десятых всех членов. Теперь большевики могли действовать, могли смело вступить в борьбу: у них было достаточно сил, чтобы помериться с буржуазией. Ленин твердил своим товарищам, что ждать дольше и не брать власти в руки, оставлять ее в руках буржуазных и соглашательских министров — преступление перед народом, перед революцией. Не зачем даже ждать, пока съедется съезд Советов, надо брать власть тотчас, — надо тотчас же начинать восстание.

С утра 25 октября большевики приступили к действию. Для руководства восстанием был учрежден особый Военно-Революционный Комитет. По его приказам большевистские войска занимали одно за другим казенные здания Петрограда. Они заняли вокзалы, телеграф, почту, государственный банк, военный штаб. Правительство Керенского было отрезано от всей страны, — железные дороги, почта, телеграф были в руках восставших. В руках восставших были и золотые запасы, хранившиеся в подвалах гос. банка. Так постепенно выбивали большевики почву из-под ног у буржуазии.

Большевистские войска стягивались со всех сторон к Зимнему дворцу, где заседало правительство Керенского. В Малахитовом зале, обделанном, зеленым камнем, кругом большого стола, сидели в креслах члены временного правительства, ожидая решения своей судьбы. Они надеялись на свои войска, на казаков, на юнкеров, на военные части, которые должны были притти с фронта. Керенский поехал за ними, чтобы скорее привести их в город; он больше не возвращался. Остальные министры сидели и ждали, чем кончится борьба, на чьей стороне будет победа. Дворец охранялся двумя сотнями казаков, юнкерами военных училищ и женским батальоном «ударниц». Большевистские войска еще не дошли до дворца. Но на Неве, прямо перед дворцом, стоял большевистский крейсер «Аврора» — и с него глядели в окна дворца враждебные пушки. Башни на «Авроре» были выше мостов на Неве, и пальбой из своих орудий «Аврора» могла обратить в развалины весь дворец. С другой стороны Невы, из Петропавловской крепости, тоже глядели в окна дворца дула орудий.

С семи часов вечера начали покидать дворец защищавшие его воинские части. Сначала пришли к министрам юнкера и спрашивали, чего же хочет временное правительство, будет ли оно защищаться до конца, или будет сдаваться? Министры ответили им, что они получили свою власть от народа и могут сдать ее только народу, т.-е. Учредительному Собранию, как только оно соберется. Сдаваться восставшим поэтому министры не могут, и если сдадутся, то только подчиняясь насилию, чтобы не доводить до кровопролития. Юнкера выслушали и ушли из дворца совсем. Затем пришли казаки и спрашивали о том же. Им ответили то же, что юнкерам. Ушли и казаки: «нам тут нечего делать»,—говорили они, уходя. К полуночи ушли и ударницы женского батальона. Защитников у временного правительства оставалось все меньше и меньше.

К ночи охрана дворца была уже так слаба, что отдельные кучки большевиков стали проникать в самый дворец. Несколько матросов вошли в коридор дворца и бросили бомбы. Их взяли в плен. По телефону из городской думы дали знать, что из думы идет депутация к большевикам, в их штаб, и другая в Зимний дворец, к министрам, чтобы попробовать примирить обе стороны. Караульным было велено, когда придет депутация, пропустить ее во дворец. В это время подошла ко дворцу новая толпа большевиков. Караульные приняли ее по ошибке за депутацию из думы и впустили во дворец. Здесь их узнали и обезоружили.

Около двух часов ночи подошли ко дворцу вплотную большевики. Они обложили дворец, заняли все входы и направились во внутрь дворца. Во главе их был большевик Антонов.

Шум от их шагов, шум голосов донесся издали до зала, где сидели министры. Кто из них спал, кто не спал, — все вскочили. За дверями уже был слышен топот ног, какой-то стук, какие-то крики. Дверь распахнулась, и в залу вскочил один из юнкеров, охранявших еще дворец. Он вытянулся в струнку, руку под козырек и отрапортовал:

— Как прикажет временное правительство? Защищаться до последнего человека? Мы готовы, если прикажет временное правительство!

— Этого не надо! Это бесцельно! Не надо крови. Надо сдаваться! -- закричали в ответ все министры. — Мы не хотим кровопролития и сдаемся!

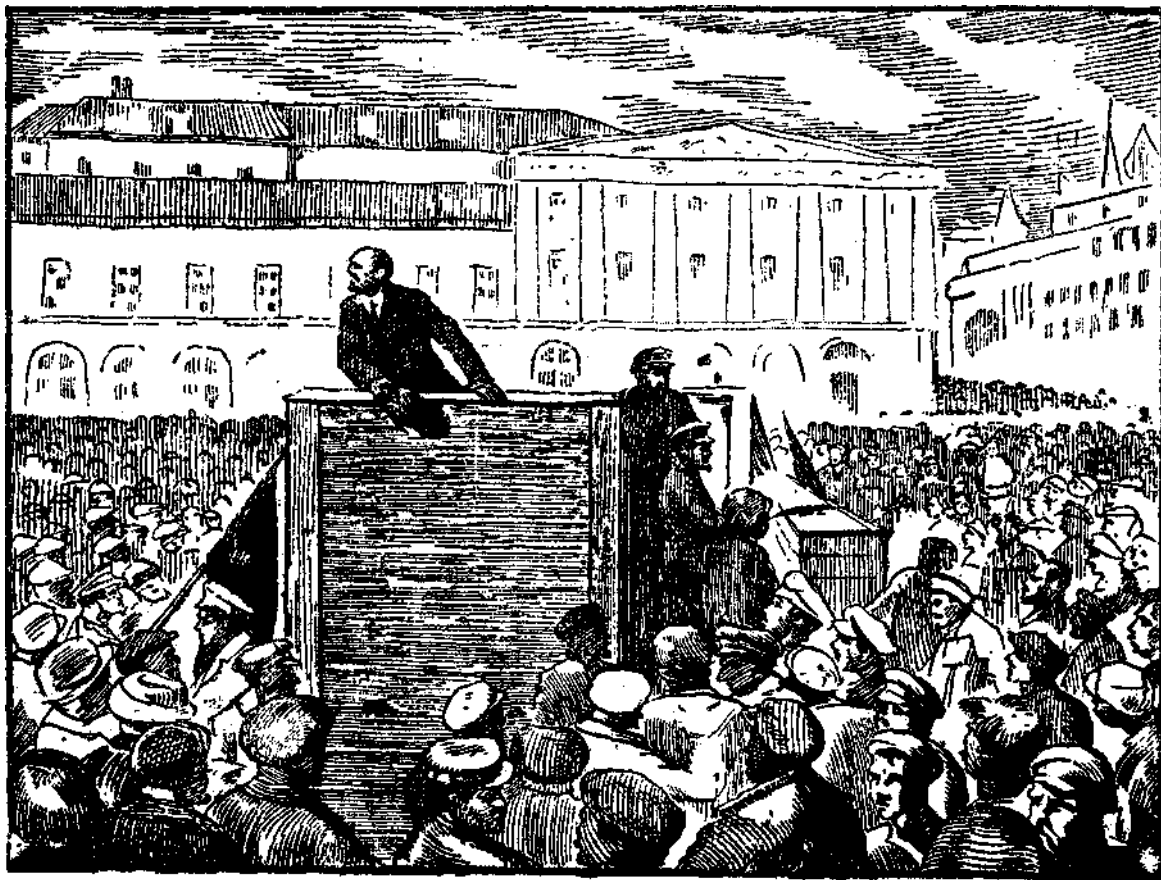
Все министры уселись за большой стол и ожидали, как их возьмут. Опять зашумели у самой двери, дверь распахнулась с шумом, и в комнату вошел большевик Антонов, а за ним повалили солдаты, матросы, красногвардейцы. В одну минуту вся комната была ими полна.

— Где здесь члены временного правительства?

— Временное правительство здесь! Что вам угодно?

— Объявляю вам всем, что вы арестованы!

— Члены временного правительства подчиняются и сдаются, чтобы избежать кровопролития.

Тов. Ленин среди отправляющихся на фронт.

— Чтобы избежать кровопролития? А сами сколько крови пролили? Сколько нашего народу побито из ружей да пулеметов?

Стали писать протокол. Министров переписали. Когда оказалось, что Керенского нет среди них, что он ушел, солдаты вышли из себя:

— И эти убегут! Чего тут протокол писать? Приколоть, и протокола не надо!

— Какого чорта, товарищи? Приколоть их тут, и вся недолга!

Арестованных надо было вести в крепость. Автомобилей не оказалось.

— Чего там автомобили! — Пускай пешком прогуляются!

— Ишь какие бары! Пусть походят—довольно покатались!

— Чего там! Пешком их гнать и все тут! Прогуляются!

Их погнали пешком, под охраной живой цепи из солдат и матросов, в Петропавловскую крепость.

Когда арестованных вывели в коридор, — собравшаяся там толпа шумела:

— И откуда вы их, чертей, выгасдили?

— Ишь запрятались!

— А Керенского нет! Вот чорт, сбежал! Показали бы мы ему!

Во дворе опять шумела толпа.

— Куда же вы их, товарищи, ведете?

— В Петропавловскую крепость.

— Убегут, ведь! Слышали, Корнилов-то убежал? И эти убегут!

Переколоть их, товарищи, и делу конец!

Так было свергнуто и посажено в крепость временное правительство Керенского и других министров-капиталистов и соглашателей. Господству буржуазии настал конец.

Поздно вечером в этот день, на другом конце Питера, в Смольном, открылся II съезд Советов. На этом съезде был и тов. Ленин, но еще переодетый, в чужом платье, в желтом парике, чтобы нельзя было узнать. Долго не открывали съезда, ожидая известий о ходе восстания, о том, чем оно кончится. Знали уже, что Зимний дворец окружен, что у временного правительства почти нет защитников, что оно находится под охраной женщин-ударниц. Знали, что, когда вооруженные силы большевиков подступали к дворцу, оттуда было дано несколько выстрелов, — у большевиков оказались раненые и убитые. Весь съезд поднялся и пропел похоронный марш в память погибших. Потом ждали новых известий. Наконец, поздно ночью явился Антонов с заявлением:

«Зимний дворец взят. Керенский бежал, остальные министры препровождены в Петропавловскую крепость».

На другой день на съезде Советов появились открыто скрывавшиеся до тех пор, тт. Ленин и Зиновьев. Ленин был уже без желтого парика. Им устроили бурную встречу. Ленин предложил два декрета — один о мире, чтобы сейчас же предложить всем державам прекратить войну и заключить мир, другой — о земле, чтобы

'немедленно передать крестьянам все помещичьи земли, без всякого выкупа. Оба декрета были приняты съездом; это были первые законы новой Советской власти.

Рабочие взяли власть в свои руки. В рабочих массах давно ждали этого переворота, давно готовились к нему. Когда в Питере должен был собраться съезд Советов, — рабочие на местах стали ждать, когда же, наконец, возьмут власть Советы, стали ждать известий из Петрограда. В одном фабричном городе (Иваново-Вознесенске), когда вечером 25-го октября собрался Совет, все были заняты одним вопросом: «ведь, сегодня 25-е, может быть, утром, а может быть, в ночь придет известие... А, может быть, и теперь,— вот в эти самые минуты — гремят там орудия, дробят пулеметы, колоннами идут рабочие и льется, льется, льется братская кровь... Эх, скорей бы узнать!..».

«Три раза пытался (говорит рассказчик) связываться с Москвой телефоном, — не вышло. Наконец, дали редакцию «Известий» и оттуда сообщили:

— «Временное правительство свергнуто!».

«Чуть помня себя, ворвался в зал, оборвал говоривших, стала мертвая тишина, и, четко скандируя слова, бросил в толпу делегатов:

«Временное правительство свергнуто».

Через мгновение зал стонал. Кричали, кому что вздумается. Жали руки, вскакивали на лавки, а иные зачем-то аплодировали, топали ногами, били палками в скамьи, стены, зычно ревели:

«Товарищи! Товарищи! Товарищи!»

Кто-то выкрикнул: «Интернационал!»

Из хаоса вдруг родились, окрепли и помчались звуки священного гимна... — Певали свой гимн мы до этого многие сотни раз, но не помню другого дня, когда его пели бы так, как теперь!

— Мы не только пели, мы видели перед собой, наяву, как поднялись, идут, колышутся рабочие рати на этот смертный последний бой...

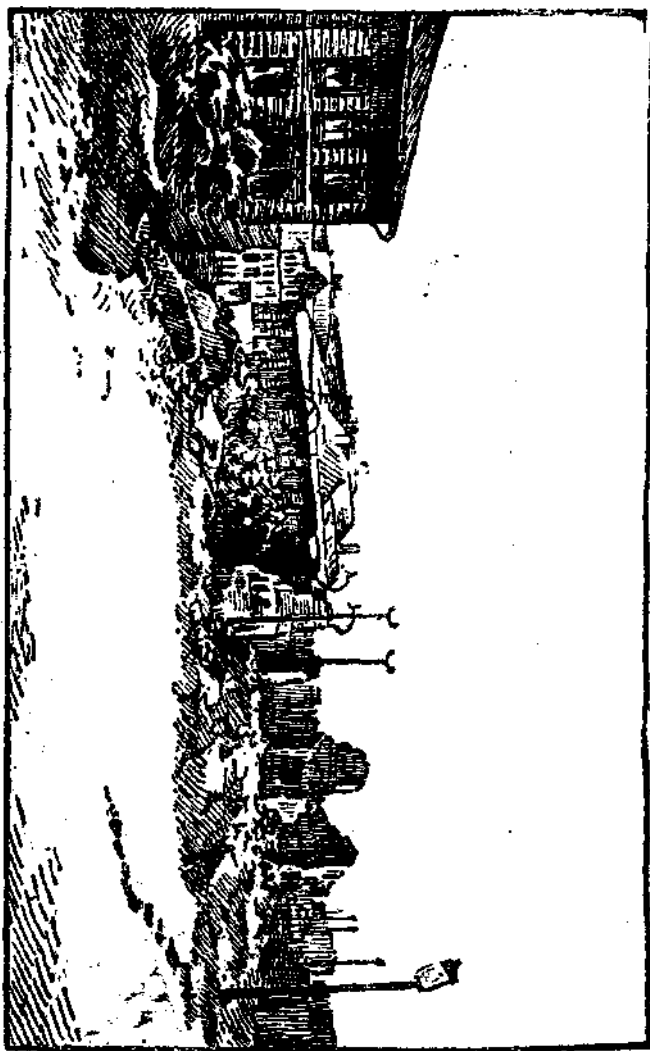
«Рабочие взяли власть. Враг разбит... Здравствуй, новая жизнь!..»

70. Как отбили удар буржуазии.

В Петрограде победа была одержана. Петроград был в руках большевиков. Но не все враги были еще сломлены. Самому Петрограду грозила еще опасность: Керенский шел к нему с фронта, ведя за собой верные временному правительству войска. Надо было защищать Петроград от этих войск. Большевистские части были двинуты к Царскому Селу и к Гатчине. Броневи́к с солдатами и матросами, весь в красных флагах, был послан в догонку за Керенским, чтобы взять его в плен и привести в Питер, — но нагнать Керенского не удалось: Керенский ушел. Во все стороны рассылал он спешные телеграммы, чтобы вызвать на помощь себе

войска с фронтов, — отовсюду ему сообщали, что полки отосланы, что в пути уже до 50 воинских поездов, все они идут к Гатчине. Но эти полки все не шли и не шли. Керенскому удалось собрать всего тысячу-другую казаков, да несколько пушек.

Керенский в Петрограде

Военные власти, офицеры и генералы, не очень охотно брались помогать Керенскому: они помнили, что Керенский, бывший раньше заодно с ген. Корниловым, в последнюю минуту под давлением петроградских рабочих изменил ему и помешал планам этого гене-

рала. Военные власти не только не хотели помогать Керенскому — у них был даже свой план: не мешать большевикам свергнуть временное правительство, чтобы потом самим свергнуть большевиков и восстановить в России старый порядок, какой был при царях.

Поэтому Керенскому и не удалось получить достаточно военной силы; офицеры и генералы медлили, оттягивали время, казаки отказывались идти на Питер, если не пойдут туда же солдаты, — а солдаты устраивали митинги и тоже не шли в поход. После битвы с большевиками под Царским Селом, войска вместо того, чтобы идти дальше вперед, отошли назад к Гатчине. На военном совете решено было начать с большевиками мирные переговоры. Были посланы к большевикам парламентареры для переговоров; парламентареры вернулись с матросами-большевиками, во главе с Дыбенко. Матросы требовали от казаков выдачи Керенского, — за это им обещали отпустить их немедленно в их станицы.

Казаки готовы были принять это условие. Тогда Керенский решил бежать. Покинутый всеми, он оставил дворец, переодетый в женское платье, — и когда большевики вошли в Гатчинский дворец, — его там уже не было. Он ушел еще раз и скрылся за границу. Больше он в Советской России не появлялся.

Когда он покидал Гатчину, туда подходили, наконец, долгожданные поезда с войсками, но было уже слишком поздно. Дело правительства Керенского было проиграно, но буржуазия все еще не уступала, не слагала оружия.

Несколько дней спустя после переворота, в Петрограде началось открытое восстание против большевиков, против Советской власти. Восстали юнкера военных училищ. 29 октября они заняли было питерскую телефонную станцию, но к вечеру их оттуда выгнали большевики. Затем большевистские войска окружили юнкерские училища, чтобы разоружить юнкеров. Юнкера сопротивлялись с оружием в руках. Было до 200 раненых и убитых. Юнкеров взяли в плен и отправили в крепость. В Петрограде вооруженных воров больше не оставалось.

71. Как произошел переворот в Москве.

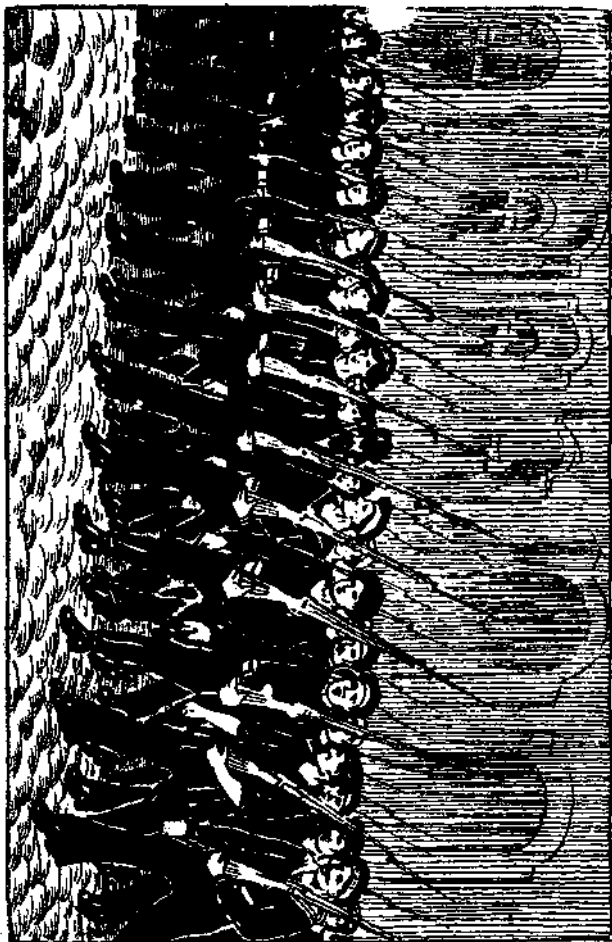
В Москве тотчас же по получении известий из Петрограда возник тоже Военно-Революционный Комитет, который и объявил себя властью в городе. Он потребовал, чтобы все войска Московского гарнизона слушались только его приказов и никаких других не исполняли. Буржуазные силы Москвы с своей стороны объединились в Московской городской думе и кругом нее. На сторону думы стали кадеты, меньшевики, эс-эры, юнкерские училища, офицеры и даже студенты и гимназисты московских школ. Штаб контрреволюции был в Александровском военном училище, где теперь Реввоенсовет. Юнкера заняли манеж, где стояли автомобили; им было велено часть их перегнать в Кремль, остальные испортить. Кремль пока был в руках большевиков, там стоял на часах больше-

вистский 56 полк. Белые потребовали, чтобы большевики вывели этот полк из Кремля, сдали бы Кремль.

У большевиков не было еще больших сил,—пришлось очистить и сдать Кремль. Туда вошли юнкера..

Опасность угрожала уже самому зданию Московского Совета (на Тверской площади). Совет вызвал к себе на подмогу отряд верных

Первая красная гвардия не упала столица.

большевикам двинцев. Двинцы пошли к Совету, но по пути, на Красной площади, у памятника Минину и Пожарскому, их встретили огнем юнкера; они засели на зубцах кремлевской стены; оттуда открыли они по двинцам стрельбу; 45 двинцев пало у стен Кремля. Начальник отряда поднят был юнкерами на штыки. Остальные, двинцы прошли к Совету.

Борьба шла на московских улицах. Весь почти центр Москвы от Кремля до Остоженки и до Театральной площади был в руках юнкеров. Совет был оторван от других районов Москвы, от рабочих окраин. Но в районах кипела работа. Рабочие сами составляли боевые отряды Красной Гвардии, добывали оружие, фабриковали бомбы, посылали в провинцию за оружием. Рабочие же поддерживали порядок на улицах окраин. 29 октября жаркий бой разгорелся на московских улицах. Рабочие из районов двигались на выручку Московскому Совету, окружая со всех сторон белый центр — юнкеров. Белые ждали себе подмоги из провинции, вызывали в себе полки, — но полки, прибыв в Москву, переходили в ряды красных, становились на сторону Советов. Затем из Тулы привезли для красных пулеметы, появились у них и пушки; на Воробьевых горах установлены тяжелые орудия для обстреливания Кремля. Рабочие из районов все теснее стягивали железным кольцом этот белый центр. Телеграф, телефон были уже заняты красными войсками. Была занята ими же городская дума. Успех явно перешел на сторону красных.

Тогда белым пришлось бить отбой. Раньше белые требовали от большевиков безусловной сдачи; теперь они спрашивали, на каких условиях согласится Военно-Революционный Комитет прекратить военные действия? Условия были выработаны, договор был подписан обеими сторонами, а 3 ноября вечером гражданская Война в Москве кончилась. Юнкера и офицеры были отпущены на свободу, им даже оставили часть их оружия. Военно-Революционный Комитет издал приказ, в котором говорилось:

Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на-голову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках В.-Р. Комитета. Комитет приказывает прекратить все военные действия».

Москва была завоевана для Советской власти.

72. Как сдалась большевикам ставка.

Оставалось завоевать еще одно важное гнездо врагов революции — бывшую царскую ставку на фронте. Ставка тогда помещалась в Могилеве. Там находились главные военные власти русской армии — и верховный главнокомандующий, генерал Духонин. Его окружали белые офицеры и генералы, мечтавшие совсем покончить со всякой революцией, снова подчинить себе солдат и матросов и их силами победить немцев. Тут еще ни в чем не отчаивались, ни от чего еще не отрекались. В самом начале февральской революции, когда свергли царя, — отсюда были посланы на Петербург войска для усмирения мятежной столицы, но их до Питера не пустили. Когда потом революционные отряды по железным дорогам снимать жандармов, генерал Алексеев из ставки приказал людей из этих отрядов ловить, судить полевым судом и тотчас же приговор приводить в исполнение. Когда 8 ноября чины ставки,

генералы и офицеры, прощались с уезжавшим бывшим царем,— в собрании раздались рыдания, несколько человек упало в обморок, один из них свалился на пол во весь рост. Так тяжело было им расставаться со своим «обожаемым монархом»! И теперь они все еще мечтали, что придут снова старые времена, царь вернется к власти, и война кончится победой. Временного правительства здесь не выносили и подчинялись ему только для видимости, твердо веря, что это все не надолго, что скоро вся революция кончится сама собой. Керенского ненавидели, глумились над ним в разговорах, толковали даже о том, как его убить.

Когда произошел Октябрьский переворот, и вместо временного правительства стал у власти Совет Народных Комиссаров с Лениным во главе,—этих «товарищей» совсем не хотели признавать.

Так же смотрели на Советскую власть и соглашатели, какие были в Могилеве в общешармейском (солдатском) комитете. Получив известия о перевороте и о том, что представители Советской власти едут в Могилев,—они говорили с негодованием: «Арестовать их! Повесить их стоит!».

Представители рабочих профессиональных союзов говорили с своей стороны, что «большевистское восстание — это преступление, после него может легко вернуться старый режим»; «это гибель для родины». А учителя заявляли от имени своего союза: «Солдаты — в окопы, рабочие — в станкам, учителя — в народ, и всемерная поддержка временному правительству!». А кадеты предлагали сказать Ленину и Троцкому: «Садитесь в тюрьму! Из вашего дела ничего не выйдет! Ваше дело проиграно!». Для охраны порядка был выбран комитет общественной безопасности из всех партий и ото всех организаций; Советской власти решено было не признавать, а в случае похода большевиков на ставку — «на силу ответить силой».

Между тем новая Советская власть приняла декрет о мире.

В ставку генералу Духонину — послан был приказ: предложить всем властям неприятельских армий немедленно приостановить военные действия в целях открытия мирных переговоров. Духонин отказался это исполнить, предлагая большевикам, если они хотят, делать это самим. За это он был отрешен от власти, и на его место назначен прапорщик Крыленко. В то же время представители союзных держав, ведших войну вместе с Россией, заявили генералу Духонину, что они не признают новой Советской власти, и что никто не может вступать в переговоры с неприятелем, без согласия всех других держав.

Общешармейский комитет в согласии с местными организациями приступил к созданию нового правительства для России, взамен негодного ставке Советского правительства. В правительство собирались пригласить представителей всех социалистических партий, надеялись, что в него войдут и большевики, а во главе этого правительства должен был стать эс-эр Чернов, который и принял избрание.

Но тем временем Советская власть росла и укреплялась все больше и больше, новые области и города вводили у себя советский строй, а большевистские войска приближались уже к Могилеву. Тогда могилевские организации решили отказаться от вооруженной борьбы и вступить со Смольным в переговоры. А местные большевики при поддержке армейских солдат обрадовали свой Военно-Революционный Комитет и торжественно, в заседании 18 ноября, объявили, что они признают Советскую власть. Переворот совершился и в ставке.

В ту же ночь из небольшого городка Быхова, под Могилевом, где сидели под арестом черносотенные генералы Корнилов, Деникин и другие, — эти генералы бежали на Дон, и вместе с ними ускакали и стороживший их в Быхове караул, состоявший из восточных людей, текинцев (из Туркестана). 20 ноября в Могилев въехал новый верховный главнокомандующий, главковерх, назначенный Советской властью — Крыленко, со своим штабом. Духонин должен был подчиниться, но он подчинился слишком поздно. Солдаты и матросы, знаящие, сколько времени противился революции Духонин, были обозлены на него и требовали его смерти. Когда Крыленко стал защищать Духонина, говоря, что не надо никаких самосудов, что не надо пятнать кровью знамен революции, толпа его не послушала, выгнала Духонина из вагона, где он находился, и растерзала. Так кончилось сопротивление ставки. Но сама ставка сдалась без боя.

78. Как пришлось распустить Учредительное Собрание.

Так было в Петрограде, в Москве и в ставке. В других городах почти везде было то же самое. Скоро почти вся Россия признала Советскую власть. Не хотели ее признавать лишь на юго-восточных окраинах, в казачьих областях. Туда и скрылись бежавшие из ставки генералы, туда уходили и другие враги Советской власти, чтобы оттуда вновь начать борьбу с новой Россией.

На Марсовом поле в Петрограде, на Красной площади в Москве — погребены герои и жертвы Октябрьской революции. На их могилах стоят памятники. Их память чтит революционная Россия.

С тех пор, как начали свою борьбу за власть большевики, как буржуи почувствовали, что им грозит настоящая опасность, — они стали искать себе где-нибудь защиты. Возлагали надежды на Керенского и его министров, — но Керенский исчез куда-то, а министры сели в крепость. Надеялись очень на юнкерские училища, но и им пришлось сложить оружие и сдаться большевикам. Рассчитывали на ставку с ее черносотенными офицерами и генералами, но и ставке пришлось склониться перед Советской властью. Оставалась еще надежда на то Всероссийское Учредительное Собрание, которое должно было собраться для выработки новых русских порядков, и где большевиков было меньше, чем других партий. «Может быть,

Учредительное Собрание не даст нас в обиду может быть, оно сумеет нас защитить и отстоять наши интересы?» — думали буржуи. — «Там, ведь, все кадеты да соглашатели. За их спиной и мы не погибнем». В январе 1918 г. собралось, наконец, в Петрограде это Учредительное Собрание, на которое так надеялись буржуи. Раз Учредительное Собрание так нужно и важно было для буржуазии, для контр-революции, — большевикам надо было вырвать у них из рук это орудие борьбы. Надо было разоружить контр-революцию. Для этого приходилось пожертвовать самим Учр. Собранием.

Как только Учредительное Собрание собралось, выбрало своего председателя — эс-эра Чернова и приступило к работам, — Советская власть предложила ему: признать Советскую власть и утвердить законы о мире и о земле, уже изданные Советской властью. Учредительное Собрание ответило на это отказом оно совсем не хотело признавать Советскую власть и ее законы. Тогда Советское правительство объявило Учредительное Собрание закрытым распустило его, так как оно могло мешать его собственной революционной работе. При этом не обошлось без борьбы: на улицах собрались сторонники Учредительного Собрания и объявили, что они становятся на защиту Учредительного Собрания, которое есть единственный истинный хозяин земли русской и которого поэтому разгонять нельзя. Советская власть разогнала и этих сторонников Учредительного Собрания.

Этим завершилась первая часть борьбы за власть Советов. Буржуазия временно подчинилась, но позднее она старалась воспользоваться всяким случаем, чтобы поднять оружие против Советской власти, и поддерживала всех русских и иноземных генералов, какие являлись для борьбы с Советской Россией, — Корнилова, и Каледина, Деникина и Колчака, Юденича и Врангеля, и многих других. Три года ушло на борьбу со всеми этими белыми силами и черными генералами, и только к 4 годовщине Советской власти кончилась борьба с контр-революцией на всех этих фронтах.

Вместо Учредительного Собрания, на которое так надеялась буржуазия, во главе России стала новая Советская власть. Вместо диктатуры буржуазии началась диктатура пролетариата: первая в мире рабочая революция совершилась у нас, в России.

XVI. Какова новая Красная Россия.

74. Каковы были первые Советские законы.

Со времени Октябрьской революции, о 25 октября, а по новому стилю с 7 ноября 1917 г., Россия обратилась в Республику Советов.

Первыми законами новой Республики были законы (декреты) о мире и о земле.

Декрет о мире предлагал всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире, т.-е. о мире без аннексий и контрибуций, — без захвата чужих земель и без денежного взыскания с побежденных. Этого мира давно и настойчиво требовали русские рабочие и крестьяне. Такой мир нужен был всем народам. Продолжать войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми народами захваченные ими слабые народы, — величайшее преступление. Такая война должна кончиться немедленно. Но если другие державы хотят мириться на других условиях, пусть объявят свои условия, — русская Советская Республика согласна обсудить с ними всякие условия мира. Для переговоров Россия предлагает объявить перемирие между всеми воюющими странами месяца на 3.

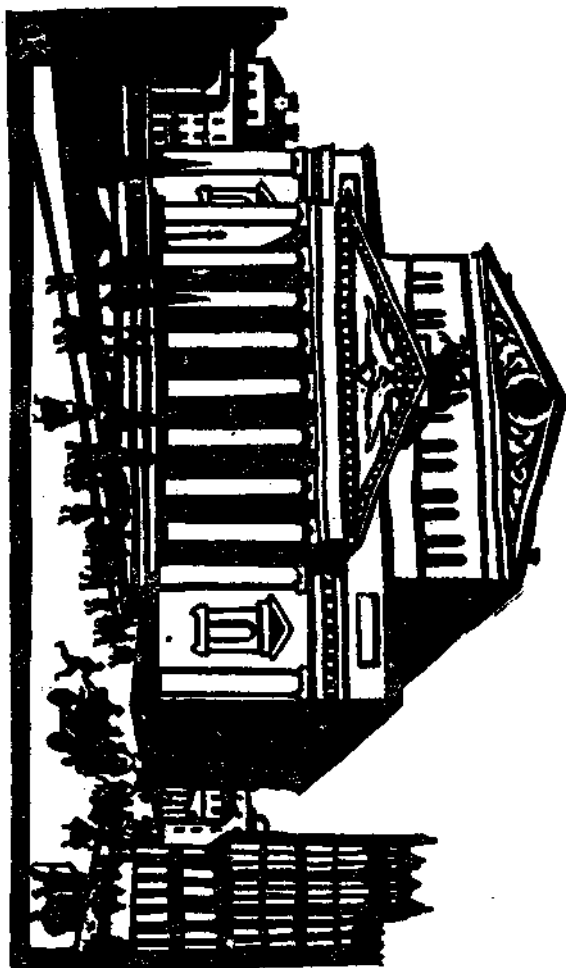
С таким предложением обратилась русская Советская власть ко всем народам мира. Но народы мира не пожелали откликнуться на этот призыв. Война продолжалась еще более года. Россия, измученная войной, уклонилась от дальнейшего ведения войны и в 1918 г. в г. Бресте подписала с немцами отдельный мир на условиях, какие были предложены немцами. Условия эти были совсем невыгодны для России; Россия теряла западные свои губернии и должна была уплатить большую контрибуцию в золоте. Для Германии и ее союзников это был мир с аннексией и контрибуцией.

Декрет о земле объявлял конфискацию без выкупа всех частных земель в стране и передачу их всему трудящемуся народу. «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа. Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем (рабочим скотом и орудиями работы), с усадебными постройками и всеми принадлежностями — переходят в распоряжение земельных комитетов. Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни отдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней. Все недра земли, руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, важные для всего государства, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и пр. переходят в пользование общин. Право пользования землею получают все граждане, желающие обрабатывать землю своим трудом; наемный труд не допускается. Земля распределяется между трудящимися сообразно их труду или их потребностям. Земля рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуется».

Этот декрет должен был навсегда изгнать помещика из деревни.

Советской властью был издан кодекс законов о труде, совершенно меняющий положение трудящихся, работающих по найму. Все законы, касающиеся труда, издаются Советской властью, а в Советах рабочих депутатов как раз заседают выборные от трудящихся. Законы эти проходят и через профессиональные союзы рабочих, —

тоже через трудящихся. Когда законы изданы, их вводят в жизнь тоже через профессиональные союзы и через фабрично-заводские комитеты, состоящие из тех же рабочих. Таким образом не чужие чиновники, а сами трудящиеся охраняют здесь свои интересы.

Здание Большого театра в Москве, где проводятся съезды Советов.

По этим законам о труде вводится всеобщая трудовая повинность: «Не трудящийся да не ест», говорит советская пословица. Каждый, кто может трудиться, должен трудиться. Избавляются от обязательного труда только дети до 16 лет, старики от 50, старухи от 45, матери с малыми детьми, больные и т. п., кто работать не может. Работать полагается не больше 8 часов в день, а в более трудных предприятиях — не больше 7 или 6 часов. Таким образом

введен был в России 8-часовой рабочий день. Плата за работу назначается не по произволу хозяев, не по соглашению голодных людей с сытыми и богатыми; заработная плата определяется профессиональными союзами и утверждается Комиссариатом Труда. Женщинам запрещены ночные работы и работы, вредные для их здоровья. Ночные работы запрещены также для подростков. До 16 лет дети совсем не принимаются на работу. Для наблюдения за тем, как исполняются эти законы на фабриках и заводах заведена особая инспекция труда, в которой служат не посторонние люди-чиновники, а выборные от самих рабочих. Таково это рабочее законодательство о труде.

75. Как устроено Советское государство.

III съезд Советов, созванный в январе 1918 года, принял «декларацию (объявление) о правах трудящегося и эксплуатируемого народа». В декларации этой говорится, что Советская власть ставит своей основной задачей уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, победу социализма во всех странах. Надо устроить общество таким образом, чтобы никто не наживался на счет другого, никто не зависел от чужой милости и произвола. Надо устроить дело так, чтобы не было бедных и богатых, трудящихся и лодырей (паразитов), а чтобы все трудились по своим способностям и получали по своим потребностям. Надо устроить так, чтобы все работали для общего блага и получали долю в общем богатстве, чтобы никто не погиб, оставленный на произвол судьбы.

V съезд Советов в июле 1918 года принял и утвердил новый закон о российском государстве, конституцию Советской России. По этой конституции, вся власть в России, в центре и на местах, принадлежит Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

До тех пор, пока основная цель Советской власти и социализма — уничтожение деления на классы, на бедных и богатых — не будет достигнута, — вся власть должна быть в руках трудящихся и только их одних; а бывшие помещики, капиталисты, банкиры власти иметь не могут. Поэтому все нетрудящиеся лишены избирательных прав: они не могут участвовать в выборах депутатов в Советы. Когда все в стране будут трудиться, когда не останется нетрудящихся, тогда и избирательное право можно будет предоставить всем. Верховная власть в России принадлежит Всероссийскому съезду Советов, созываемому раз в полгода, а в промежутки от съезда до съезда — Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету (или ВЦИК'у). Общее управление делами Советской Республики принадлежит Совету Народных Комиссаров, назначаемых ВЦИК'ом. Все народы и племена, входившие в состав старой Российской империи и оставшиеся после войны в составе Советской Респу-

блики, составляют свободную федерацию (союз) государств, со своими советскими властями, и потому Российская Советская Республика называется Федеративной Республикой. Рядом с Российской Советской Республикой стоят другие Советские Республики, Украины, Грузии, и иные.

Так как главная цель всей Российской революции, заключается в том, чтобы привести людей к социализму, — то Республика эта называется Социалистической (РСФСР).

В 1923 г. съехались в Москве представители всех Советских Республик, существующих в России, и соединились в новый Союз Советских Социалистических Республик, — СССР с общей советской властью для всего союза.

76. Как началось строительство новой жизни.

Дело не ограничилось этими законами. Советская власть приняла менять всю жизнь страны, все перестраивать на новый лад. «Мы своей, мы новый мир построим», — говорится в революционной песне — Интернационале. И революционная Россия перестраивается вся сверху донизу на новый лад. Земли отобраны у помещиков и отданы крестьянам. Фабрики и заводы отобраны у капиталистов и переданы фабрично-заводским комитетам из рабочих. Банки взяты в казну со всеми своими богатствами и капиталами. Религия объявлена частным делом каждого, каждый может верить в любого бога и не верить ни в какого, — может вступить в любую церковь и выйти из нее, может не вступать ни в какую. Духовенство всех вер лишено казенного содержания, оно может кормиться на счет тех общин верующих, которые в нем нуждаются.

Таким же частным делом объявлено и обучение детей закону божию. Прежде это был обязательный предмет школьного обучения, теперь закон божий совсем изгнан из школы. Сама школа перестраивается на новый лад. В нее открыт свободный доступ всем трудящимся, рабочим, крестьянам, — прежде в гимназию, например, старательно не пускали детей трудящихся, «кухаркиных детей». Теперь для этих трудящихся, для лучшей их подготовки к высшей школе открылось до сотни рабочих факультетов, рабфактов. При фабриках и заводах для фабричных детей устроены особые школы фабзавуча. Для подготовки советских и партийных работников — особые совпартшколы. Для военных нужд — разные школы красноармейские. Во всех школах книжная учеба должна быть изгнана, должно быть введено трудовое воспитание, — учащиеся должны не зубрить по книжке «отселева — доселева», а своим трудом добывать знания, умения, — должны сами завоевывать науку. При этом они должны изучать и самый труд: земледельческий и фабричный, сельский и городской. В Республике трудящихся все должны быть знакомы с трудом. Учащимся даны права, каких они не имели при царях: они управляют сами собой через свои комитеты, участвуют

в школьном совете, они такие же хозяева в школе, как и учителя. Школа дает им политическое воспитание, знакомит их с вопросами политической жизни, с значением и смыслом Советской революции. Многие учащиеся входят в коммунистический союз молодежи, Комсомол, призывающий молодежь к борьбе за победу трудящихся, за торжество мировой революции. Но вся новая трудовая школа только еще начинает складываться. на развалинах старой школы; сперва надо было разрушить эту старую школу, и эта работа не кончена еще и сейчас. Для новой школы нужны новые книги, пособия, новые учителя, а их мало, их нехватает, — они все нарасхват.

Когда большевики начинали свой Октябрьский переворот, они надеялись, что за переворотом в России скоро последуют такие же перевороты в целом мире. Им казалось, что революция должна вспыхнуть и в германском, и в английских, и во французских землях. и в иных государствах, что везде возникнут рабочие правительства, Советские республики, и Россия не будет одинока в мире. Первое время это как будто так и было: в Баварии, в Венгрии произошли революции, возникли Советские республики. Пытались устроить у себя то же самое и германцы. Но очень скоро все это было раздавлено буржуазией, и всюду восстановлен буржуазный строй. До сих пор мировая красная революция остается лишь в будущем. Для подготовки народов к этой будущей красной революции возник новый III Коммунистический Интернационал, международный союз рабочих, или Коминтерн. Этот Коминтерн на своих съездах ведет деятельную подготовку грядущей революции в целом мире. Первый съезд Коминтерна был в Красной Москве, в марте 1919 года.

На защиту завоеваний красной революции в борьбе ее и с русской и с мировой контр-революцией была создана могучая Красная армия — армия вооруженных борцов революции. Во главе ее стал тов. Троцкий.

Эта армия за 5 лет борьбы отстояла Советскую республику от всех ударов ее врагов и упрочила ее положение в мире. Буржуазные державы вынуждены одна за другой признать нашу республику, завязать торговые сношения с ней, так как без нее совсем обойтись уже не могут.

77. Кто такой Ильич.

Главный вожь новой Красной России, вожь большевиков-коммунистов, — Владимир Ильич Ульянов-Ленин, или как его зовут друзья — Ильич. После Октябрьского переворота он стал во главе Совета Народных Комиссаров, стал главой советского русского правительства.

Этому предшествовала большая революционная работа. В 90-х еще годах Ленин, студент университета, был исключен из него за участие в революционных кружках студентов. После этого он за-

нялся устройством новых, революционных кружков рабочих в Петербурге и работал в таком кружке, в «союзе борьбы за освобождение рабочего класса». За это его посадили сперва в тюрьму, а потом отправили в ссылку в Сибирь. В Сибири Ленин занялся писанием книг, нужных и важных для революции. После ссылки он выехал за границу и там издавал революционную газету «Искра», поднимал на революцию русских рабочих.

Когда началась в России революция пятого года, Ленин тайно от полиции прибыл в Петербург и руководил рабочими и Советом рабочих депутатов. После пятого года, когда правительство победило и началась реакция, Ленин уехал опять за границу..

Когда началась мировая война, Ленин не пошел вместе с другими вождями рабочих, убеждавшими рабочих идти на войну заодно с буржуазией и правительством своей страны; он, напротив, говорил и писал против войны, звал рабочих не к войне с рабочими других стран, а к восстанию против буржуазии, к революционной борьбе с буржуазным миром. После февральской революции, после свержения царя, Ленин вернулся в Россию и стал готовить русских рабочих и свою партию большевиков к захвату власти в пользу рабочих, к той революции, которая совершилась в октябре. Он с самого начала заявил, что рабочие должны взять власть в свои руки; и он добился того, что это так и случилось.

Но Ленин не только вождь русского рабочего класса, глава русской Советской власти, Ленин и признанный вождь мирового пролетариата, будущей мировой красной революции.

78. Какова новая Красная Москва .

Все те перемены, какие были в жизни всей России за последние полтора года, можно видеть на жизни старой русской столицы—Москвы. Полтора года назад, при царице Екатерине, это была столица российского дворянства; сто лет назад, при Николае I, — она становилась уже столицей русской буржуазии; теперь после Октябрьской революции, она стала столицей российского пролетариата, красной столицей Красной России. Старые барские хоромы и новейшие дворцы буржуазии — заняты рабочими коммунами, советскими учреждениями, пролетарскими клубами и школами. Вместо дворянских институтов и кадетских корпусов, вместо коммерческих училищ и институтов — партшколы, рабфаки и школы фабзавуча, где обучаются тысячи не дворянских и не буржуазных детей, а детей пролетарских. Там, где было Дворянское Собрание, — теперь Дом Союзов. Там, где было юнкерское училище, — Реввоенсовет. Там, где был старый университет, — рабфак. А в Кремле, где собраны царские дворцы и церковные святыни, — помещается новое красное правительство России; во дворце заседают конгрессы Коминтерна.

Владимир Ильич Ленин.

Там, где была твердыня старой, барской, царской Руси, где потом царили купцы, заводчики и банкиры, — теперь стольный город и сердце новой красной революционной России.

Так меняется на наших глазах Москва.

Там, где устраивались смотры царским войскам, казакам, жандармам, — теперь устраиваются смотры Красной армии. Там, где проходили когда-то крестные ходы, с иконами, с хоругвями и по-

нами, — теперь проходят другие шествия — тысячи рабочих, рабочих, стройные ряды комсомола, с красными знаменами.

«Мы поднимаем знамя;
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда!»

Так поет молодая гвардия комсомола.

Для того, чтобы строить «Республику Труда», чтобы выстроить «свой новый мир», чтобы «воспрянул» вместе с нами «весь род людской», — нужно много знаний, труда и борьбы. Даром ничто не дается. Чтобы в богатой стране и народ был весь богатый, — нужно нам всем много и много работать:

«Чтоб свергнуть гнет рукой
умелой,
Отвоевать свое добро, —
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!»

79. Что нужно делать, чтобы жизнь закипела вокруг.

Так богата наша страна — и так все еще беден наш народ... Отчего это так? Оттого, что столько веков царили над русской землей насильники всякого рода, — помещики и капиталисты со своими жандармами, министрами и царями. Столько веков был задавлен трудом и неволей русский народ! Столько сил, столько жизней приходилось ему отдавать на богатую жизнь помещиков и капиталистов, так мало оставалось трудящимся для себя! Конечно кипела борьба у богатых и бедных, у трудящихся и паразитов. Мало сил оставалось на борьбу с природой, на извлечение из страны таящихся в ней богатств, на использование этих богатств человеком. Столько воевали друг с другом, что некогда было воевать с природой, завоевывать ее силы, ее богатства.

Теперь нужно строить новую жизнь. Впереди предстоит целая уйма работы, — хватит не на один год. Надо, ведь, окончательно разрушить весь старый мир и на его развалинах выстроить новый. Это громадное дело. Много и врагов у красной России, — от них нужно вновь и вновь отбиваться. Новое строительство только что началось.

Много времени пройдет прежде, чем поспеет эта новая постройка.. Но пока уже кое-что сделано. Важно то, что рабочие победили, что в их руках теперь власть, что пролетариат может сказать: капиталу:

«Капитал, давай дорогу, —
Пролетарий держит путь!»

Важно то, что идет уже:

«Вперед, заре навстречу,
Молодая гвардия
Рабочих и крестьян!»,

что она идет строить —

«Республику Труда».

Важно то, что во всех концах страны кипит новая, строительная работа:

«Поет пила, звенит топор,
С нуждою труд вступает в спор».

И даже в глухих уголках в деревенских хатах, далеко от городов, появляется электрический свет:

«Настанет ночь, забрезжит в ней
Свет электрических огней».

Что нужно, чтобы оно так и было? Для этого нужно вот что:

«Чтоб закипела жизнь вокруг, --
Работай, друг!»

Нужно много труда, много работы, чтобы разрушить старую, чтобы создать новую жизнь. Но новые люди, новые борцы и работники не унывают: они верят в свое дело и смело твердят:

«На темных могилах, из праха былого,
Из крови и слез изнуренных сердец,
Мы, гордые, строим, — мы, гордые, строим, —
Мы строим Рабочий Дворец!»

Пробьет час и для Европы, и для всего мира. Революция охватит целый мир, и везде восторжествуют трудящиеся, а побеждены будут паразиты. И весь мир обратится тогда в единую, великую, мировую Республику Труда!

«Это будет последний и решительный бой!
С Интернационалом воспрянет род людской!»

80. Что говорят о новой России ее поэты.

Много писателей и поэтов в стихах и в прозе пишут теперь о новой, о Красной России. Они описывают ее со всех сторон, отмечают ее задачи, указывают, что уже достигнуто, что еще остается сделать. Работы впереди бесконечно много. Обо всем этом говорят новые поэты.

Д о р о г у

Капитал, давай дорогу!..
Пролетарий держит путь!
Не поставишь больше ногу
На мою стальную грудь!..

В Октябре я понял верно
Адский план твоей мечты—
Все, что было лицемерно,
Что преступно, — делал ты...

На заводе, рынке, в поле
Капли пота ты собирал
И из них народной воле
Вековую цепь сковал...

Величаво ты на троне
Восседал, закон творя,—

Призывал в своем законе
Почитать тебя — царя...

В монастырском одеянии
Под личиной бога, ты
Пробрался для злодеяний
В душу темной бедноты...

Я узнал тебя... Довольно!..
Ты не царь, не бог, но враг!..
Чтобы жить светло и вольно,
Красный флаг держу в руках...

Я узнал тебя... Дорогу!
Пролетарий держит путь!..
Не поставишь больше ногу
На мою стальную грудь!..

Афрамеев.

Молодая гвардия.

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.
Смелей вперед и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы—молодая гвардия }
Рабочих и крестьян. } (2раза).

Ведь сами испытали
Мы подневольный труд.
Мы юности не знали
В тенетах рабских пут.
На душах цепь носили мы —
Наследье непроглядной тьмы.
Мы—молодая гвардия }
Рабочих и крестьян. } (2раза).

И обливаясь потом,
У горнов став своих,
Творили мы работой
Богатство для других.
Но этот труд в конце концов
Из нас же выковал борцов —
И молодую гвардию }
Рабочих и крестьян. } (2раза).

Мы поднимаем знамя,
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда!
Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял, —
В бой молодая гвардия }
Рабочих и крестьян! } (2раза).

Песня труда

Вставайте, воины труда!
Нас ждет веселая страда.
Как летним днем пчелиный рой,
Мы развернем рабочий строй:

В лесу, на ниве, на лугу,
Мы страшный бой дадим врагу,
Дадим великий смертный бой,
Нужде народной, вековой.

Вперед! Вперед! Вперед! Впе-
ред!
Всеми, товарищ, свой черед:
Вчера винтовка, нынче—плуг;—
Работай, друг!

Зажав в зеленые тиски
Непроходимые пески,
Дав им приток живой воды,
Мы на песках взрастим сады.
Покрывши сетью рвов, плотин
Болот миллионы десятин,
Родную Русь из края в край
Мы превратим в цветущий рай.
Поет пила. Звенит топор.

С нуждою труд вступает в спор.
Чтоб закипела жизнь вокруг,
Работай, друг!

Где зверь досель не мог пройти,
Пробьем мы новые пути;
Где топь болотная была,
Дорога ляжет, как стрела;
Стальная ляжет колея, —
Над нею вырастет семья
Посадов, сел и городов
Под грохот быстрых поездов.

Вперед! Вперед! Вперед! Впе-
ред!

Всеми, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче—
плуг;—

Работай, друг!

По мощным рекам там и тут
И вверх и вниз гуськом пойдут
Неисчислимые суда
С плодами нашего труда.
Сольются в бодрый шум и гам
По оживленным берегам
Среди полей, среди лесов
Миллионы новых голосов.

Поет пила. Звенит топор.

С нуждою труд вступает в спор.
Чтоб закипела жизнь вокруг,
Работай, друг!

В заводах трубы задымят,
Станки, машины загремят, —
Покорный воле трудовой,
Запляшет молот паровой.

По деревьям — работай жар—
Из складов двинется товар:
Миллионы кос, упряжек, шин,
Сельскохозяйственных машин.

Вперед! Вперед! Вперед! Впе-
ред!

Всеми, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче —
плуг;—

Работай, друг!

Крестьяне, сбросив сон былой,
Всех трутней выгонят долой,
Лачуги дымные снося,
Деревня вырядится вся,
Пред каждой новой избой
Балкончик выведет с резьбой,—
Настанет ночь—забрезжит в ней
Свет электрических огней.

Поет пила. Звенит топор.

С нуждою труд вступает в спор.
Чтоб закипела жизнь вокруг,
Работай, друг!

Придет досужая пора,
Набьется в школы детвора, —
В читальни взрослые пойдут,
В газетах новости найдут,
А в умных книгах — знаний
клад:

Как строить жизнь на новый лад,
И как вести свои дела,
Чтоб Русь в довольстве рас-
цвела.

Вперед! Вперед! Вперед! Впе-
ред!

Всеми, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче —
плуг;—

Работай, друг!

Жизнь в городах забьет ключом,
Нужды не ведая ни в чем,
Исполнив свой урочный труд,
Весь городской рабочий люд,
Умно использует досуг
В кругу родных, друзей, подруг,
Отдавшись полностью тому,
Что близко сердцу и уму..

Поет пила. Звенит топор.

С нуждою труд вступает в спор.

Чтоб закипела жизнь вокруг
 Работай, друг!
 Вставайте, войны труда!
 Вас, ждет великая страда,
 Последний трудный переход
 К счастливой жизни без господ
 И без господского кнута;
 Вставь городская беднота,

Горя священною враждой,
 На битву с рабством и нуждой.
 Вперед! Вперед! Вперед! Впе-
 ред!
 Всему, товарищ, свой черед:
 Вчера — винтовка, нынче —
 плуг —
 Работай, друг!

Демьян Бедный.

Рабочий дворец.

На темных могилах, из щебня
 былого,
 Из крови и слез изнуренных сер-
 дец —
 Мы, гордые, строим, — мы, гор-
 дые, строим, —
 Мы строим Рабочий Дворец.

Нас бодрость волнует. Крепки
 наши руки.
 Мы знаем, как строить, хоть ночь
 так темна;
 И камень за камнем, и камень
 за камнем,
 Встает за стеною стена...

Над нами нахмурилось темное
 небо...
 Усталый упал не один наш
 боец...
 Мы, гордые, строим, — мы, гор-
 дые, строим, —
 Мы строим Рабочий Дворец.

Он встанет в тумане ночей мол-
 чаливых,
 Как солнце разрежет миражи
 судьбы,
 Железною ратью придем мы, при-
 дем мы, —
 Без слез, без цепей, — не ра-
 бы...

Смелее, товарищ, не бойся кош-
 И, кто бы ты ни был, за нами иди...
 И, если ты веришь, во всходы
 ты веришь,
 То камень в основу клади...

На темных могилах, из праха бы-
 лого,
 Из крови и слез изнуренных сер-
 дец, —
 Мы, гордые, строим, — мы, гор-
 дые, строим, —
 Мы строим Рабочий Дворец.

Л. Поморский.

Пробьет час и для Европы и для других стран мира — революция охватит целый мир, и везде восторжествует трудящийся над паразитом. Не даром всеобщей песнью рабочей революции является Интернационал:

«Вставай, проклятем заклеимен-
 ный,
 Весь мир голодных и рабов,
 Кипит наш разум возмущенный,
 И в смертный бой вести готов.

Весь мир насилия мы разрушим,
 До основания, а затем
 Мы наш, мы новый мир по-
 строим:
 Кто был ничем, тот станет всем!

Это есть наш последний и решительный бой!

С Интернационалом воспрянет
род людской!

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой.

Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,

Отвоевать свое добро,—

Вздувайте горн, и куйте смело,
Пока железо горячо!

Это есть наш последний и решительный бой!

С Интернационалом воспрянет
род людской!

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда.

Владеть землей имеем право,
А паразиты никогда!

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей, --
Для нас все так же солнце ста-
нет

Сиять огнем своих лучей.

Это есть наш последний и решительный бой!

С Интернационалом воспрянет
род людской!

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Кан богата наша страна и почему бедствовал наш народ.	Стр.
1. Как богата наша страна	3
2. До чего бедствовал наш народ	4
3. Отчего же это так вышло.	5
II. Кан жилось крестьянам.	
4. Как жилось барщинным крестьянам.	5
5. Как жилось дворовым.	7
6. Как жилось оброчным.	8
7. Как судили крестьян помещики.	10
8. Как крестьяне венчались	11
9. Как шла торговля крестьянами.	12
10. Как велика была крестьянская бедность.	13
III. Как жилось помещикам при крепостном праве.	
11. Как жилось помещикам.	16
12. Какова была дворянская Москва	18
13. Какой силой были тогда помещики.	19
14. Как вертели помещики царями.	20
IV. Как боролись с помещиками крестьяне.	
15. Как боролись крестьяне со своей неволей.	22
16. Как бунтовали крестьяне при Пугачове.	24
17. Что писал о крестьянской доле поэт Рылеев.	26
V. Как дали крестьянам волю.	
18. Как было отменено крепостное право.	27
19. Что это была за воля.	28
20. Как принимали крестьяне такую волю.	30
21. Как жилось крестьянам после воли — по стихам поэтов.	32
22. Как началась новая крестьянская борьба за землю.	33
VI. Какова была новая городская Русь.	
23. Как кипела жизнь в городах	35
24. Как на фабр. и заводах создавались богатства капиталистов	36

25. Как работал большой завод	39
26. Как менялась Москва	40
27. Как росли силы буржуазии	43
28. Как изображал буржуя поэт Некрасов	44
29. Как служили цари буржуазии	48

VII. Как жилось на Руси рабочим.

30. Как жилось рабочим на фабриках и заводах	49
31. Как рассказывалось об этом в рабочих листках	53
32. Как рассказывалось об этом в стихах у поэтов	55
33. Как рассказывали поэты о работе детей	57
34. Что могли сказать богачам рабочие	58

VIII. Как началось рабочее движение на Руси.

35. Как боролись рабочие с капиталом	59
36. Как боролись с хозяевами питерские рабочие	62
37. К чему приводили стачки	65

IX. Как началось революционное движение.

38. Как возник социализм	66
39. За что стояли коммунисты	67
40. Как шла революционная борьба в Европе	68

X. Как началось революционное движение в России.

41. За что стояли первые русские социалисты	70
42. О чем говорилось в прокламациях	71
43. Кто были первые вожди русской революции	72
44. Чего хотели народники	75
45. Как пошла русская молодежь „в народ“	76
46. Как боролись с правительством террористы	77
47. Как мстили террористам за их террор	78

XI. Как вступили в революцию рабочие.

48. Зарождение социал-демократической партии	80
49. Как возникли революционные партии	83
50. Зачем нужно было привлечь к революции солдат	84
51. О чем говорилось в революционных песнях	84

XII. Как боролись в пятом году.

52. Как ходили рабочие к царю, и что он им ответил	86
53. Как поется о 9-м января в стихах и песнях	89
54. Как поднялась революцией вся Россия	90
55. Откуда взялись первые Советы	93
56. Как восстала рабочая Москва	94
57. Чем кончился пятый год	95

XIII. Как весь мир бросился воевать.

58. Из-за чего воевала буржуазная Россия	97
59. Как весь мир бросился в войну	98

60. Из-за чего велась мировая война	99
61. Кто правил и войной и всем миром.	101
62. Как пошли на войну рабочие.	103
63. Как солдаты рассказывали о войне.	104

XIV. Как покончили с царской властью.

64. Как между царем и буржуазией пробежала черная кошка . . .	107
65. Как опять началось революционное движение.	109
66. Как свергли царя.	110
67. Как захватила власть буржуазия.	112
68. Как началась борьба за лозунг „власть Советам“.	114

XV. Как покончили с буржуазной властью.

69. Как рабочие свергли власть буржуазии.	115
70. Как отбили удар буржуазии.	119
71. Как произошел переворот в Москве.	121
72. Как сдалась большевикам ставка.	123
73. Как пришлось распустить Учредительное Собрание.	125

XVI. Какова новая Красная Россия.

74. Каковы были первые Советские законы.	126
75. Как устроено Советское государство.	129
76. Как началось строительство новой жизни.	130
77. Кто такой Ильич.	131
78. Какова новая Красная Москва.	132
79. Что нужно, чтобы жизнь закипела вокруг.	134
80. Что говорят о новой России ее поэты.	135

